

Vik Lazareva

Luna Gold

МОЙ ПСИХОЛОГ

Научи меня любить 18+

Когда ты в близком, любимом человеке видишь весь мир, его предательство наносит страшную боль, а постепенное осознание, что вся совместная жизнь была фарсом, — убивает. Муж, который был для меня всем, открыл своё истинное лицо, растоптав и унизив меня. Потерянную, разбитую, совершенно непонимающую как теперь жить, случай сталкивает меня с человеком, который открывает мне новый мир себя, становится моим целителем. Но когда казалось, что я переосмыслила всё, сделала шаг вперёд, оставив прошлое позади, жизнь приготовила мне новые испытания.

Я встретил её совершенно неожиданно. Ранимая, хрупкая она нуждалась в помощи, а это моя профессия — помогать людям найти ответы на вопросы, чтобы жить дальше в гармонии с собой, счастливо. Зажатая, неуверенная в себе женщина, но восхитительно красивая, оказалась внутри страстной, чувственной, созданной для любви. Она раскрылась, обрела силу и уверенность в себе, а я понял, что после встречи с ней моя жизнь уже не будет прежней.

Мой психолог. Научи меня любить

Предательство — это удар, которого не ждешь.

Пауло Коэльо

То чувство, когда земля уходит из-под ног, и ты летишь в пропасть... Уже десятый раз просматриваю это короткое видео и не могу поверить своим глазам. Возможно, я сошла с ума, и это мне только снится? Сначала хочу выключить, думаю кто-то пошутил, но потом в кадре узнаю своего мужа. Альберт, мой Альберт голый и с этой... Ханной, его помощницей. Эффектная блондинка, длинноногая, голубоглазая, красивая. Когда он её взял на работу, сразу она мне не понравилась. Нагловатая, высокомерная, знающая себе цену и амбициозная. Типичная охотница. Из тех девушек, что без короткой юбки и макияжа, даже мусор не выносят. А красная помада, ее верная и постоянная спутница. Ненавижу красный цвет! Теперь...

Что за наказание? Мне бы выключить, но я снова и снова жму кнопку “play”. Номер отеля, смятая постель, белые простыни, хорошо хоть его достоинство прикрыто. Кривлюсь от увиденного и закусываю губу до боли. Ханна же не стесняется наготы, вызываясь демонстрирует своё шикарное тело, отрихтованное пластическим хирургом, пышную грудь. Взмахивает своими белокурыми локонами и прижимаясь к нему подносит камеру ближе.

— Просил же не снимать меня, — возмущается Альберт, убирая рукой телефон.

Девушка переводит камеру на себя и улыбается. Так мерзко, что хочется выцарапать ей глаза, схватить за шикарные волосы и... Да много всего хочется, только я словно мазохист продолжаю прокручивать запись. Слова сообщения отпечатались в памяти и то и дело всплывают горящими надписями, все больше прожигая мне душу: «А ты думала, он твой?»

Видео заканчивается, а я всё смотрю в экран, замерев. Кажется, даже сердце остановилось, перестало биться, и я забываю как дышать. Гнев, ярость, обида, боль от предательства душат. Да как он мог? Подонок! Ощущение, что меня окунули с головой в дерьмо, унизили разъедает изнутри, словно яд текущий по венам.

Я отдала ему всю себя, он был первым и единственным мужчиной в моей жизни, любимым, самым дорогим. Говорят, что первая любовь самая сильная, самая яркая, но редко долгая... А я не верила. Всем назло решила доказать, что это не так. Я ему доверяла, любила... Я боготворила его и была уверена, что это взаимно, но... видимо, была слепа или слишком занята работой и не заметила как все изменилось. Глупо, но я действительно считала, что он мой во всех смыслах.

Когда мы отделились? Когда это произошло? Я прокручиваю в голове всё, что было между нами последнее время и не могу понять, что я делала не так. Говорят, в измене виноваты двое. Я так много работала, но это всё же для нашей фирмы. В чем же моя вина? Конечно, видела, как Альберт радеет за её развитие. Проектный отдел под моим руководством, и я лично контролирую выполнение каждого, чтобы сделать в срок и качественно. Возможно, моя творческая и ответственная натура немного перестаралась. Слишком много времени посвящала не тому...

Понимаю, что Альберт скоро придёт. Вытираю слезы. Уже стемнело и ужин накрыт. Все как Альберт любит. Старалась, хотела сделать ему приятное на нашу пятую годовщину, а тут вот оно что... Подумав, задуваю свечу и включаю светильник у дивана. Романтический

настрой пропал. Наливаю в бокал вина и залпом осушаю его. Словно вода, даже вкуса не чувствую. Такова жизнь... Реальность... вот она... Разбились все мои иллюзии о долгой и счастливой семье. Даже ребёнка не родила, а ведь так мечтала об этом. Теперь понимаю, что даже к лучшему.

Раздаётся сигнал сообщения: «Задержусь, не скучай». Забыл... Он просто забыл про годовщину. «Да и к черту!» — плюхаюсь на диван, окончательно сминая шелковое платье. Сидя в полумраке, не замечаю как, наполняя бокал, выпиваю почти половину бутылки и проваливаюсь в дрёму.

Вздрагивая от звона ключей, разлепляю глаза и в тусклом свете маленького светильника вижу, стоящего рядом, мужа.

— Ты почему здесь? — он оглядывает накрытый стол и пустую бутылку, а я вторю ему взглядом.

— Тебя ждала.

— Что за повод?

— Уже никакого, — грустно спускаю ноги и погружаю пальчики в мягкий ворс ковра. Приятно, намного приятнее, чем видеть его.

Похоже, я проиграла. Как же больно осознавать своё поражение. Сердце изнывает... душа рвётся на куски. Хочется кричать, выть, что-то разбить, но я беру себя в руки. Нужно сохранить достоинство, гордость... Не позволю сопернице наслаждаться победой, свысока смотреть на меня. Но... не смогу теперь с ним... жить... делить постель... дарить ласку... любить... Сердце словно сжимается спазмом боли и хочет кричать: «Люблю! Люблю...» Даже сейчас я сомневаюсь, что смогу отпустить. Не могу представить свою жизнь без него. Но простить... Этого я тоже не смогу.

— А какой был?

— Да так... Пять лет совместной жизни с одним кобелем, — это уже говорила не я, а вино, ударившее в голову. Вообще пить вредно, а мне тем более.

— Не понял. Лица, что за намёки?

— И давно это у вас?

— О чём ты, дорогая? — поражаюсь его выдержке. Искусно сохраняет спокойное выражение лица. Лицемер.

— О твоей любовнице, о Ханне! — не выдерживаю, голос дрожит, а Альберт немного теряется.

— Что прости?

— Сегодня получила интересный подарок. Хочешь взглянуть? Ты в главной роли, — протягиваю ему сотовый.

Сил нет, пусть сам все увидит. Не берет... Он даже не смотрит на меня. Понял. Догадался... Вздыхает. На его лице играют желваки.

— Лица, послушай...

— Хватит! — на мгновение срываюсь на крик, но тут же, сжав кулачки, беру себя в руки. Сердце колотится, в висках шумит. Роняю телефон. — Как ты мог?..

Так горько, что уже нет сил держаться. Хочется укрыться под тёплым одеялом и плакать. Но непонимание, обида не дают мне спрятаться и упиваться болью.

— Как давно вы из меня дуру делаете? — настаиваю я на выяснении всех обстоятельств. Хотя к чему они? Не знаю...

Смотрю на Альберта в упор и не могу поверить, что эти губы сегодня целовали другую,

эти глаза горели страстью не со мной, его руки, сильные, любимые, ласкали не меня, а её...

— Лик, ты ошибаешься, все совсем не так как ты думаешь.

— А что я могу ещё подумать? Скажи ещё, что тебя раздели и уложили с ней в постель насильно, — ёрничаю я.

— Нет, но...

— Что, Альберт? Что?!

— Я люблю тебя Лик, это была ошибка, — неумело оправдывается он.

— Ошибка? — усмехаюсь зло я. — Перепутал постель?

— Нет. Лик, не драматизируй. Ты ведь понимаешь, ну сходил на лево... с кем не бывает. Это нормально для мужчины. Нам нужно забыть об этом, я ведь здесь. У нас ведь фирма, семья... Зачем ссориться? — он подходит ко мне, присаживается на корточки у моих ног и пытается взять мою руку, но я убираю.

— Фирма? Так вот в чём проблема? — закрываю глаза и чувствую, что слёзы уже срываются с ресниц от понимания, как я была слепа все эти годы. — Значит ради этого ты готов оставить всё как есть? Как у тебя вообще хватает совести говорить мне об этом? Ты вообще меня любил?! — голос предательски дрожит, слёзы уже текут по щекам, обжигая.

— Конечно. Ты не слышишь? Я же повторяю тебе это. Прости, люблю, ну что ещё мне нужно сказать?

— Говорить не значит любить, Альберт, — грустно говорю я. — Твой поступок доказывает обратное.

Он пытается удержать меня, обхватив за бёдра, когда я хочу встать. При этом сжимает так, что мне становится больно. Он никогда раньше себе ничего подобного не позволял. Злится. Я это вижу по его сжатым челюстям, взгляду... На что? Что я узнала правду или что не верю?

— Пусти, мне больно, — муж смотрит в глаза прожигающим взглядом. На что-то решается и пытается поцеловать, прижимая к дивану, подминает под себя. Противно...

— Отпусти! Не хочу! Ты мне противен! — сопротивляюсь я.

— Противен значит? А что же раньше ты так не думала, — он продолжает напирать, задирая платье, и я выворачиваюсь, отталкивая его.

Спотыкаюсь о пустой бокал и падаю.

— От тебя разит этой шлюхой! Предатель... — меня словно выворачивает наизнанку, всхлипываю и вытираю губы рукой. Прощай помада, прощай мое спокойствие. Ком подступает к горлу, а вместе с ним и истерика. Держать себя в руках, только держать себя в руках.

— Лика, ты же любишь меня. Я знаю, — не прекращает попыток всё вернуть изменщик.

— А ты значит меня нет?

— Причём здесь моя любовь? Ну сходил налево, — невозмутимо произносит он, будто говорит о смене белья. — Я же нормальный мужик. Давай забудем, и все будет как раньше.

— Уже никогда не будет как раньше, — шепчу я сквозь горькие слёзы.

— Да что ты такая несговорчивая?

Он пытается меня обнять, сев рядом со мной на пол, а я отталкиваю его руки.

— Не трогай меня!

— Истеричка! — по лицу прилетает звонкая пощёчина, и щека горит от мужской ладони.

Я на миг замираю, прижав руку к лицу, и смотрю в глаза мужа, когда-то такие родные,

любимые, но вижу в них раздражение... не любовь...

Медленно поднимаюсь, ещё собирая свои мысли по кускам, что разлетелись вместе с его реакцией на мои слова. Теперь мне точно все понятно... Он не любит меня. А может и никогда не любил...

Решение пришло само собой. Мне нужно на воздух. Не говоря ни слова, встаю и решительно иду в холл.

— Лика! Лика! Прости! — кричит мне вдогонку, когда я, надев туфли, рывком открываю дверь.

В лицо мне ударяет жаркий воздух, что не сменяется ночной прохладой летом. Хватаю низ платья, срываюсь и бегу по пустой дороге тихого района. Слышу крики мужа, утопающие вдали:

— Давай забудем!

Но мне уже всё равно. Подальше отсюда, подальше от него. Почти бегу быстрым шагом, а в голове стучат слова: «Ошибка. Давай забудем... забудем...»

Как такое можно забыть? Как теперь жить дальше?

Глава 1/1. МАРКУС

— Фрау Штайн, вам комфортно? — вижу, что пациентка напряжена. Сидит, не опираясь на спинку кресла, словно присела ненадолго, спина выпрямлена, руки на коленях сложены в замок, избегает прямого взгляда — закрыта для контакта.

— Да, — рассеянно отвечает, и я ловлю взгляд больших глаз, в которых читается смятение и неуверенность.

— Я гарантирую полную конфиденциальность. Всё, что будет сказано в этой комнате, не покинет её, — доброжелательно улыбаюсь, пытаюсь расположить её к доверительной беседе.

— Я знаю. Просто... — снова опускает глаза.

— Расскажите, что вас беспокоит, какого результаты вы ждёте.

Даю время ей подумать и изучаю, сравнивая с нашей первой неофициальной встречей на набережной. Тогда она была в отчаянье, испытывала боль, была потеряна. Сейчас взгляд потухший, улыбки на лице нет, но ухоженная, следит за собой. Опрятная одежда, не повседневная, а классический деловой костюм, состоящий из юбки, приоткрывающей колени, красивые нужно заметить, шёлковой блузки и приталенного жакета, аккуратный маникюр, белокурые волосы, с медовым отливом, лежат на плечах мягкими локонами, лёгкий дневной макияж — явно говорили о том, что она не в депрессии, не потеряла связь с реальностью, ей не всё равно как она выглядит.

— Вы не против, если я буду называть вас Ангелика?

— Нет. Так даже легче будет, — уголки губ поднимаются в мимолётной улыбке, немного нервной. — Не так официально, как Фрау Штайн.

— С каким настроением вы сегодня проснулись, Ангелика? — начал с непринуждённых вопросов, чтобы разговорить её.

— Грустным.

— Что вы ощутили в первые секунды, как открыли глаза?

— Тоску, — снова опускает глаза, разглядывая свои руки. Нервно теребит браслет на запястье, а я делаю пометку в блокноте. — По Альберту, по его объятиям и поцелуям, по простому: «Доброе утро, дорогая». Пришла на кухню и поняла, что некому готовить завтрак.

— Это был ваш каждодневный ритуал с мужем?

— Да, — неуверенно прозвучало, — почти... — внимательно смотрю на реакцию, поймав её взгляд. Вздыхает, помедлив. — Но последнее время утренние объятия и поцелуи стали редкостью, — решается на откровение.

— Вы можете вспомнить, когда это произошло?

— Что? Э-э... мне тяжело пока об этом говорить.

Время идёт, мы общаемся, и вроде она начинает мне открываться, но мои мысли уносятся в ту ночь, когда я встретил Ангелику впервые, случайно.

Вспоминаю хрупкую фигурку, сидящую на ступенях ведущих к Майну. Река волнуется и грозит замочить ее туфли, но женщина будто не замечает ничего вокруг. Потерянный взгляд и тихие слова, что повторяет словно мантру: «Давай забудем...» Потом нервный смех и поток горьких слез. Что же случилось?

Мой пёс появляется в свете фонаря, и я уже готов возвращаться домой, но стою и не могу отвести взгляд от этой молодой и такой несчастной на вид женщины. Мне необходимо

помочь. Жизненно важно. При этих мыслях внутри загорается огонек, не могу объяснить его природу. Может профессиональная привычка? А может просто человеческий фактор, желание помочь, поддержать? Но скорее, дело в самой женщине, она притягивает меня, необъяснимо влечет к себе, хотя даже не смотрит в мою сторону. Магия какая-то...

Рокки приближается и я чешу его за ухом. «Что, приятель? будем сегодня спасателями?» — всего лишь мысли в моей голове, но они дают уверенность в правильности решения. Я направляюсь к воде.

— Добрый вечер!

Девушка вздрагивает и сжимается, словно от удара. «Её били? Да нет, не может быть.» Шелковое длинное платье, красивая прическа, слегка растрепалась, но... кто в своем уме будет обижать такую женщину?

Несмотря на тёплое лето, ночью река приносит прохладу. Ей холодно. Сжимает плечи руками, втягивая шею. Спешу снять с себя лёгкую ветровку и накидываю на её плечи. Девушка с недоумением поднимает на меня большие, заплаканные и красные глаза. В них отражаются свет от уличного фонаря. Я молча присаживаюсь рядом с ней на ступени. Понимаю, что слова сейчас плохо воспринимаются, и подзываю Рокки, тот за секунду оказывается у ног и дает себя гладить. Моя бледная новая знакомая сначала просто смотрит, а потом как-то сама тянется и гладит пса. «Хорошо, уже хорошо», — улыбка озаряет мое лицо.

— Хороший пёс, — тихо говорит она.

— Любите собак?

Незнакомка кивает, продолжая гладить Рокки по чёрной шерсти.

— Всегда мечтала о собаке, только у мужа аллергия. Так что, несбыточная мечта, — уголки ее губ немного приподнимаются.

— Ну есть гипоаллергенные животные, — начинаю я разговор, цепляясь за ее слова.

— Нет, у мужа аллергия больше моральная, а точнее просто не любовь к животным, да похоже и не только к ним, — снова мрачнеет, отводит взгляд вдаль, на водную гладь Майна.

Снова промах, надо попробовать еще. Понимаю, что лучше подальше от мужа, опыт и интуиция подсказывают, что причину её слёз я вычислил.

— Но есть множество других общих интересов, — улыбаюсь я. — Что-то же объединяет людей.

Она молчит, и я понимаю, что закрылась — не расположена к разговорам о личном, тем более с незнакомцем. Значит, отвлечённые темы в приоритете.

— Сегодня столько звёзд, — поднимаю взгляд в ясное, ночное небо, и она тоже поднимает голову. — Красивая ночь, звёздная. А знаете, я раньше увлекался астрологией. Вот вы в каком месяце родились?

— Апрель, — незнакомка заинтересовано оборачивается.

— Значит, вы сильная и целеустремленная личность. Во всём привыкли добиваться успеха и всё доводить до конца, не бросая при возникших трудностях, всегда ищите решения. Перфекционист. Но в любви часто слепы и наивны. Возможно, стоит меньше доверять людям и не раскрывать душу перед теми, кто этого не достоин?

— Да, вы правы. Возможно... — тяжело вздыхает.

— Знаете, порой жизнь так больно бьёт, что мы забываем, как дышать, как жить дальше, но всё это поправимо. Главное пережить это, переосмыслить, вернуть вкус к жизни. Все, что с нами случается делает нас сильнее и мудрее. Плохой опыт тоже необходим.

— Вы что психолог?

— Что так заметно? — улыбаюсь я, и получаю улыбку в ответ. Ну вот... есть контакт.

— Да уж, видно невооруженным взглядом, — расслабляется.

Вот и здорово.

— Очень многие люди в эмоциональном стрессе, трудных жизненных ситуациях не в силах справиться с переживаниями и проблемами, не видят первоисточника, не знают как сделать следующий шаг, заикливаясь на проблемах, на боли, обиде. Тут и нужна моя помощь.

Я вручил ей визитку и проводил до гостиницы, которую она назвала. Мы больше не разговаривали, только незначительные фразы и прощание, но я помнил ее. Не знал её имени, но весь этот месяц вспоминал и втайне надеялся, что женщина с грустной милой улыбкой войдёт в эту дверь, что я снова увижу ее большие красивые глаза цвета моря во время шторма, такие же волнительные и прекрасные. И вот она здесь!

Ангелика пребывает в отстраненном состоянии и мне срочно следует что-то предпринять. Возможно, что она особенная и действовать нужно тоже аккуратно, ведь на набережной же получилось. Я видел тогда ее интерес к звёздам и астрологии. Что же ещё придумать?

— Как вы добрались, фрау Штайн? Пробки сумасшедшие наверное? Центр Франкфурта всё-таки.

— Нет, все в порядке. Я здесь недалеко работаю. Наша компания в двух кварталах отсюда. Архитектурное агентство «Steinbau». Слышали может о нас?

— Вы любите свою работу?

— Конечно, я ведь дизайнер. Невозможно не любить красоту.

— Так и есть. Опишите ваш день, пожалуйста, — она прям светится, когда говорит о своём любимом деле.

— Ладно, — приподнимает плечо. Такое небрежное и произвольное движение, но какое-то немного игривое или это мне так показалось. — Все как у всех. Утро, кофе, пробки. Из пригорода не так быстро добраться до центра, — улыбается. — Знакомые лица и утренняя летучка. Раздача заданий и... — она грустнеет.

Видно, что что-то её беспокоит всё же на работе, и я осторожно задаю вопрос:

— И что? Проблемы?

— Нет, просто... мы... я и мой... мы партнёры с... — даю ей самой сформулировать, но уже понимаю о чем она. — Знаете, очень непросто видеть его там каждый день, контактировать.

— Вы из-за него были тогда там, ночью, возле Майна?

— Да.

— И он ваш... Отец? Брат?

— Муж, — сдаётся, наконец она. — Только, все очень сложно... Я подаю на развод.

— Хотите обсудить причину? — молчание и, будто решившись, она поднимает свой взгляд на меня.

— Предательство. Измена. Знаете, тяжело это было осознать, — уже твёрже говорит, словно признавшись самой себе. — Когда ты полностью доверяешь человеку и безумно его любишь, то не замечаешь момент, когда он больше не отвечает тебе взаимностью, и ты получаешь словно нож в спину.

— Вы сейчас имеете в виду физическую измену, я правильно вас понимаю, фрау

Штайн? — смотрю и не могу поверить: «Измена? Ей? Она само совершенство».

— Ангелика. Можно по имени, — улыбается она, а в моей груди теплеет. — А есть разница, гер Шольц?

— Предательство имеет чёткое определение — это отступление от данного обещания, слова. Если люди давали друг другу обещание быть верными партнёрами, не имея на стороне связей... Ведь бывают и другие пары, другие отношения.

— Я понимаю о чём вы, — опускает глаза на миг и снова смотрит на меня. Прямо в глаза. Замирает на миг и продолжает: — Но это не про нас. Мы с Альбертом любили друг друга. Он всегда знал, что для меня никого кроме него не существует, и он говорил тоже самое, — она в волнении, быстро облизывает губы. — И я верила ему. Но... сейчас... после того, что случилось и его слов в тот вечер, я уже не знаю правду ли он говорил все эти годы.

Глава 1/2. МАРКУС

— Сколько лет вы были вместе?

— Семь лет, из них пять в браке. Я понимаю, что это немного, но для меня весомо.

— И что вас натолкнуло на мысль, что муж говорил неправду о своих чувствах к вам?

— На нашу годовщину, я ждала Альберта с работы, он задерживался, и потом это сообщение, и видео.... Его любовница решила сделать мне подарок.

— Что вы почувствовали в тот момент? Можете описать?

— Как вам сказать... боль. Очень сильную боль... обиду, гнев... Стыдно... — сжимает пальцы на запястье. — Но мне даже захотелось ударить... сделать ему тоже больно... Но... по прошествии времени, пока я его ждала, гнев стих и... осталась только боль. Думаю, в тот момент я просто сгорела внутри, что-то сломалось, понимаете? Я открыла глаза на правду, но чувства... они никуда не пропали. Только стало очень больно и мерзко от понимания, что меня предали.

— Это стадия отрицания и гнева. Вы прошли её сами. Вы сильная женщина, Ангелика. Многим нужна поддержка и помощь именно в этом моменте, потому что в отчаянье совершают необдуманные поступки, прибегают к мести. Бывает, что этот период затягивается на дни, месяцы и даже годы. Но месть не приносит облегчения. Вы сказали мужу про видео?

— Я всё ему сказала.

— Как он отреагировал на это?

— Сначала сказал, что это ошибка и что ничего не изменилось. Просил забыть и продолжать жить как прежде. Но... Он дал мне пощёчину, это самое ужасное в тот вечер. Он никогда не поднимал на меня руку, всегда говорил, что только слабаки бьют женщин, а тут...

— У вас был срыв? Может, он хотел привести вас в чувства?

— В чувства? Да, Альберт так и сказал потом. Только какое, по-вашему, состояние у меня должно было быть при виде его голого тела в чужой постели, в объятиях другой женщины?

— Как вы отреагировали на его слова, что это ошибка?

— Ошибка? Такие ошибки невозможны, если человек любит. Вот вы женаты, гер Шольц? Вы смогли бы простить измену?

— Называйте меня Маркус. Так обоим будет комфортнее. Представьте, что мы давние друзья, — ответил я на ее вопрос, а сам обдумывал, что сказать. Ведь я не женат, но измена для меня не пустой звук. — Нет, я не женат, но знаю, что простить не значит снова доверять этому человеку. Простить — это принять действительность, отпустить, не дать боли и обиде поглотить вас. Преодолеть их и жить дальше.

— Я не могу простить, несмотря на чувства к этому человеку. Каждый день встреча с ним в офисе служит мне напоминанием об этом.

— Так может, не стоит мучить себя? Вы приняли твёрдое решение расстаться или надеетесь на примирение?

— Я уже не смогу быть с ним. От одной мысли, что он... он, — Ангелика запинается. Ей тяжело говорить на интимные темы. Не привыкла раскрываться. — Что он был с другой или может с другими... Я уже ни в чем не уверена. Он ведь мой первый и единственный

мужчина, я просто не знаю как мне быть... Не могу понять, что я делала не так? — она неожиданно срывается на эмоции. Вижу, что её глаза блестят — слёзы наворачиваются. — Что со мной не так?

— Вы ни в чем не виноваты, Ангелика. Никто не виноват. Просто бывают разные ситуации в жизни. Возможно, его чувства к вам остыли? Так бывает, что любовь проходит.

— Так не должно быть, только не так, — предательские слезы все же текут по её щекам, и она закрывает лицо ладонями.

Я беру салфетницу со стола и подхожу к ней. Присаживаюсь рядом на диван. Ангелика открывает лицо и, на миг замерев, смотрит на меня с недоумением. Берёт салфетку и, вытерев глаза и лицо, снова смотрит на меня большими красивыми глазами, которые от слез стали ещё ярче. Не хочу смущать ее. Возвращаюсь в своё кресло, и тут меня настигает неожиданный вопрос:

— Вот вы мужчина, скажите, я страшная? Или может во мне что-то не так?

Вопрос чуть ли не сносит меня с ног своей эмоциональностью. Она словно в отчаянье просит помощи. Ангелика не хочет принять, что измена мужа — не её вина.

— Понятие красоты довольно размыто и в понимании каждого оно своё. Но я считаю... — запнулся на своих же словах, чтобы не произнести лишнего. — Я считаю вас очень привлекательной. Вы не должны винить себя в его измене. Пусть он винит себя, что потерял вас, — это слишком лично, я не должен переходить границу, но я не могу удержаться, чтобы не дать ей уверенность, не поддержать ее. Я вижу, сейчас она нуждается в этом.

Ангелика успокаивается, слёзы уже не стекают по её красивому утончённому лицу, и я продолжаю:

— Я могу с полной уверенностью сказать, что в большинстве случаев жертва измены ни в чем не виновата. Ну разве только в том, что слишком доверяла партнеру и позволила ему нанести себе такой коварный и жестокий удар. Как бы вы себя не вели с партнером, если он вам изменил, то вся ответственность за его поступок лежит на нем. Он мог этого не делать, он мог расстаться с вами, если вы его чем-то не устраиваете, но не предавать вас, не обманывать. А он это сделал. Он так решил. Он сделал такой выбор. И это исключительно его вина. Я понимаю, Ангелика, вам тяжело, принять это и отпустить. Вы подаёте на развод, но эмоционально вы с ним, хоть вам и больно. Именно это и причиняет вам вред. Но вы как раз за этим и здесь, — улыбаюсь, подбадривая её улыбкой. — Я помогу вам с этим справиться.

— Вы хотите сказать, что проблему лучше решать кардинально? Но мы вместе работаем, я уже и так переехала к папе. Ведь Альберт отказался съезжать. Он не хочет разводиться... Но...

— Нет кардинальные решения не всегда нужны. Возьмите отпуск, приведите мысли в порядок, а потом решение придёт само собой.

Я вижу, что Ангелика уже спокойна, задумывается. Кажется достучался, пробил её блокировку. Она открылась, доверилась. Это уже полдела, без доверия пациента результата не добиться.

— Может сразу уволиться?

— Вы подумайте над нашей беседой до следующего сеанса. Попробуйте переосмыслить всё уже не с позиции виновной стороны.

У нас остаётся ещё время, и я готов задать несколько вопросов, но сигнал мобильного

разливается по кабинету, разрушая доверительную интимность момента.

Ангелика вздрагивает, доставая из сумки телефон, выключает звонок и извиняется:

— Прошу прощения. Забыла выключить, — слегка смущается.

— Не страшно. Наш сеанс уже окончен. Надеюсь, он вам помог, и я буду ждать следующего. Только... Я хочу вам дать домашнее задание.

— Задание?

— Да. Это нормальная практика в психологии, — улыбаюсь я. — Каждое утро, подходите к зеркалу и говорите себе, что вас ждут интересные встречи и события, что день будет чудесным и никто не испортит вам настроение.

— Я постараюсь, гер... Маркус, — мягко произносит она, и её завораживающий голос отзывается, разливающимся в моей груди, теплом.

— Вот и прекрасно, Ангелика. Начало положено, и я думаю, у нас все получится, — пожав руку, как положено, провожаю ее до двери.

— До свидания.

— До свидания, Ангелика.

Закрываю дверь и понимаю, что мне приятно произносить её имя. Оно словно музыка звучит в моей голове. Меряю шагами комнату, пытаюсь собрать мысли и эмоции от встречи. Необходимо заполнить документы, и я сажусь за стол.

Пациент: Ангелика Штайн.

Состояние: стабильное.

Диагноз: заниженная самооценка. Чувство вины. Стресс из-за проблем в личных и интимных отношениях с мужем. Измена и развод, как следствие. Лёгкий невроз.

«Бессонница, потеря аппетита, апатия?» — поставил вопрос напротив. А вот это мне ещё предстоит выяснить.

Ангелика такая женственная и ранимая. И что за придурок, этот ее муж? Он просто втоптал ее в грязь, сломал. Ещё после этого у неё хватает сил работать с ним каждый день, сталкиваться с напоминанием о пережитой боли. Она должна поверить в себя, должна жить не оглядываясь, не боясь новых чувств, не закрываясь в своей боли.

Откидываюсь на спинку кресла и прислушиваюсь к своим ощущениям. Приятное тепло растекается по телу и волнение, и я осознаю, что это эмоции от Ангелики. Она как освежающий ветерок летним днем, как глоток воды в пустыне... вот уже превращаюсь в поэта. Смешно, но это все она... Понимаю, что это недопустимо, не этично по отношению к пациенту, но не могу подавить в себе эти чувства.

Надеюсь, что она обязательно придёт на следующий сеанс. Я уверен, что смогу достучаться до неё, что она заинтересовалась нашими встречами и надеется на мою помощь. А я хочу ей помочь и... хочу увидеть её снова... очень хочу.

Глава 2/1. АНГЕЛИКА

Обычное утро очередного рабочего дня. “Что принесет мне этот восход?” — думаю я, стоя с чашкой крепкого двойного эспresso возле окна. Сегодня я опять готовлюсь к холодной и молчаливой войне на рабочем месте. За месяц, что прошёл с того самого момента, когда я впервые почувствовала «искренние чувства» моего мужа, я больше не на автопилоте. После вчерашней встречи с Маркусом, уже привыкла его так называть, мне легко. Конечно, чувства никуда не делись, я все также люблю человека, сделавшего мне больно, все также злюсь на него и на себя, все также недоумеваю от множества вопросов, терзающих израненную душу, но теперь я дышу. Вопросы, задаваемые вчера, попали в самую суть, заставили задуматься. Теперь я не хочу винить себя, хочу просто разобраться в себе. И совет Маркуса по поводу перерыва и отпуска мне действительно понравился. Я задумалась.

— Лика, дорогая, тебя подбросить? — прерывает мои мысли отец.

— Нет пап, я сама доберусь. Спасибо.

Я до сих пор не могу с отцом нормально общаться. Да, я вынуждена жить у него, но не обязана любезничать. Самые близкие люди предали меня. Один, тот который спал со мной в одной постели и назывался мужем, улыбался и смотрел мне в глаза, целовал и говорил, что любит. Второй, самый родной, тот, что был мне опорой с самого детства, и я считала его идеалом во всём, особенно зная, как сильно он любил маму. Но после разговора с отцом о предстоящем разводе мне стало ещё хуже. У них с Альбертом были прекрасные отношения. Отец его поддерживал во всём, всегда, с самого начала, помог и с бизнесом, и деньгами, и связями. Именно мой папа настоял на нашем браке, когда я забеременела. Он помог нам молодым, ещё неопытным в бизнесе, стать на ноги.

— Лика, да брось ты это. С кем не бывает, оступился разок, — папа потёр моё плечо, пытаюсь поддержать. — Ну что? Сразу все теперь? Почти все пары проходят через это. Дай ему шанс. Он же раскаивается.

— Ты уже говорил пап, я тебя слышала, не стоит повторять, — говорил...

Тогда он много чего мне сказал. Я только и успевала проглатывать слезы и не могла поверить, что он так спокойно к этому относится. Конечно, мужская солидарность... Но я же его дочь...

Отец уходит, оставив меня наедине со своими мыслями. Теперь во мне нет того спокойствия, что преобладало ещё пятнадцать минут назад. Все! Опять вулкан и торнадо внутри.

Франкфурт. Центр города. Высотки, упирающиеся в небо, вывески, рекламирующие постоянные выставки на все существующие темы, тысячи людей, спешащих куда-то. Я поднимаюсь в стеклянном лифте на последний этаж офисного здания, который занимает наша компания.

Вздых. Собираюсь с силами и надеваю на лицо улыбку, широкую и счастливую. Здесь никто не должен знать, что между нами с Альбертом произошло. Как же это сложно притворяться счастливой. Дверь открывается.

— Доброе утро, фрау Штайн, — приветствует меня улыбчивая Эльза на ресепшене.

— Доброе. Гер Леманн уже у себя?

— У себя.

Ничего не ответив, направляюсь в свой кабинет. Привычно сажусь в кресло, включаю

компьютер и открываю свой ежедневник, чтобы посмотреть запланированные дела на сегодня и есть ли встречи. После вчерашнего разговора с папой абсолютно всё вылетело из головы. То, как он меня успокаивал и настраивал помириться с Альбертом, натолкнуло меня на множество мыслей. Теперь мне уже не казалась их с мамой жизнь такой идеальной, как я считала. Подозрения о том, что мама многое скрывала от меня, точнее они оба, не давали мне покоя. Неужели и их отношения измена не обошла стороной? Может потому что я росла в видимости идеальной семьи, образцовых отношениях между родителями, я и стала такой идеалисткой, верю в настоящую и преданную любовь. Именно глядя на своих родителей, я думала, что у меня тоже будет такая счастливая семья. «А есть ли она? Эта любовь? Что-то я уже сомневаюсь», — снова вздыхаю, неосмысленно глядя в монитор.

Неожиданно дверь кабинета открывается, а я уже знаю, что это Альберт — только он входит всегда без предупреждения и стука. На миг закрываю глаза и глубоко вдыхаю.

— Привет, Лика, — мягко говорит, подходя к столу.

— Привет, — безэмоционально отвечаю, не глядя ему в глаза.

Он расслабленно садится в кресло напротив и по обыкновению закидывает ногу на ногу. Поправляет галстук и смотрит на меня в упор. Встречаемся взглядами, и я вижу, как он быстро облизывает губу.

— Лик, где сметы по проекту для Кауфмана? Он вчера мне весь телефон оборвал, когда ты уехала.

— Я... я уже сделала, — до сих пор не могу после всего, что случилось, спокойно на него реагировать. Альберт всегда был очень уверен в себе, и сейчас его голос звучит так, будто я маленькая провинившаяся девочка. Я вздыхаю. — Сейчас распечатаю... или прислать в электронном виде?

— Ты же знаешь, что я люблю бумажный вариант, чтобы делать пометки ручкой, — улыбается. — Но электронный тоже не забудь.

— Хорошо. Уже отправляю.

Принимаюсь за дело, но он не уходит, и я отрываю от монитора взгляд, перевожу на него.

— Что-то ещё?

— Лик, ну что ты такая колючая? Я же уже раскаялся, осознал свою ошибку. Давай попробуем все заново? А?

— Мы уже об этом говорили. Изменил раз, то можно ждать и другой.

— Глупости, — он берёт мою руку и сжимает в своих ладонях.

Так тепло смотрит на меня, а я не могу оторвать взгляд от красивых серых глаз, от его манящих губ, которые любила целовать, всего его любила... без остатка отдавалась сама и таяла в его объятиях. И сейчас хочу его целовать от бровей и ресниц до ямочки на волевом подбородке. Перевожу взгляд на мужские, красивые... сильные... любимые руки, удерживающие мою. Сглатываю, вспомнив как они меня ласкали, как разжигали во мне страсть, заставляя терять контроль над своим телом.

— Давай сходим в наш любимый ресторан, помнишь, тот на крыше небоскреба? — муж указывает рукой в окно на излюбленное здание всех туристов, приезжающих во Франкфурт. Когда находишься там, весь город как на ладони. Особенно в вечернее время, когда весь город словно оживает, преображается и начинает сверкать огнями. — Ты помнишь? В тот самый значимый вечер ты была такая красивая, — произносит Альберт мечтательно, окуная меня в воспоминания.

Улыбается, и его глаза словно загораются. Он продолжает поглаживать пальцем тыльную сторону моей ладони. Берёт за пальцы и, нежно удерживая, целует их снова. Волна трепета пробегает по моему телу. Тепло оседает внизу живота и между ног... О, боже мой...

Помню... конечно, я помню, что именно в том ресторане, за столиком у панорамного окна, он сделал мне предложение. Тогда моему счастью не было предела, ведь во мне уже зародилась жизнь нашего ребёнка. Моя рука непроизвольно ложится на живот. Тяжелые воспоминания, словно призраки мерещатся мне. Встряхиваю головой, прогоняя мысли о прошлом, о той злосчастной аварии, о потере ребёнка, которую мы пережили вместе с Альбертом. Нас с ним столько всего связывает... многое вместе пережили... Не может так всё...

Муж раскрывает мою ладонь и нежно касается её губами. От такой неожиданной нежности мои пальцы слегка вздрагивают, а он, не отводя от моих глаз взгляд, снова говорит:

— Я люблю только тебя, Лучик мой, — нежно так произносит прозвище, которым часто меня называл, и поглаживает пальцем мою руку.

Хочу одёрнуть её, но не могу. Когда он так завораживающе говорит, я словно попадаю под его гипноз. Все чувства, что были во мне к нему, всколыхнулись, поднимая трепет в груди, и разливаются приятными волнами по телу. Я все ещё люблю и хочу его... Не могу с собой ничего поделать. Альберт продолжает:

— То, что произошло, было ошибкой. Я тебе уже говорил. Ты должна мне поверить, моё сердце. Я хочу всё исправить.

Я на мгновение задумываюсь, продолжая смотреть в эти манящие глаза. Да что они все сговорились что ли? «Ошибка»... Но прислушиваюсь к своим ощущениям и не могу сопротивляться чувствам. Не могу смириться... Всем сердцем и душой всегда считала, что он мой, а я его, и никто никогда не разлучит нас... никогда...

— Ладно, Альберт, давай поужинаем сегодня, — противоречивые чувства и моя правильность не дают возможности думать. Всё моё существо стремится к нему, а разум и боль с обидой, разрывающие сердце, противятся этому. Может, все же есть шанс? Огонёк прозрачной надежды, разгорается где-то глубоко, заставляя страдать ещё больше от непонимания.

— Спасибо Лика, ты не представляешь, что это для меня значит. Я найду за тобой.

Он, словно окрылённый, покидает мой кабинет, забыв о документах, за которыми приходил. Мне бы сейчас его крылья. Одна фраза и он уже забыл, что было раньше. Я тоже так хочу, но... Возможно, я какая-то неправильная? Может это нормально в наше время? А я, закопавшись в бумагах и делах, не знаю об этом? «Нет, Лика, что за глупости посещают твою глупую голову», — останавливаю себя оправдывать его измену. Конечно, это неправильно, ненормально и не нужно. Он приласкал, и я сдалась. Что там говорил Маркус? Нужно оценивать ситуацию со стороны и с холодной головой. Так и нужно поступать.

Глава 2/2. АНГЕЛИКА

Из моих мыслей меня вырывает деловой звонок, и я отвлекаюсь, окунаюсь в работу. Спешу в дизайнерский отдел посмотреть текущие работы и обговорить с сотрудниками рабочие вопросы, снова совсем забыв о смете.

«Рассеянная стала, нужно было передать секретарю» — думаю я и возвращаюсь в свой кабинет. Сшив листы в папку, иду к кабинету Альберта. Хочу передать смету Эльзе, но её нет на месте. Смотрю на часы. Обед. «Интересно Альберт ещё здесь?» — делаю шаг к его кабинету и уже хочу открыть дверь, но улавливаю голоса. Прислушиваюсь, и мне хорошо различимы знакомые интонации капризного писка Ханны. Вот это уже интересно. Как в лучших детективных картинах, прикладываю ухо и пытаюсь уловить суть разговора. Кажется, даже дышать перестаю.

— Ну пупсик, ты же говорил, что с ней всё кончено?

— Мы же уже обсуждали эту тему, детка. Я не могу развестись.

— Ты обещал, — капризно возражает она.

— Не сейчас. Ты же понимаешь, что нужно будет делить всё? Ей и её отцу принадлежит большая часть компании. Я потеряю преимущество после развода, оставшись с минимальным процентом акций. Думаешь, меня оставят в управляющих? В лучшем случае, останется место в совете директоров.

— Но пупсик, а как же я?

— И тогда плакал твой шоппинг, поездки на курорты и новый автомобиль, — возражает Альберт, и я слышу звуки поцелуев. — Я уже не буду иметь такого доступа к финансам.

У меня уходит твёрдая почва из-под ног, я думала, что хуже уже ничего быть не может. Немного пошатываюсь, подхожу к стулу, опускаюсь на него и ловлю ртом воздух, словно рыба, выброшенная на сушу. Кислород никак не хочет проникать в лёгкие. Грудь сдавливает. И это после того, как он только несколько часов назад говорил о том, что любит, что хочет всё вернуть... Какой лжец! Невозможно... не может быть, что я все эти годы жила с таким лицемером. Теперь я уверена, что это никакая не ошибка, о которой мне все твердят. Они давно уже вместе. Ладони холодеют, покрываясь влагой... Становится дурно от мысли, что он спал с ней, приходил ко мне прямо из её постели и обнимал, целовал своими лживыми губами, ласкал... мы занимались сексом всё это время, что он был с ней...

Прислоняю ладонь ко лбу. Голова кругом. Мне так омерзительно от осознания этого, что тошнота подкатывает к горлу.

«А почему, собственно, я должна молчать? Они делают из меня дуру, а я должна терпеть? Хватит!» — решаюсь я.

Резко встаю, полная решимости и гнева на него... на неё... Мне хочется ворваться в кабинет и застать лжеца с поличным, вlepить ему пощёчину, растрепать безупречные локоны этой кукле. Гнев от обиды всё сильнее разгорается в груди. Жжёт... пульс отбивает по вискам... и я больше не могу держать в себе эту злость и боль. Врываюсь в кабинет и вижу интимную сцену: Альберт сжимает её задницу, а эта... сидит на столе. Короткая юбка нескромно оголяет длинные ноги в чулках, которыми она обхватывает моего мужа. Они жадно целуются, издавая стоны и тяжело дыша. Приспущенная блузка, оголяет женские плечи и пышные округлости, поддерживаемые дорогим бельём, а расстегнутая рубашка Альберта, подтверждает их дальнейшие планы. Ханна торопливо расстёгивает ремень на

мужских брюках. Они так увлечены друг другом, охвачены страстью и похотью, что даже не замечают меня. Отвратительный предатель даже не пытается скрываться, таиться, вытворяя такое прямо тут, в офисе, где мы работаем вместе. Даже дверь не закрыли!

В моей груди разгорается ярость, а в голове сгорают все предохранители. Гнев переполняет меня, требуя выплеснуть эмоции, словно вулкан.

— Значит это ты называешь любовью? Значит ошибка?! Сейчас тоже ошибся?

— Ли́ка? Ты как здесь? — отстраняется от любовницы Альберт и торопливо застёгивает ширинку.

— Ты так ослеп от чувств ко мне, что везде мой силуэт теперь мерещится?

Парочка начинает судорожно поправлять одежду, отстранившись друг от друга, будто это может им помочь. Просто удивляюсь такой наглости.

— Лик...

— Что?! Опять я не то подумала?! — почти кричу я.

Он молчит, собираясь с мыслями, понимает, что уже отрицать очевидное и просить о примирении бессмысленно. Ханна пытается незамеченной выскользнуть из кабинета, не желая быть вовлеченной в разборки, и я ей не препятствую. Это наше личное дело. Она здесь точно лишняя.

— И давно это у вас? Хотя бы сейчас не ври мне.

— Ли́ка, — он поднимает ладонь в останавливающем жесте, — я понимаю, это всё... — он торопливо облизывает губу и продолжает: — Но я... я не хочу с тобой расставаться. Давай договоримся.

— Договоримся?! О чём, Альберт?! И я знаю теперь истинную причину твоего нежелания разводиться, — так мерзко, так паршиво, что гнев и ярость на мужа пересиливают, ранее возникшее, желание сбежать.

— Нет... это не так... я... Лик, я хочу...

— Ну же, Альберт, скажи, чего ты хочешь? Дальше морочить обеим голову?! Признайся уже, будь мужиком! Тебе нужна компания и я или Ханна? На двух стульях усидеть не получится! — подхожу ближе, глядя прямо в наглые глаза предателя.

— Я хочу вас обеих, — выдыхает он.

Мои глаза округляются, а губы замирают в приоткрытом состоянии. Меня словно холодной водой окатили.

— Ты что?

— Да я люблю тебя, я хочу быть с тобой, но и перед ней не могу устоять. Эта похоть... Лик, я как одурманенный... Давай договоримся?

Его поток слов прерывает звонкая пощёчина. Моя ладонь горит, а рука нервно подрагивает. Никогда не делала этого. Меня трясёт от переполняющей злости и эмоций. Я словно в дурном сне. Никак не могу поверить, что всё это происходит на самом деле.

— Может я и люблю тебя, но ноги вытирать об себя не позволю! Никогда! Слышишь? Никогда я не буду терпеть любовницу между нами, — разворачиваюсь и просто пулей вылетаю из кабинета.

Бегу по коридору, а в голове слова Альберта: «Хочу вас обеих. Боже, он серьёзно?! Он хочет вот так продолжать, только в открытую, трахаться с любовницей? Хочет, чтобы я спокойно делила его с кем-то?»

На пути мне встречаются сотрудники, которые смотрят на меня с недоумением и удивлением. Видимо, на моём лице написаны все эмоции, бушующие в душе. Но мне уже всё

равно. Я не могу... не могу больше притворяться, делать вид, что всё хорошо.

Забегаю к себе, хватаю сумку и ключи, но не успеваю выйти, как в дверном проеме появляется Ханна. На её лице играет злорадная улыбка, а в глазах сияет превосходство. Она надменно надвигается на меня, словно хищник на свою жертву, и я немного теряюсь. От неожиданности нога слегка подворачивается, и я упираюсь в стол пятой точкой.

— Наконец-то ты знаешь. Надоело уже разыгрывать из себя святошу.

Альберт настолько хотел быть порядочным, жалел тебя, что никак не мог признаться. Он хочет только меня, ведь ты словно неживая в постели. Говорит, как лёд холодная и бесчувственная. Столько лет одно и то же.

Её слова пронзают словно нож в сердце, оставляя глубокие раны. Ведь это неправда! У нас с ним всё было отлично. Разве можно за несколько лет не знать, как нравится заниматься сексом моему мужу.

— Это неправда... — шепчу я.

Понимаю, что не должна позволять ей взять над собой верх, но не могу побороть смятение и подавленность от её слов. Неужели Альберт так считает или так сказал про меня ей? Как же больно от осознания этого. Понимаю, что она специально выводит меня на эмоции, но все же поддаюсь на провокацию.

— Зачем ты здесь, Ханна? — беру себя в руки. — Ты уже добила, чего хотела.

— Отпусти его. Он мой, — шипит змея.

— Я и не держу, — собираюсь с силами и, твёрдо выпрямившись на ногах, обхожу её.

Покидаю кабинет на ватных ногах и спускаюсь в лифте на подземную парковку. Кто бы мне сказал, что я буду сбегать с любимой работы, никогда бы не поверила. Руки трясутся, и я судорожно ищу ключ. Найдя, тороплюсь нажать разблокировку. Включаю зажигание. Открываю окно, потому что мне не хватает воздуха в, прогретом летней жарой, салоне. Колёса проворачиваются от утопленной в пол педали газа, и ужасный запах жжённой резины ударяет в нос. Невидящими от слёз глазами пытаюсь найти указатель выезда. Руки дрожат. На первом же повороте цепляю крылом столб. От удара срабатывает система безопасности, и подушка с шипением вылетает прямо передо мной.

— Чёрт! Чёрт-чёрт! — луплю руками по ней.

Меня охватывает истерика. Я уже плачу навзрыд, закрыв лицо руками. Мысли в голове носятся хаотичным роем. Эмоции переполняют меня, просятся наружу и мешают трезво мыслить. Понимаю, что мне очень необходима чья-то поддержка. Мне настолько плохо, что кажется я сама не справлюсь с этой болью и гневом.

Кому звонить? Только не отцу. Я принимаю решение позвонить единственному, кто за последнее время был ко мне добр, внимателен и с пониманием отнёсся к моим чувствам. Дрожащими руками набираю номер Маркуса и в отчаянии жду, когда он снимет трубку.

— Маркус Шольц, слушаю вас.

— Маркус.

— Ангелика?.. — тепло звучит его хриловатый голос в динамике, и мне от чего-то становится немного спокойней. — Что-то случилось? — обеспокоенно спрашивает он.

— Мне нужно поговорить с вами, сейчас.

— Да. Конечно. Приезжайте.

Глава 3/1. МАРКУС

Звонок Ангелики немного обескуражил неожиданностью, но в тоже время обрадовал. Только вот ее голос мне не понравился. Она была очень взволнованна и похоже, что плакала. У неё срыв? Что-то случилось? Возможно, был не очень хороший разговор с мужем.

Отменяю предстоящую встречу и нервно жду. Я сгораю от нетерпения скорее разобраться, почему она опять расстроена, плачет, а главное в причинах вызвавших резкое желание поговорить.

В прихожей раздаётся знакомый, но подавленный голос, секретарь проводит ее ко мне и закрывает за собой дверь, попрощавшись. На сегодня я ее отпустил, дав распоряжение никому не беспокоить. Очевидно, дело серьезное и неизвестно точно сколько продлится наша встреча. Для Ангелики я готов был потратить своё свободное время сверх нормы обычного сеанса.

— Ангелика, добрый день. Что произошло? — тревога не покидает меня.

Смотрю на ее раскрасневшиеся от слез глаза и начинаю нервничать, чего раньше себе никогда не позволял. Эта женщина явно меня волнует больше, чем дозволено психоаналитику по отношению к своему пациенту.

— Я... я... — её голос дрожит. Она руками тербит ремешок сумочки, чтобы занять их чем-то — нервничает.

Наливаю стакан воды и протягиваю ей. Она садится на диван и дрожащими руками быстро берёт его, словно это спасательный круг, способный решить все её проблемы. Жадно припадает к нему губами и пьёт. Не могу оторвать взгляд от неё. Каждый её плоток, отдаётся во мне. Меня бросает в жар, и я неосознанно поправляю воротничок. Сглатываю слюну и пытаюсь отвести глаза. Сажусь в кресло напротив и жду, когда она решится начать говорить. Ангелика молчит, не смотрит на меня. Потом резко поднимает на меня глаза.

— Знаете, Маркус, я всегда думала, что предательство никогда меня не коснётся. Я думала, что кого угодно, но только не меня. Представляла себе, как мы пожилые и счастливые поедим в кругосветный круиз на большом и красивом лайнере. Но я ошибалась....

— Возможно так и будет, но только рядом с вами будет другой человек, который будет ценить и уважать вас, прислушиваться и просто любить. Судьба обязательно даст вам возможность посмотреть мир.

— Да, хочется верить. Но теперь я знаю... это будет не Альберт. Только...

— она замолкает, сглатывая. Трудно говорить, но она решается продолжить: — Я попала в аварию.

— Боже, Ангелика! С вами все хорошо? — в стремлении обнять и пожалеть, как маленькую девочку, я вскакиваю на ноги, но не решаюсь даже дотронуться до неё. Это абсолютно противоречит этике работы с пациентами. Когда мужчина хочет заботиться о женщине, значит он не равнодушен к ней. Что со мной происходит? Сейчас внутри меня именно эти чувства.

— Да, всё в порядке, — спокойно отвечает она. — Но тогда... в тот момент, — она поднимает руку, на секунду замирает и кладёт ладонь на колено, потирает его рукой, словно успокаивая себя. — Я была в таком отчаянье, мне было так больно, что было уже всё равно, что со мной будет.

Ангелика снова замолкает, смотрит в одну точку, куда-то мимо меня, словно погружаясь в воспоминания. Я вижу, что на её глаза снова наворачиваются слёзы и плечи слегка вздрагивают. Она делает глубокий вдох и посмотрев на меня продолжает:

— Моя машина осталась там. Это уже становится нормальным. Сейчас, тогда...

Я не понимаю, кажется, что она говорит о какой-то другой аварии.

— Вы уже попадали в аварию?

— Мне всё ещё тяжело об этом говорить.

— Тогда давайте не будем. Расскажите о сегодняшней аварии. Что произошло?

— Когда... это так больно... Я... я не знаю с чего начать.

— Просто говорите свои мысли о том, что вы чувствуете.

— Он не любит меня... Не знаю, любил ли...

— Почему вы пришли к такому выводу?

— Сегодня, я практически была готова выслушать его и дать ему шанс, но все оказалось напрасно, — на этих словах я перестаю дышать, не знаю почему мне так важны её последние слова, что не простила.

— Вы сказали, что готовы были дать шанс. Что способствовало вашему решению?

— Я... я почувствовала... Альберт смог зацепить меня воспоминаниями о нас... о том, что нас связывает, о наших чувствах, — Ангелика снова нервно теребит браслет на руке, опустив глаза. — Когда я вошла в кабинет, они уже были полураздетыми и мои глаза отказывались верить, что только что он вымаливал один ужин со мной, говорил о любви, о том, что ошибся, и умолял простить его. А тут... они... прямо в офисе, не стесняясь, даже дверь не закрыли... И знаете, что он сказал? Смешная ложь... Что он по-прежнему меня любит и хочет... чтобы... чтобы мы так и жили, чтобы я делила его с любовницей. Представляете? — Ангелика вздыхает и прижимает руку к груди. — Это так больно... словно сердце разрывается... Я хочу избавиться от этого чувства. Маркус, вы мне поможете? — с надеждой и мольбой в глазах смотрит на меня.

В этот момент, мне хочется собственноручно убить ее мужа. Да как можно? Вот так, как бульдозер пройтись по чувствам такой хрупкой... ну хоть бы деликатнее подошёл к этому... Господи... травмируют женщин, а потом удивляются почему они предпочитают одиночество или других женщин.

Поддавшись эмоциям и желанию её успокоить и поддержать, я присаживаюсь рядом с ней. Она смотрит на меня. Мгновение и её губы подрагивают, брови приподнимаются, а глаза снова блестят от слёз. Она срывается и дрожащим голосом говорит:

— Он сказал ей, что я еле живая в постели, что ему надоело одно и то же за эти годы, — Ангелика снова начинает плакать и я протягиваю ей салфетки. Она берёт одну и, вытирая лицо, продолжает: — Всё это время, я не устраивала его в постели, он считал меня холодной и скучной, а я думала, что у нас полная гармония. Но он никогда не говорил ничего, как... — всхлипывает, набирает в лёгкие воздуха. Я не прерываю её, понимая, что ей нужно выговориться, поделиться тем, что ей причиняет боль. — И самое страшное, что Альберт со мной был только из-за компании и денег моего отца, которые он туда вложил. Деньги, понимаете? Все только деньги.

— Вы уверены в этом?

— Я слышала это своими ушами, прежде чем войти в кабинет.

— Если человек не ценит ничего кроме денег и положения в обществе, возможно, что судьба даёт вам шанс оставить в прошлом его и идти дальше. Возможно, время пришло

решить? — моя ладонь непроизвольно ложится на руку Ангелики, она её не одёргивает, и я не убираю... потому что понимаю, что мне приятно чувствовать тепло её кожи. — Не стоит менять человека, этого не произойдёт. Люди не меняются по щелчку пальцев. Каждый принимает для себя решения и план действий. Подумайте о себе. Сможете ли вы так? Простить? Впустить еще одного человека в вашу семью? Или пожелать им счастья и найти своё? Вы ведь не смиритесь и не простите, я вижу это в ваших глазах. Так зачем себя мучить? Ваше счастье обязательно вас найдёт и тогда, никто не сможет его разрушить. Когда два человека строят семью — это два человека. А если только один работает над этим, это как биться о стену — бесполезно. Крах неминуем. И тут абсолютно не важно, кто какой в постели или в быту. Не стоит себя занижать и недооценивать. Если муж смотрит на других, а не на жену, то обязательно найдётся тот, кто, не отрывая глаз, будет смотреть только на неё.

Ангелика задерживает дыхание, глядя мне в глаза, и в её серых глазах что-то вспыхивает, пальцы под моей ладонью вздрагивают. От её взгляда в моей груди теплеет, и я все ещё не убираю руку, словно не могу это сделать. Её красивые розовые губы раскрываются и с шелестом выпускают воздух. Ангелика неожиданно прикасается к моим губам, робко, нерешительно, словно пробуя их на вкус. Я чувствую её тонкий, нежный запах, слегка солоноватый от слёз вкус губ, и меня словно сбивает с ног волной океана. Желание вкусить её глубже охватывает меня с головой, отключает здравые мысли. Обхватив рукой её шею, я углубляю поцелуй. Чувствую, как её язык неуверенно касается моего, и я теряю рассудок, а вместе с ним и понимание реальности. Я — психоаналитик, она — клиент. Нам нельзя... мы не должны... Но осознание того, что Ангелика, хоть и робко, но отвечает мне, не даёт остановиться. Всё же она отстраняется, а я растерянно придумываю оправдания своей безрассудности.

Глава 3/2. МАРКУС

— Я... — смущённо шепчет Ангелика, опускает глаза и медленно вынимает руку из-под моей ладони. — Простите меня... я...

— Месть мужу, не лучшее решение, но вы попытались, — говорю сдавленно и хрипло, ещё дрожа внутри каждой клеткой тела от разливающегося желания.

Боже, дай мне сил... Что эта женщина делает со мной? Она ломает мои принципы, разрушает устои и... я ей позволяю. Даже больше: я сам хочу этого, но вижу в её глазах смятение и неуверенность. Скорее всего она, действительно, хотела таким способом ощутить каково это — отомстить мужу. Продолжаю вести себя как психоаналитик, а не потерявший голову подросток.

— Месть не принесёт вам облегчения, Ангелика, а может даже усилить чувство вашей вины. Если вы не готовы простить, не винить себя, то вам нужно проработать вашу боль, проанализировать причину почему произошла измена. Это может принести вам успокоение. Я помогу вам в этом.

Говорю привычные фразы, а внутри всё вибрирует от эмоций, которые во мне вызвал её робкий поцелуй. Моему сожалению нет предела, потому что я хочу, чтобы Ангелика желала целовать меня также, как и я ее. А я понял, что мне понравилось, и я хочу повторить. Не понимая себя и происходящее, стараюсь не подавать вид, что меня это сильно взволновало. Встаю и медленно иду к графину с водой. Спинай к ней, наливаю два стакана. Вроде отпустило, вдохнул глубоко, насытив кислородом непослушное тело. Передал стакан ей и сам залпом выпил, в надежде охладить, вспыхнувший во мне, огонь.

— Простите меня... — смущённо говорит, не поднимая глаз на меня и крутит стакан пальцами. — Я не знаю... не знаю, что на меня нашло.

Восстановив дыхание и собрав мысли, возвращаюсь в профессиональное русло. Забираю из её рук стакан.

— Закройте глаза и сделайте глубокий вдох, Ангелика, — удобнее устроившись на диване, она послушно выполняет указание. — Теперь медленно выдыхайте до конца. Ещё вдох полной грудью, — как замороженный смотрю как она дышит, как на её шее пульсирует венка, как её грудь в белой блузке поднимается, тонкая ткань натягивается и под ней отчётливо угадывается рисунок кружева, а до меня доносится аромат её нежных цветочно-пудровых духов. «Чёрт!» — отвожу взгляд.

— Ещё раз, — разворачиваюсь и сажусь в своё кресло у изголовья дивана. — Теперь, не открывая глаз, лягте на диван и расслабьтесь.

Вижу, что она медлит в нерешительности, но глаза не открывает. Всё же медленно снимает туфли и ложится на диван, головой в мою сторону. Я не вижу её лица, но взгляд цепляется за красивый силуэт в белой блузке и узкой юбке, стройные ноги с красивыми коленями и тонкими изящными щиколотками. Снова отвожу взгляд, унимая ритм сердца.

— Вспомните самый приятный момент в вашей жизни, когда вам было легко и спокойно. Погрузитесь в него, вспомните запахи, цвета, свои ощущения.

Ангелика молчит. В кабинете наступает такая тишина, что кажется, я даже слышу её ровное и лёгкое дыхание.

— Мама, — очень тихо произносит она. — Я помню её тёплые и нежные руки. Мне нравилось, как она мыла мои волосы, когда я была маленькой. Расчёсывала их так медленно

и аккуратно, — голос Ангелики становится ровным и спокойным, уже не дрожит — это хорошо. — Её голос...

— Это было для вас ценно?

— Да, время, проведённое с мамой, было самым лучшим, она всегда поддерживала меня, в любых ситуациях.

— Вы доверяли ей свои секреты?

— Да у меня не было секретов от неё, а уход за волосами был нашим, как бы сказать... своего рода ритуалом.

— Прекрасный ритуал. Как так получилось? Всегда и за всем стоит своя история. У вас тоже?

— Да... только она немного грустная, — огорчённо вздыхает Ангелика.

— Расскажите.

— В детстве у меня были длинные и красивые волосы. Я гордилась ими, а мама всегда красиво их заплетала в разные косы и делала затейливые прически. В средней школе я носила в основном их распущенными. Тогда многие девочки коротко стриглись, спеша за модными тенденциями, но не я. Все почему-то посмеивались и называли меня куклой, но подразумевали совсем не лучшее под этим. Однажды, я просто обнаружила жвачку в волосах. Она была почти вверху и ничего не оставалось, как коротко остричь волосы. После я больше не носила их распущенными, собирала в хвосты или поднимала в высокие прически. До самого выпускного.

— Вы боялись их распускать?

— Да, я не хотела повторения. Знаете, я вообще не была популярной девочкой в школе и часто в спину получала тычки и слышала шутки в мою сторону от девочек, потому что не была как все. Я хорошо училась и не интересовалась тем, чем интересовались мои ровесники. Мне было хорошо просто болтать с мамой, рисовать и читать книги. Подруг у меня не было. Мама давала мне поддержку и помогала со всем справиться. Именно она убедила меня на выпускной избавиться от своих комплексов и прийти на бал, вновь распустив волосы. Этот момент и засел у меня в голове, как самый приятный. А потом она ушла...

Ангелика замолкает, словно ей трудно говорить о маме, и я решаю не трогать пока эту тему. Сейчас не о том...

— Что было на балу? Как отреагировали ваши одноклассники на смену вашего образа?

Ангелика медлит, и я поднимаю взгляд на неё. Она лежит, не двигаясь и сложив руки на животе. Глаза её раскрыты и смотрят в потолок.

— Девочки косились и шушукались, но не смеялись надо мной, а я ощутила уже что-то другое... Такое чувство, знаете, будто им понравилось, как я выгляжу, но они не признавались в этом и... А потом... потом меня пригласил на танец самый популярный парень в школе.

— Что вы ощутили в тот момент?

— Смущение, но мне было приятно. А ещё... ещё я больше не боялась.

— Я могу сказать только одно, вы обрели веру в себя и перестали бояться мнения окружающих. Стали такой, как вы себе сами нравились, не боясь смешков и обсуждений. Возможно, и сейчас вам необходимо сделать тоже самое. Перестать бояться, что скажут другие, что они подумают о вас? Настало время посмотреть внутрь себя и понять чего хотите вы? Я понимаю, что сделать шаг к новой реальности всегда трудно, Ангелика. Принятие

быстрого и судьбоносного решения, требует неопишуемого мужества и решительности. Бросить все в пользу себе, чтобы собраться с мыслями, чтобы принять себя, чтобы полюбить себя такой, какая вы есть, а не такой какой вас хотят видеть другие — это невероятно сложно. Но стоит попробовать. Как вы смотрите на то, чтобы переосмыслить свою жизнь? Познакомиться поближе с собой, своими страхами, понять свой потенциал и возможности не только привычной вас, но и вас новой. Начать жить и действовать, как того хотите вы, а не пол мира вокруг, живущего приоритетами и моделями поведения, навязанными обществом?

— Что вы имеете в виду? — заинтересовано спрашивает Ангелика.

— Через четыре дня, я улетаю на ретрит. Это замечательное курортное местечко с белыми песчаными пляжами, прекрасными фруктовыми садами и пальмовыми рощами. Замечательное место для восстановления душевного равновесия, очистки сознания и обретения гармонии с собой.

— Звучит прекрасно, — её губы трогает легкая улыбка.

— Я предлагаю вам отправиться со мной. Там будет группа из двадцати человек и несколько лучших психологов со всей Европы. Практики основаны на медитациях и дыхании. Также будет прекрасная возможность окунуться в стихию умиротворенности и силы. Место просто замечательное, пропитано энергией океана, и сама вселенная благоволит излечению души, — не ожидал сам от себя, но получилось сказать это на одном дыхании. Теперь с надеждой жду её ответ. Мне действительно важно услышать ее положительное решение.

Ангелика садится на диване и смотрит на меня, широко раскрытыми, глазами. От такого искреннего взгляда, как у ребёнка, которому обещают путешествие в сказку, в моей душе возникает, незнакомый мне до этого момента, трепет.

— Я... я уже хочу... но... моя работа, обязательства, компания... мне нужно подумать.

— Я не тороплю. У вас есть ещё время.

— Спасибо, Маркус, за предложение.

Я вижу, как она преобразилась: глаза сияют, на губах улыбка, плечи расправлены. Мне удалось сделать так, чтобы она ненадолго смогла забыть о муже, его измене, об увиденном сегодня и о всех пережитых эмоциях. Погрузившись в воспоминания, она смогла отвлечься и вспомнить о приятных ощущениях, когда она поверила в себя, почувствовала заботу и поддержку близкого человека.

Ангелика смотрит на часы, и я понимаю, что мы уже провели в кабинете почти пару часов. За окном ещё не темно, но рабочий день давно окончен. Машины собрались в привычные для Франкфурта пробки, а люди стремятся скорее попасть домой. Нам тоже не мешает подумать об этом.

— Спасибо, Маркус, я правда себя чувствую намного лучшего, — слегка улыбается она. — Но мне уже пора. Вы и так на меня потратили больше времени, чем нужно.

Ангелика достаёт из сумочки телефон, видимо, чтобы вызвать такси.

— Ваша машина осталась на месте аварии? Насколько я понимаю, она не в рабочем состоянии?

— Да, вы правы, я оставила ее на нашу охрану. Вполне возможно, что она уже в автосервисе.

— Я подвезу вас, мне по пути.

— Вы даже не знаете где я живу, — мило улыбается, и я понимаю, что мне очень

нравится её улыбка. Она должна это делать чаще...такая женщина всегда должна сиять ослепительной улыбкой.

— Вы мне покажите, — улыбаюсь ей в ответ, и она, смеясь, опускает голову, отчего её густые локоны шевелятся, переливаясь в свете лучей закатного солнца, проникающего в окно. Снова поднимает на меня глаза. Наши взгляды встречаются и на мгновение замирают друг на друге, словно невидимыми нитями переплетаются, и я мысленно прошу, чтобы она их не отводила. Короткое мгновение, но столько тепла...

Нехотя отрываю взгляд, и встаю за ключами.

Дорога оказывается недолгой. Объехав все пробки по узким улочкам спальных районов, через десять минут уже въезжаем на территорию частной собственности ее отца. Большой двухэтажный домик с садом, виднеющимся за низким забором. Красиво и необычно. Готов поспорить, дизайн дома и, возможно, территории создавал кто-то из их фирмы, может и сама Ангелика.

Припарковался на дороге, чуть дальше входа. Красиво. Дом явно выделяется современным дизайном архитектуры. Рассматриваю большие окна от пола до потолка, и виднеющийся фруктовый сад вдалеке.

Ангелика отстёгивает ремень. Выдыхая, немного медлит и, обернувшись ко мне, тихо говорит:

— Спасибо. И я благодарна вам за сегодняшний день. Мне и правда стало намного лучше.

— Конечно, Ангелика, я рад вам помочь.

Выхожу из машины, стараясь её опередить и открыть дверцу. Подаю ей руку, и она немного смущённо вкладывает свою тёплую и нежную ладонь в мою. Удивляюсь немного её реакции на такую простую вежливость и этикет: «Неужели она не привыкла к такому обращению?»

Неожиданно, взгляд Ангелики меняется, улыбка стирается с лица, а рука в моей ладони напряжённо сжимается. Я оборачиваюсь и понимаю ее растерянность. К нам стремительным шагом приближается статный и красивый мужчина лет тридцати. Его лицо напряжено, брови нахмурены, губы сжаты — он явно недоволен увиденным.

Глава 4. МАРКУС

— Лица? Где ты была? Кто это? — спрашивает мужчина, бросая взгляд в мою сторону и нахмутив брови ещё сильнее.

Что-то сжимается внутри, плохое предчувствие простреливает голову. Мне кажется, я догадываюсь кто это. Внешние данные мужчины говорят сами за себя. В его манерах и движениях тела угадывается склонность к нарциссизму. Такой точно не заскучает от отсутствия женского внимания. Неудивительно, что он не может устоять от соблазна к противоположному полу.

— Я не обязана перед тобой отчитываться, — смело заявляет Ангелика. — И вообще, что ты здесь делаешь?

— Я пока ещё твой муж, — возмущается мужчина, устраивая семейную сцену, словно меня и нет рядом. — Ты пропала, я тебя искал, приехал сюда, а ты шляешься неизвестно где! — его голос набирает обороты возмущения и недовольства.

— Не устраивай сцен, Альберт. Тем более, после того, что ты совершил, у тебя нет никакого морального права, — я восхищаюсь её отпором неверному мужу. Она уже не такая потерянная и разбитая, какой я её видел сегодня, когда она появилась в моём кабинете.

— Где ты была? — продолжает напирать нарцисс.

— Маркус Шольц, приятно... — конечно мне неприятно, но я должен быть вежливым, и протягиваю руку мужчине.

— Отвали, — он бросает на меня колкий взгляд и отталкивает мою ладонь.

— Не будь таким хамом, — вступает Ангелика. — Доктор Шольц мой психолог и он просто вежливо подвёз меня.

— Твой кто? — пренебрежительно реагирует мужчина.

— А вот что ты здесь делаешь, так и не ответил. Тебя Ханна уже заждалась. Так что, до свидания, Альберт, и больше не приезжай сюда. Не хочу тебя больше видеть, — ставит точку Ангелика и хочет уйти.

Держусь из последних сил, хочу вмешаться и проучить это хамло. Но глядя на Ангелику не даю выплеску своих эмоций. Последней каплей становятся его мерзкие руки, сдавливающие предплечье девушки. Он резко хватает её и тянет на себя. Черт, такое непозволительно, теперь точно не могу стоять в стороне и смотреть как этот... унижает такую хрупкую и нежную женщину.

— Что вы делаете? Отпустите её! — я подлетаю к ним.

Вижу лицо Ангелики, искаженное болью, и не выдерживаю. Скидываю руку уroda с её плеча и заступаю вперёд. Альберт сначала будто не ожидал, но тут же, придя в себя, отвечает резким толчком в плечо. Меня отбрасывает на Ангелику, но я успеваю повернуть её так, чтобы она не упала и самому удержаться на ногах. Мое самообладание летит к чертям. Я поворачиваюсь к своему оппоненту, но пропускаю момент, когда мужчина решает не мелочиться — удар приходится прямо в челюсть, и я чувствую металлический привкус, распространяющийся во рту. Сплювываю и решаю не оставлять это без ответа. Резко выбрасываю правую руку, нанеся сильный удар в челюсть, от которого Альберт не теряет, а только поводя шеей, кидается в атаку. Пока сыпем удары на голову друг друга, мы даже не замечаем Ангелику, только оглушительный крик приводит меня в чувства. Девушка в истерике пытается нас разнять, но не способный усмирить свою ярость, муж отталкивает её.

Не успеваю подхватить. Она падает, и драка резко останавливается. Мы словно возвращаемся к реальности. Ангелика сидит на земле, и ее взгляд пугает даже меня. Столько в нём ненависти и обреченности. Я понимаю, что это было последней каплей в переполнявшем её разочаровании.

Спешу помочь ей подняться, а Альберт хватается себя за голову и в отчаянии опускается перед Ангеликой на колени. Очевидно, дошло до него, что это уже слишком.

— Прости, — шепчет он.

— Уходи, — еле слышно произносит девушка, обнимая себя руками.

Пуговички на блузке Ангелики в пылу драки оторвались, и плечо оголилось, открывая взору кружевное бельё. Она смущённо натягивает её, прикрываясь, а я накидываю ей на плечи свой пиджак.

— Я не хотел, это вышло случайно, — пытается извиниться Альберт, все ещё не веря в происходящее. Он явно сам не ожидал такого.

— Уходи из моей жизни. Оставь меня уже в покое!

— Лирика, прости, я не....

— Хватит! — дрожащим голосом она срывается уже на крик, но потом, словно набравшись смелости, продолжает: — Я устала слышать твоё лживое “прости”. Мне надоело, что ты делаешь мне больно. Я не хочу больше.

Я помогаю ей встать, поддерживая за руку, но она неожиданно вырывается и, сжав кулачки, ударяет мужа в грудь.

— Уходи! Уходи... — ослабевшим голосом повторяет она.

Словно подкошенный, не говоря ни слова, Альберт одёргивает пиджак и смотрит на неё с обреченностью и болью в глазах. На меня даже не взглянув, разворачивается и уходит. Что в голове у него сейчас творится? Очевидно, что он зол, но на себя, на меня или на Ангелику?

Я обнимаю её за плечи, выражая тем самым свою поддержку. Она смотрит вслед Альберту и переводит на меня грустные и усталые глаза. Вздыхает, сжимая руками мой пиджак на своей груди.

— У вас кровь, Маркус, — тихим, севшим от крика, голосом произносит она, а я не могу оторвать глаз от её красивых губ. Они так близко. Ангелика от волнения еле заметным движением проводит языком по нижней губе, и моё сердце совершает гулкий удар в грудь.

— Пустяк, всего лишь губа, — произношу хрипло.

— Пойдемте, я обработаю рану.

Она отстраняется от меня, и я отпускаю её. Ангелика направляется к дому, а я стою не в силах пошевелиться и смотрю ей вслед. Она оборачивается.

— Ну что же вы, Маркус? Идёмте.

Отмерев, следуя за ней. В груди волнение, словно переступив порог этого дома что-то может случится со мной... с нами... но не могу остановиться.

Мы оказываемся в просторной гостиной, где Ангелика предлагает мне присесть на диван и через мгновение приносит аптечку, внимательно рассматривая её содержимое. Она смачивает салфетку каким-то средством и склоняется к моему лицу. Моя разбитая губа не волнует меня, а вот губы девушки, которые так близко, что я ощущаю ее дыхание, её нежный и манящий запах кожи вызывают во мне совсем неприличные мысли, недопустимые для её личного психолога. Опускаю глаза, чтобы не соблазняться и упираюсь взглядом в её шею, где еле заметно подёргивается пульсирующая артерия. Опускаю его ещё ниже, и в

разорванном вырезе блузки виднеется нижнее белье, соблазнительно обрамляющее кружевом её грудь. Кожа такая нежная, что хочется дотронуться пальцами... уткнуться в вырез носом и глубоко вдохнуть этот тонкий, нежный, цветочный аромат. Подальше от соблазна снова поднимаю взгляд на её лицо, которое сосредоточено на моей разбитой губе.

Она так старательно дует на ранку, что я не сдерживаюсь — пальцами касаюсь её скулы. Ангелика замирает и, не говоря ни слова, смотрит на меня. Мы молчим. Слова сейчас лишние, за нас говорят взгляды... дыхание... близость друг к другу...

Я провожу подушечками пальцев по её виску, убирая золотистый локон за ушко. Она не отталкивает меня, ждёт моих действий. Верно, мужчина всегда ведёт в танце...

Притягиваю её лицо рукой к себе и жадным поцелуем впиваюсь в такие мягкие и желанные губы. Немного отстраняюсь и смотрю в глаза. Она колеблется, словно решаясь на что-то, а потом медленно, будто исследуя меня, прикасается к уголку верхней губы. Проводит языком, лаская, дразня, и сама подаётся вперёд. Приняв чёткий сигнал к действию, руками обхватываю обеими руками её голову, углубляя поцелуй, а Ангелика смело садится на меня. От испытываемого удовольствия выдыхаю ей в рот, запускаю пальцы в её роскошные волосы, и она откидывает голову. Пользуясь этим, целую её нежную шею, с той самой пульсирующей венкой. Провожу горячие линии языком, словно пробуя её кожу на вкус. Пытаюсь вобрать как можно больше её запаха, вкуса, словно не могу напиться. Губами чувствую, как подрагивает её пульс на шее, отбивая ритм сердца. С её губ срывается стон. Юбка задралась, оголив стройные ноги. Обхватываю округлые бёдра, а она кладёт свои руки мне на плечи. Скользит по ним ладонями к шее, обхватывает её, и теперь её пальчики в моих волосах. Как же приятно... Мой рассудок совсем теряет связь с реальностью... Вжимаю её сильнее в свой пах, желая продолжения. Более громкий стон Ангелики подстёгивает меня к более смелым действиям. Он как музыка для моих ушей.

Я возвращаюсь к таким мягким и чувственным губам, ловя её вздохи. Их божественный вкус лишает меня возможности трезво думать. Пьянящий аромат щекочет ноздри. Я уже представляю какая она вся на вкус, и чувствую невероятное возбуждение в паху. Мои руки всё сильнее сжимают её податливое тело, изучают его через одежду. Она льнёт ко мне грудью и трётся о, всё сильнее твердеющий в моих штанах, член. Она тоже ловит кайф, ощущая его. Ещё немного и нас уже не остановить.

Потеряв ощущение времени и пространства, приходим в себя, когда во дворе слышен звук паркующегося автомобиля. Сознание подаёт сигналы, и Ангелика первая приходит в себя.

— Боже, папа, — выдыхает она, глядя на меня, помутневшими от возбуждения, глазами.

Поднявшись, она судорожно поправляет одежду. Понимает, что это бесполезно, когда пуговицы на блузке оторваны, и убегает. Немного успокоив сердце, я встаю с дивана и беру в руки свой пиджак. Через несколько секунд Ангелика появляется в наброшенном халате, наспех его завязывая. Ровно в тот момент, как в гостиной появляется пожилой мужчина, она уже поправила волосы и приняла почти невозмутимый вид. Только румянец на щеках и блеск в глазах выдают её возбуждение. А меня, значительно выделяющийся, бугор в районе ширинки, который я прикрываю пиджаком, перекинув его через руку перед собой. Принимаю непринужденную позу, пытаюсь скрыть напряжение и возбуждение, охватившее меня несколько минут назад. Вдох-выдох... вдох-выдох... «Что ж сердце-то так колотится?» — чувствую себя школьником, застуканным в доме девушки.

— Лика, дорогая... — мужчина замедляется, не закончив фразу, устремив свой

пристальный и пронзительный взгляд на меня, переводит взгляд на дочь. — Где Альберт?

— Он уехал, — спокойно отвечает она. — Папа, познакомься. Это Маркус Шольц.

— Дитрих, — протягивает мужчина мне руку, внимательно вглядываясь в моё лицо.

— Очень приятно, гер Штайн, — приветливо улыбаюсь, протягивая ему свободную от пиджака руку.

Он пожимает мою и вежливо отвечает:

— И мне. А вы?..

— Маркус мой знакомый, пап, — я с непониманием смотрю на Ангелику, она извиняющимся взглядом, даёт мне понять, что позже все объяснит. И я, не сопротивляясь принимаю ее ответ. — Я разбила машину, и Маркус любезно меня подвёз.

— С тобой всё в порядке? — обеспокоенно спрашивает гер Штайн.

Оглядывая сначала дочь, а потом и меня, очень внимательно, подмечая каждую мелочь, отец Ангелики морщится. Я понимаю, что Дитрих догадывается, что что-то случилось.

— Мне пора, Ангелика.

— Да, конечно. Я провожу.

Мы с ней идём к двери. На пороге она неуверенно смотрит в мои глаза, словно смущается того, что между нами только что произошло. Выдыхает и, заправляя волосы за ухо, говорит:

— Спасибо, Маркус, что подвезли.

— Рад был помочь и... Надеюсь на положительный ответ по поводу ретрита. Если нужен будет сеанс, то у меня есть ещё несколько дней.

— Маркус, я не знаю... Я не уверена, что смогу.

Вижу, что сейчас добиваться ответа бессмысленно. Она снова зажалась, неуверенность в себе к ней снова вернулась, как только на пороге дома появился отец.

— Не нужно сейчас. Звоните мне в любое время.

— До свидания.

— До встречи, — улыбаюсь я и разворачиваюсь.

Иду к машине, а сердце бешено колотится в груди от возбуждения, которое меня не покидает. Понимаю, что так нельзя. Что же я натворил? Не сдержал себя.

Я же врач! Взрослый, уравновешенный профессионал своего дела... А тут такая оплошность. Вообще не помню, когда последний раз меня так волновала женщина, чтобы совсем потерять контроль над своими действиями, над своим разумом...

«Стояк, да ещё какой...» — шумно выдыхаю, сев за руль.

От одного взгляда на эту женщину, меня прошибает жар, внутри проходят волны желания, острое возбуждение бьёт в голову... и не только.

«Ангелика... Ангелика... Лика... так назвал её муж. Муж...» — мысли скачут в моей голове. Сейчас я убедился, что внутри этой скромной и неуверенной в себе женщине горит огонь, который она не выпускает, словно боится. Этот нарцисс-Альберт, полностью её закомплексовал своим эгоизмом. Не удивлюсь, что в сексе она всегда стремится ему во всём угодить, часто забывая о себе, о своём удовольствии. Ещё и отец, по всей видимости, строгий и властный. Послушная девочка до сих пор сидит в ней, не выпуская страстную, соблазнительную женщину наружу.

«Да, тут есть с чем поработать как сексологу, — стучу пальцами по рулю, поворачивая на перекрёстке. — Но я... чёрт... у меня не получится с ней не переходить границ дозволенного. Это уже другой уровень отношений.»

Приехал домой, а мысли остались там с ней, на том диване, в ее объятиях, наслаждаясь сладковатым запахом ванили и цветов. Я там полностью растворился в ней, отдался своему желанию и страсти. Голова идёт кругом, а тело хочет продолжения. Что за наваждение? Я весь пропах этой безумно желанной женщиной. Не могу отделаться от него. Ощущение будто она всё ещё рядом...

Говорят, когда находишь свою женщину, теряешь смысл окружающих тебя вещей и думаешь только о ней. Сегодня, я настолько потерялся и забылся рядом с Ангеликой, что если бы не ее отец, то не смог бы остановиться.

Прошло уже два дня, Ангелика так и не позвонила. Я пребывал в ужасном расположении духа, не мог перестать думать о ней. Как она? Что с ней?

«Возможно, она расценила наш страстный порыв, как неразумный поступок и жалеет о случившемся. Возможно, уже помирилась с мужем... Чёрт! Совсем не хочу об этом думать», — останавливаю себя в потоке своих мыслей. Увидев какой он на самом деле, я окончательно убедился, что не стоит ей этого делать. Этот мужчина не даст ей раскрыться. Она так и просидит в своей раковине всю жизнь, полностью посвящая себя его прихотям и желаниям. Ангелика заслуживает того, чтобы обрести счастье, полюбить себя, понять, чего она хочет на самом деле. Он сдерживает её рамками, не позволяя быть собой, настоящей.

Уже битый час хожу из угла в угол. Что-то не даёт мне покоя, а точнее, мысли о ком-то. Вновь и вновь возвращаюсь в тот день. Сегодня последний день перед отлётом. Может стоит ей позвонить и напомнить про ретрит? Нет... Она должна сама принять это решение. Мне необходимо смириться. Но надежда, терзающая изнутри, все же разъедает мою душу. И тут тишину кабинета нарушает звонок домофона.

— Маркус, — её нежный голос отдаётся теплом в груди, — это я.

Дыхание учащается, а сердце бьётся с удвоенной силой, когда в динамике раздаётся тихий голос Ангелики. Я глубоко вдыхаю, пытаюсь восстановить дыхание.

Глава 5/1. АНГЕЛИКА

Проводив Маркуса, я возвращаюсь в гостиную, где папа уже не притворяясь смотрит на меня с осуждением. Понимаю, что разговора не избежать, и морально готовлюсь к худшему, потому что знаю — он на стороне Альберта и сейчас начнёт мне промывать мозг своими нотациями.

— Не удивительно, что Альберт уехал, когда ты в дом притащила мужчину, — взрывается папа басом.

О, я права.

— Пап, мы с Альбертом разводимся забыл?

— Ангелика, я всё же надеюсь, что вы поговорите как взрослые люди, — подходит ко мне ближе. — Что за прихоть, Лика? Неужели все так серьезно?

— Да папа, он мне изменил не один раз и ударил меня, к тому же. Считаешь, это не весомые аргументы для развода?

— Ударил? — удивляется он. — Да что ты зацепилась: «Изменил, да изменил». С кем не бывает? Все изменяют, дочка. Я не знаю ни одну семью, где не было бы конфликтов. Это временные трудности, дорогая.

— Значит, по-твоему, это временные трудности? — возмущаюсь я, разведя руки. — Я всегда думала, что ты... ты будешь на моей стороне, пап. Я твоя дочь... Альберт сделал мне очень больно, — прижимаю руку к груди, на глаза наворачиваются слёзы. Снова... — Очень больно. Почему ты не думаешь об этом? О том, что мой мир рухнул, что я... я верила ему, любила, а он... такое предательство... Это не просто измена, разовая акция... Они сегодня там... прямо в офисе... — мой голос дрожит, ком в горле мешает говорить при воспоминании о той сцене. — И это в тот же день, после того, как он просил прощения и сказал, что раскаивается, хочет меня вернуть. Боже! — закрываю руками лицо и провожу ими назад по волосам. Смотрю на папу с болью и отчаяньем. — Не могу... не хочу его видеть больше.

— Ну-ну, доченька. Все наладится, — отец приобнимает меня и поглаживает по плечу.

Я всхлипываю как в детстве. Неужели он понял, как мне тяжело, как я страдаю. Но следующие его слова тупым ударом попадают прямо мне в сердце:

— Вы поговорите, все обсудите и снова будет все как прежде.

В душе будто выжгли маленький островок зеленой и наивной надежды. На что я рассчитывала? На понимание отца? Наивная... глупышка...

— Папа, ничего не будет как прежде. Я не хочу... больше.

— Но Лика... — не успокаивается он.

— Все, хватит папа! Не могу понять почему ты на его стороне?! Теперь я знаю точную причину, почему он со мной, почему не хочет разводиться. Альберт сказал это своей любовнице, а я услышала. Он боится потерять руководство компанией, доступ к её финансам, чтобы тратить деньги в своё удовольствие!

— Не могу поверить, — удивлённо произносит папа, не веря мне.

— Альберт может быть другим. Мы знали не того человека, которым он теперь показал себя, — смотрю папе в глаза, пытаюсь достучаться до него, получить его поддержку. — Он сбросил маску.

— Ты шутишь? С чего Альберту все это? Ты просто не можешь простить его. Лика,

оставь эту клевету, не надо раздувать скандал на пустом месте. Это и, правда, уже перешло все границы. Он мне дал слово, что с ней покончено.

— Слово? Я не верю теперь ни одному его слову! — срываюсь я почти на крик. — Он... он стал словно другим... он никогда не поднимал руку, а теперь... он ударил меня... накинулся на Маркуса, — потухшим голосом завершаю.

— Этот Маркус он...

— Пап! Он просто знакомый, — перебиваю его, — который поддержал меня. Единственный кто... — не могу подобрать слов, потому что эмоции захлестывают меня. На мгновение задумываюсь, вспоминая наш страстный поцелуй, тут в гостиной, и мой робкий, неуверенный в его кабинете. Понимаю, что этот мужчина всего за пару встреч вызвал во мне какие-то волнительные чувства, не поддающиеся объяснению.

— Да, что ты заладила Маркус, забудь его. Альберт исправится и все станет на места, а другой мужчина рядом с тобой доказывает, что ты сама все раздуваешь. И прекрати, цепляться к мужу, он хочет помириться. Не порть все.

Мне кажется, что пол уходит из-под ног, не чувствую больше тёплой руки отца на моих плечах, и на душе становится так пусто... так холодно...

Не верит, не хочет верить. Ему всё равно, что я говорю. Он просто уперся и твердит своё. Как Альберт успел его убедить в своей «правде»? Папа всегда относился к нему как к своему сыну. «Он всегда хотел иметь сына...» — доходит до моего уставшего и обессиленного разума. Чувствую себя такой одинокой, словно маленькой девочкой, потерявшейся в огромном, тёмном лесу.

Мама всегда была на моей стороне, жалела и помогала, любила и крепко обнимала, придавая уверенность в себе. Воспоминания о родном человеке, остро кольнули в груди. Разворачиваюсь и ухожу в свою комнату. Нет сил и желания доказывать свою правоту. Зачем кричать в пустоту... биться головой о стену...

Долго не могу уснуть, ворочаюсь и размышляю, но усталость берет свое и я проваливаюсь в сон.

Утром чувствую себя разбитой и невыспавшейся. Нет никакого желания идти на работу впервые за всё время. Снова видеть их там... не смогу. Кутаюсь в одеяло и не хочу даже заставить себя встать. Может я просто трусиха? А может нервный стресс и последние напряженные дни полностью выбили меня из равновесия, убили желание что-то делать?

Думаю, что идея Маркуса не так и плоха. Отдохнуть, набраться сил. А главное не только физических, но и моральных. Когда я последний раз была в отпуске? Уже и не вспомню. Наверное, из-за этого я и оказалась в таком плачевном положении. Слишком много времени посвящала работе. Может деловые поездки Альберта не всегда были такими уж деловыми? От этой мысли становится противно. Я посвящала себя нашему общему делу, а он в это время развлекался с другими женщинами и ни в чём себе не отказывал.

Пора уже уделить себе немного времени. Вспоминаю слова Маркуса: «Полюбите себя, и ваша жизнь наладится. Вы не виновны в измене мужа. Это его выбор».

Маркус... не могу понять никак, что со мной случилось вчера. Никогда бы даже не подумала вот так поцеловать малознакомого мужчину. Тем более, когда ещё так жива рана от нанесённой обиды и боли. Может Маркус прав — это подсознательное желание мести Альберту? А может... может... я почувствовала, что желанна. Ведь, я ощущала бешеное магнитное притяжение между нами и не могла ему противостоять. Маркус так смотрел на меня... тепло, с неведомой мне ранее нежностью. Да в его глазах определённо читалось

желание, и это так... придаёт уверенности в своей женственности. Уже и не помню, когда Альберт так смотрел на меня. Последнее время в нашей жизни было все так... обыденно. Он не говорил мне комплиментов, все мои поцелуи, ласки и слова воспринимал как должное...

Закрываю глаза и снова возвращаюсь в тот момент. Как наяву ощущаю сильные руки Маркуса, и в животе теплеет. Как он меня сжал... у меня аж дух захватило, и я даже не смогла сдержать рвущийся стон. А какими мягкими и нежными были его губы, и в то же время поцелуй был такой... уверенный, страстный...

Боже... тепло всё усиливается. Даже не представляю, как далеко могла бы я вчера зайти, если бы не приехал папа. Осознаю, что первый раз у меня возникли такие мысли о другом мужчине, а не о муже.

Наше притяжение, словно магнит. Не могу преодолеть влечение к этому мужчине, но понимаю, реальность не позволяет нам быть вместе. Он ведь мой психоаналитик... Это неправильно, так быть не должно. Но несмотря на здравые мысли в моей голове, мне никуда не деться от влечения, что перекрывает поступки Альберта. Возможно, я бы простила его, если бы не встретила Маркуса. Его слова, взгляды и искреннее желание мне помочь, отторгают во мне любые попытки примирения с мужем. Теперь мне неизбежно хочется скрыться ото всех. Что сегодня я и делаю.

Весь день лежу в кровати. Нет желания даже есть, пить...

Обдумывая без конца всё случившееся, принимаю твёрдое решение развестись, найти себя, отдохнуть, желательно подальше отсюда и от людей, которые меня точно не оставят в покое, пытаюсь повлиять на моё решение.

Отключаю телефон, и меня никто не беспокоит. Могу теперь предаваться своим терзаниям в полном одиночестве. Когда открываю глаза в очередной раз, за окном уже темно. Наверное, отец, если даже и заглянул ко мне, то не стал будить. Спасибо ему, хоть на этом. Самочувствие такое будто из меня высосали все силы, поэтому с удовольствием снова погружаюсь в сладкие объятия Морфея.

Глава 5/2. АНГЕЛИКА

Прихожу в себя только к обеду следующего дня. Никакого желания вообще нет куда-то идти, что-то делать... даже о своей любимой работе не могу думать, а уж представляя, что любовники там вдвоём... уединяются в кабинете... снова жар приливает к щекам... Зарываюсь в одеяло. Не хочу покидать свой тёплый и уютный кокон. Громкий стук входной двери, заставляет присесть на кровати. Что там случилось? Громкие переговоры мужских голосов... да кто это? Мой интерес удовлетворяется в полной мере буквально через секунды — в комнату почти вваливаются отец с Альбертом. Гудящая голова, не дает сосредоточиться на их непонятных словах. Скорее, они сыплют на меня какие-то обвинения. За что? Что я сделала не так? Моя жизнь рухнула, а они о работе?

— Лика, да что с тобой? Ты срываешь нам контракт. Проект не завершён, а ты тут валяешься, — возмущается Альберт. — Ну отдохнула один день. Пора приниматься за работу.

— Где ты была? Почему телефон отключен, дочка, я думал, что ты пропала.

— Считайте, что у меня отпуск, — невозмутимо говорю, накидывая халат на пижамку..

— Какой отпуск? Ты о чем? — удивляется мой почти бывший муж.

— Такой, Альберт. Я не была в отпуске уже два года. Думаю, самое время. Сами разбирайтесь, я устала тащить все на себе. Со вчерашнего дня я официально в отпуске. Ты же знаешь, что нужно для этого сделать? — обращаюсь к Альберту.

— Как? — хватает воздух он. — У нас контракты...

— Вот и работай? — спокойно говорю я и закрываю дверь ванной комнаты у него перед носом. Прислоняюсь спиной к двери и выдыхаю. Сама удивляюсь откуда во мне столько смелости. Раньше я никогда так не разговаривала с мужем. Отец, поняв, что пахнет жареным, предпочел вообще удалиться.

— Лика, — зовёт меня Альберт, за дверью.

— Нет меня, — включаю воду, чтобы принять душ.

— Ты же взрослая женщина, прекрати вести себя как маленькая, — говорит он.

— Я устала быть взрослой, — отвечаю и становлюсь под живительные струи воды. Дальше я не слышу, что он говорит, пока не заканчиваю. Надев халат и обернув волосы полотенцем, выхожу в комнату, в надежде там уже не увидеть мужа, но Альберт сидит на кровати. В его руках рамка с моей фотографией в выпускном платье, которую сделала моя мама. Он задумчиво водит большим пальцем по ней, словно вспоминая о том дне. Тогда мы впервые познакомились ближе, ведь он и был тем красавцем, который пригласил меня на танец. Самый популярный мальчик в школе, капитан футбольной команды, любимец всех девчонок. Конечно, я сразу влюбилась в него без оглядки. А он... получается, что он просто воспользовался моей наивностью. Ведь все знали, кто мой отец. Станный... неужели он что-то чувствует ещё ко мне? Зачем тогда он так со мной поступил? Предал... сделал больно, унизил... растоптал... променяв на эту... Сердце сжалось от этих мыслей.

— Лика, ты помнишь наш первый танец? — еще бы я не помнила, ведь он был так галантен и не скрывал своего интереса. Смотрел только на меня, пренебрегая всеми, а я думала, что стала самой счастливой на свете. Но это было тогда... теперь, наверное, он также смотрит на Ханну...

— К чему это, Альберт? — пытаюсь быть равнодушной. — Пытаешься вызвать во мне

ностальгию? Думаешь, что я расплачусь и кинусь в твои объятия?

— Ты же любишь меня, — стоит на своём. — Мы так любили...

— Именно! Любили. Ты сам, своими руками, убил нашу любовь, разрушил то, что было между нами, — пристально смотрю в его глаза. Он их опускает на мгновение, а потом уверенно смотрит на меня снова.

— Да я совершил ошибку, но неужели я не достоин шанса всё исправить?

— Ошибку? Ну что ж вы с папой заладили «ошибку»?! — скрещиваю руки на груди. По ошибке можно набрать не тот номер, можно повернуть не на том повороте, но измена, Альберт, это твой выбор, осознанный. Ты знал, что мне будет больно, но сделал. Ты просто надеялся это скрывать, но твоя Ханна оказалась пронырливой, — возмущаюсь я, вскинув руки. — Видишь, даже она тебя не хочет делить ни с кем. А ты! Ты мне предлагал жить втроём! Я просто поражаюсь твоей беспринципности и наглости. Предложить мне, мириться с любовницей. Одной, а потом второй, или сколько их там?!

— Лица...

— Что? Сколько их было, Альберт? Ты хоть когда-то был честен со мной? Тебе нужен брак по договорённости. Вот что я поняла. Ты хочешь продолжать жить со мной, потому что тебе так удобно, потому что ты боишься потерять контроль над компанией, и трахать за моей спиной, точнее уже не скрывая, всех кого захочешь. Но я... — прикладываю руку к своей груди. — Я не хочу так. Да я старомодная. Я хочу семью, я хочу мужа, который меня любит одну, который не смотрит по сторонам, для которого я буду одной единственной, как и наши дети, потому что я знаю, что готова дать это же в ответ. Я не смогу так жить. Я теперь тебе не доверяю. Каждый раз буду искать свидетельства твоей измены, снова и снова, терзаясь мыслями, а был ли ты сегодня с ней или ещё с кем-то?

Выпалив все на одном дыхании, только сейчас понимаю, что раньше боялась даже пошевелиться, слово поперёк сказать. Переведя дыхание, гляжу в глаза Альберту. Он был так уверен в моей любви и наивности, что даже не подумал, что может всё разрушить. Думал, что я никогда не решусь, не осмелюсь расстаться, что даже его измены буду готова терпеть. Словно тогда, на выпускном, он подобрал никому ненужную, неуверенную в себе простушку, и она никуда от него не денется.

— Лица, прости, я все понял. Я...

— Хватит, Альберт. Своими поступками ты сделал всё... во мне не осталось больше любви. Уже слишком поздно. Уходи...

Не знаю, что вселилось в меня, но теперь в моей голове преобладало понимание нашего неизбежного разрыва. От этих мыслей, стало легче, словно что-то тяжелое свалилось с души. Но Альберт, считает по-другому. Он резко встаёт с кровати и стремительно приближается. Порывисто обнимает меня, так что у меня перехватывает дыхание. Я не могу даже вздохнуть, не говоря уже, чтобы издать хоть какой-то звук. Рукой он прижимает мою голову к своему плечу. Полотенце с головы падает, и он пальцами зарывается в мои мокрые волосы. Набрав в легкие побольше воздуха, я наконец набираюсь сил и пытаюсь оттолкнуть его.

— Тебе, правда, было со мной скучно в постели? — набравшись смелости, всё же решаюсь задать вопрос, мучивший меня после слов Ханны.

— Что? — тихо спрашивает муж.

— Ты сказал Ханне, что я в сексе холодная, как лёд?

— Господи, нет конечно... — эмоционально шепчет и стремительно подхватывает меня на руки Альберт.

Он прижимает свои губы к моим, не давая издать ни звука. Кладёт на кровать и заводит мои руки за голову. Не отпуская и не давая даже вдохнуть столь желанный мне кислород, Альберт напирает и судорожно ощупывает мое, еще влажное от душа, тело под полами халата. «Решил доказать мне обратное?» — понимаю я, и от этого теперь во мне бурлят страх, животная ярость и полная беспомощность. «Что, если он не остановится? Что если не послушает и просто возьмет свое?» — осознание этого захлестывает меня волной. Я сжимаю свои губы до боли, ощущаю руки уже эмоционально чужого мне человека, потому что то, что он сейчас творит не укладывается в голове. Его прикосновения больше не отзываются во мне волнами возбуждения и страсти, а лишь приносят боль, душевную и физическую.

Почти скулю в его рот, а слёзы струями текут по щекам. Пытаюсь вырваться, но он садится на мои ноги, полностью отрезая мои попытки к сопротивлению. Его язык, как скользкая змея, пробирается в мой сопротивляющийся рот. На секунду расслабляюсь и разжимаю челюсти, но лишь для того, чтобы в ту же секунду сомкнуть их, укусив его до металлического привкуса. Альберт мешкается, матерясь от боли, и ослабляет хватку. Мне удаётся вырвать одну руку и незамедлительно наградить его ударами ладонью. Бью куда придется, но все без толку, лишь злю его своим поведением. Еще пара бесцельных ударов и он со всей силы отшвыривает мою руку, та будто тряпичная с силой ударяется обо что-то, лежащее на кровати. Я понимаю, что это рамка с фотографией, которую рассматривал Альберт, до того, как попытаться принудить меня к близости. Недолго думая, хватаю ее и со всего размаха прикладываю ею озверевшего насильника. Мне страшно, и я бросаюсь снова в ванную. Успеваю закрыть замок и слышу проклятия в свой адрес. Сползаю по двери на пол и зажмуриваюсь. Не в силах поверить, хватаюсь за голову и оттягиваю с силой волосы, будто пытаюсь проснуться. Но это не сон. Это кошмар наяву.

— Черт, Лика! Твою мать! Ненормальная! — слышу разгневанные проклятья за дверью, и в доказательство к этому, он с силой ударяет в дверь кулаком.

Я содрогаюсь от ужаса и сильнее обхватываю голову руками, стараясь не трястись. Молчу. Боюсь, что истерика победит, и я сорвусь на громкие рыдания.

— Я не хотел, Лика... — звук бьющегося стекла, наверное, ваза на столе.

— Уходи, Альберт! Все кончено! — зажмурившись, кричу до хрипоты. — Оставь меня в покое!

— Нет, Лика! Ты моя жена! Это всё из-за этого мужика?! Ты трахалась с ним?! — в гнев кричит он, и мне становится ещё страшнее. Никогда не слышала, чтобы он так орал, чтобы был таким... агрессивным. Кажется, я узнаю настоящего Альберта... Неужели все эти годы он притворялся?

— Пожалуйста, Альберт... уходи... — я больше не могу кричать и впадая в истерику, сквозь слёзы шепчу последние слова.

Слышу голос отца:

— Что здесь... Ох, ты ж...

— Все в порядке, Дитрих. Я уже ухожу.

— Ангелика? Лика, где ты? — слышу волнение в голосе папы, искреннее желание помочь.

— С ней все в порядке. Она закрылась в ванной.

— Что тут у вас произошло? Лика, детка, ты в порядке? Как все это понимать?

— Никак, это наше дело, — наглость этого человека просто поражает. Какое дело? Теперь у нас нет никаких больше дел.

— Альберт, ты забываешься... Я всегда был на твоей стороне, но теперь вынужден просить тебя уйти. Ты перешёл все границы.

— Уже... — и я слышу громко хлопнувшую дверь. Какой же ублюдок...

— Дочка, что он сделал? — слышу обеспокоенный голос отца, прямо за дверью, но я не могу ответить, тело сковала дрожь от пережитого, горло сдавил ком, не могу вымолвить ни слова. Не понимаю, как открылась дверь, хотя и знала, что у папы есть запасные ключи от всех замков в доме. Меня накрывают одеялом заботливые руки и поднимают с пола. Я рыдаю навзрыд около получаса, постепенно успокаиваясь на папином плече. Он молчит и гладит меня по голове, как в детстве. Неужели должно было случиться что-то ужасное, чтобы папа поверил мне? Неужели, поступок Альберта доказал ему, что я права и помог осознать свою ошибку? Постепенно в руках папы я прихожу в себя. Давно уже не помню от него такого проявления заботы. Отец тихо шепчет успокаивающие слова, спрашивает нужна ли полиция и сделал ли мне что-то Альберт. Кажется, он не на шутку испугался за меня. В его голосе и интонациях слышны сильное переживание и участие. Я только отрицательно качаю головой.

— Никогда... никогда я не вернусь к нему, пап, — сбивчиво говорю я.

— Конечно, родная, — поглаживая по плечу соглашается папа.

— Он раньше никогда таким агрессивным не был. Он меня сильно напугал.

— Всё хорошо. Он ушёл.

— Я хочу уехать. Мне нужен покой.

— Ты уверена? Одна?

— Да, так будет лучше.

Папа целует меня в висок и соглашается. Я прошу его помочь с фирмой пока не разберусь в себе и не вернусь. Быстро собираю чемодан и ухожу из отчего дома. Папа не останавливает меня, лишь просит звонить. Не задаёт вопросов: куда ты пойдешь? что будет дальше? Он понимает, что тоже виноват во многом. Поверь он мне, прими мою сторону сразу, ничего бы не было. До всего этого не дошло бы. Но... написанного — не сотрешь, а сделанного — не исправишь... Теперь у меня нет места, где я чувствую себя хорошо и спокойно. Нет дома. Наш с Альбертом совместный дом испачкан изменой, а может и не одной. А здесь, я каждый раз буду вспоминать его отвратительный поступок. Знаю, это было от безысходности и нехватки аргументов с его стороны. Понимаю, что возможно, я слишком испугалась, а его план был абсолютно другим. Он надеялся освежить чувства, возбудить, воззвать к моей страсти, но добился противоположного эффекта. Насильно невозможно чего-то добиться. Он ничего не сделал, но теперь я всегда буду задаваться вопросом: «А довел бы он до конца начатое?»

Такси ожидает меня у входа. В салоне играет приятная музыка, а сиденье прогрето после полуденным солнцем, которое заглядывает в тонированные окна и сильно припекает летним днем. Я называю адрес офиса Маркуса. Просто говорю на автомате, а потом понимаю, что действительно очень хочу сейчас оказаться рядом с ним. Только он может мне помочь, только его я хочу сейчас видеть. Удивительно, но этот мужчина за короткое знакомство завоевал моё доверие, почему-то рядом с ним мне становилось очень спокойно и хорошо.

Пробки на автостраде еще не образовались, так как время только подходит к концу рабочего дня. Открываю окно, впуская теплый ветерок. Подставляю лицо приятному потоку, надеясь стереть с себя грязь произошедшего. Мерзко — это единственное слово, что

крутится в голове. Ненавижу — на помощь ему приходит еще одно, а за ним множество других, складывающихся в фразы, а после и в целые предложения, направленные на бывшего мужа и всю эту ситуацию. Формулировка «бывший» сама собой уже возникает, когда я думаю об Альберте. Сомнений, что я приняла правильное решение уже никаких нет. Сейчас мне только нужно найти себя, прийти в равновесие, справится с пережитым, излечиться, научиться любить себя и жить для себя. Кажется, я совсем не умею... не знаю, как это делать. Со мной всегда кто-то был рядом: мама, папа, потом Альберт.... Я никогда не жила одна. Не делала, что нравиться мне. Всегда кому-то старалась угодить, ущемляя свои интересы, и думала, что так правильно. Хотела быть хорошей для всех. Теперь пришло время заняться собой, но главное залечить душевную рану и забыть о предательстве самого дорогого до недавнего времени человека — мужчины, который был центром моего мира, которого я сильно любила.

Такси останавливается, не доехав до центральной улицы, где располагается офис Маркуса. Все перекрыто, наверное, ради очередного мероприятия, и в центр города невозможно добраться. А чтобы объехать, с другой стороны, нужно еще как минимум пятнадцать или двадцать минут просидеть в этом такси. Я принимаю решение в пользу того, чтобы пройтись пять минут пешком. Бреду по тротуару, волоча за собой чемодан, в который наспех, не глядя, что-то запихнула. Никто даже не обращает на меня внимание, ведь здесь ряд высокоранговых, дорогостоящих гостиниц, расположенных практически одна за другой по улице, уходящей в горизонт, которой не видно ни конца, ни края. Её наполняют большие автобусы и желтые такси, привозящие все новых и новых туристов, поэтому на женщину, бредущую по улице с чемоданом, никто не обращает внимание. Люди спешат, несутся стремглав, не замечая никого вокруг, и я первый раз не в их числе.

Дохожу до офиса Маркуса, ощущая всю правильность своего решения, и смело звоню в домофон. Мне отвечает знакомый и приятный тембр, заставляя улыбнуться и всхлипнуть одновременно. Лифт доставляет меня на заветный этаж, и дверь распахивается. На пороге меня встречает сам Маркус, удивленно смотря из-под густых ресниц. В его глазах читается обеспокоенность, и он спешит спросить:

— Ангелика, что произошло?

Ответом ему служат мои непослушные, сорвавшиеся с тормозов, слезы, как будто я только и ждала отмашки. Бросаю чемодан и впечатываюсь в Маркуса, ведомая порывом ощутить его участие и защиту. Он не отстраняется, лишь обнимает за плечи.

— Ирэна, отмените на сегодня все дальнейшие встречи, и вы тоже свободны. Спасибо, — распоряжается он, обращаясь к кому-то, кого мне не видно. — Пойдемте, Ангелика.

Он перехватывает меня одной рукой, так чтобы я оставалась в его крепких руках, и ведет в свой кабинет. Затуманенные мысли отказываются собираться и думать, как все это выглядит со стороны. Мне все равно!

Глава 6/1. МАРКУС

Первый раз вижу Ангелику такой... раздавленной, удрученной. Мне хочется ей помочь, но ее слезы разрывают душу и не дают трезво мыслить. Единственное здоровое решение — остаться с ней наедине, чтобы понять, что произошло. Только, я примерно уже понимаю, в чем дело. Усаживаю её на диван в моём кабинете и остаюсь с ней рядом. Так хочется её крепко обнять, но даже после нашего страстного поцелуя я не решаюсь на такую вольность. Сейчас ей нужна поддержка. Не хочу её пугать, бушующим в моей душе, цунами эмоций.

— Ангелика, хотите чай? — спрашиваю, чтобы отвлечь её не много. — Он поможет успокоиться, а потом мы поговорим, если захотите. — Я люблю жасминовый. Вы любите? Или могу предложить мятный, какой предпочитаете? — она молчит, продолжает вытирать слёзы, погружённая в свои мысли. — Да мятный. Он успокаивает, — отвечаю за неё, и она кивает головой, промокнув нос салфеткой.

Образуется неловкая пауза, и я выхожу в соседнюю комнату, чтобы заварить чай. Возвращаюсь с двумя кружками ароматного чая и вижу, что Ангелика даже не поменяла позу, продолжая смотреть в окно на красивые и высокие строения, возвышающиеся над городом и задевающие своими пиками небеса. Она поднимает на меня взгляд, берёт кружку из моей руки. Пальцами касается моих, и между нами словно проскакивает ток. Даже такое мимолётное касание вызывает во мне реакцию. «Чёрт! Что ж я буду делать дальше? Нужно держать себя в руках», — убеждаю себя, пытаюсь унять охватившее меня волнение от её близкого присутствия.

Ангелика слегка касается напитка губами, пробуя его температуру. Вытягивает губы, выпуская струйку воздуха на горячую жидкость, а я не могу оторвать взгляд от её чувственных и красивых губ. Она делает маленький глоток и спрашивает:

— Скажите, Маркус. Неужели желание быть нужной, любимой и единственной, такое противоестественное? — Ангелика поднимает на меня глаза, и я вижу в них столько боли. — Может, я чего-то не понимаю?

— Нет, Ангелика. Каждый из нас, стремится найти в этой жизни такого человека. Это, наоборот, очень даже естественно. Человек так устроен, что в одиночестве ему со временем становится плохо. Каждому необходимо чувствовать себя нужным, важным для кого-то.

— А если такого человека нет? Значит ли это, что я какая-то неправильная?

— Конечно же нет. Это всего лишь значит, что вы ещё не встретили своего человека.

Она внимательно смотрит на меня и тихо выдыхает, словно боится пошевелиться.

— Я теряюсь Маркус... не знаю, что мне делать дальше? Ведь до сегодняшнего дня было всё понятно и просто. Я думала, что работа и личная жизнь у меня в полном порядке. А теперь получается, что тот, ради кого, я жила — предал и даже любимое дело, не приносит мне теперь радость. Вот что я имею на сегодняшний момент. И это совсем не то, что представляют в мечтах люди.

— Вам просто нужно время. Оно конечно не лечит, как многие утверждают, но заставляет взглянуть на все под другим углом. Вы снова обретёте радость от дела, которым занимаетесь. А человек... он обязательно появится, нужно просто быть собой.

— Думаете? — недоверчиво пожимает плечами.

— Конечно. Главное не думать об этом целенаправленно, — продолжаю я. — Вам сейчас нужно обрести гармонию внутри себя. Жизнь сама пошлёт вам такого человека. Не

зря, в мире каждому найдётся своя половинка, так предначертано. Просто кто-то идёт к своей долго и трудно, а кто-то обретает счастье раньше. Но это не значит, что вы должны при этом что-то делать. Достаточно просто жить, и обязательно, любить себя.

— Но... как теперь научиться доверять? — с болью в глазах смотрит на меня, и я на мгновение зависаю, погружаясь в бездонный омут. — Мне кажется, что теперь я никогда не смогу поверить мужчине. Альберт... он был моим единственным мужчиной. Я полюбила его сразу как увидела... и я ...

— Первая любовь она всегда самая яркая, эмоциональная, как фейерверк... но часто недолговечна, — «Боже, что я несу? Это противоречит всему, что я должен говорить.» — Потому что в силу эмоциональной незрелости и маленького жизненного опыта, мы не можем всё разумно оценивать. Мы не видим многих недостатков пары, идеализируя её.

— Её?... Вы... — Ангелика буквально принимает мои слова, и я слегка улыбаюсь. — Вы тоже...

— Почти все когда-то переживали предательство, измену, разочарование, — объясняю я. — Главное — справиться с этим и осознать, что на этом жизнь не заканчивается, что если вам один человек нанёс удар в спину или разочаровал, то это совсем не значит, что другой сделает тоже самое, — отвожу глаза, вспоминая то, что сам когда-то испытал, пережив измену и предательство.

Ангелика задумывается над моими словами, не отводя от меня взгляд.

— Хотите поговорить о том, что произошло сегодня? Что вас так расстроило?

— Я... думаете станет легче?

— Обычно помогает. Но только если сами хотите.

— Мужчины думают, что секс — это всё... и если он есть, значит проблемы исчерпаны. Все думают, что с помощью него можно решить все проблемы, забыть, что случилось?

— Это не так, Ангелика, — серьёзно говорю я, понимая, что её муж пытался решить проблему именно таким способом. — Не все мужчины так считают.

— Но, если на душе кошки скребут, как тогда? Просто Альберт... он пытался... пытался... помириться по-своему. Он... сильно... напугал меня своим напором

От слов Ангелики непроизвольно сжимаю кулак и кружку в руке. Хотелось придушить этого молодого придурка. Кажется, ему ещё самому нужно повзрослеть. Ведёт себя как неуравновешенный подросток.

— Маркус, знаете, я впервые почувствовала отвращение к мужу, к его поступкам. Поняла, что у нас нет будущего, нет больше «нас». Теперь я стопроцентно уверена, что самое лучшее — это развестись. У меня нет уже сомнений.

Я должен, как психолог сейчас сказать, что не стоит решать на горячую голову или рубить сплеча, но у меня всего лишь вырывается тихое:

— Да... — вовремя осознаю, что сказал это вслух. — Ангелика, вам нужно сейчас отдохнуть, и убедиться, что это решение не на эмоциях.

— Нет! — неожиданно эмоционально восклицает она. — Я уверена. Я не смогу... не хочу больше жить с человеком, в котором не уверена. Я вообще теперь не уверена, что он любил меня по-настоящему, — её голос снова вибрирует от переизбытка чувств, но во взгляде уверенность и твёрдость, — что он не притворялся, не играл в любовь и моими чувствами.

Такая сильная и в тоже время слабая, ранимая и хрупкая. Безумно хочется её обнять, прижать к груди, уткнуться носом в волосы и напиток её запахом...

— Ангелика, помните, я говорил о ретрите? Там вы и отдохнёте, и обретёте гармонию с собой. Шри-Ланка — прекрасное место, пропитанное энергией и удивительными потоками силы. Если вы хотите, ещё есть возможность все устроить.

— Да? — распахивает она глаза.

— Вылет уже завтра, но есть ещё место.

— Очень хочу, — она неожиданно накрывает мою руку своей тёплой и нежной ладонью, и меня словно торкает в грудь от этого прикосновения. — Очень хочу, Маркус.

— Нужно только собрать вещи, — говорю я с улыбкой, а она оглядывается по сторонам, словно ища свой чемодан, с которым приехала.

— Они уже со мной, — наконец-то с улыбкой произносит она.

— И паспорт.

— Все есть, — Ангелика тянется к сумочке, которая лежит рядом на диване и достаёт из неё документ, показывая его мне. — Я решила уехать и не важно куда.

— Отлично. Я всё устрою.

Не откладывая, забираю у неё паспорт и выхожу в приемную. Набираю знакомую, которая всегда быстро и качественно оформляет все документы и обеспечивает меня билетами. Договариваюсь обо всем и очень радуюсь, что наша бронь на два запасных билета, ещё не снята. «Значит завтра мы отправимся на Шри-Ланку вместе», — от этой мысли ощущаю радость. Поездка, которую я жду уже полгода. Природа, энергия и много практик, как психологических, так и физических. Ангелика даже не представляет, что нас ожидает. Массаж — расслабит тело, пилатес — даст понимание своих возможностей, курс дыхания и йоги — успокоит душу и конечно, тёплый Индийский океан, белый ласковый песок и тропическая природа. Все это, должно помочь ей обрести уверенность в себе, полюбить себя и понять истинные желания.

Возвращаюсь в кабинет, но не успеваю сказать не слова. Так и стою с открытым ртом. Медленно иду к Ангелике, которая, подложив руки под щеку, с милым и спокойным выражением лица, сладко спит. Не в состоянии стереть умиленное выражение со своего лица. Она прекрасна. Опускаюсь перед ней, и моя рука неосознанно тянется к ней. Не сдерживаю себя, ведь она спит. Лёгким касанием пальцев провожу по локону, упавшему на лицо, и отвожу его назад. «Такая нежная, ранимая. Как можно было вообще обидеть такую женщину?» — засматриваюсь на тонкие черты лица, атласную белую кожу с лёгким румянцем на щеках. Её тихое дыхание словно шелест срывается с чуть приоткрытых губ, и я, собрав всю волю в кулак, сдерживаю себя, чтобы не коснуться их. Не хочу её разбудить. «Сладкие», — вспомнил их вкус. Неожиданно Ангелика открывает глаза и мгновение мы смотрим друг на друга. Она молчит, а я, очнувшись, поднимаюсь. Я не должен, нет. Пытаюсь привести мысли в порядок

— У вас все получилось? Было ещё не поздно? — с надеждой спрашивает она.

— Все в порядке. Вылет завтра утром. Только вот... Ангелика, вы, наверное, очень устали? Могу я предложить вам свою гостевую комнату и горячий ужин. К этому прилагается моя компания, конечно, но это лучше, чем холодный гостиничный номер, — говорю, а сам боюсь, что она из скромности откажется.

— Это очень любезно с вашей стороны, Маркус, — её лицо озаряет улыбка, и я выдыхаю с облегчением.

— Вы какую кухню любите?

— Я не привередливая совсем, — смеётся Ангелика, и я не могу сдержать улыбку.

Глава 6/2. МАРКУС

Через полчаса мы уже подъезжаем к моему дому в престижном спальном районе с небольшими двухэтажными домами. Во Франкфурте, как и во всей Германии, дома должны быть идентичными по архитектуре и цвету, каждому району свои оттенки. Когда летишь в самолете и сверху видишь красивые квадратные домики, то это смотрится потрясающе, будто городок построен из конструктора Лего.

Мой дом в десяти минутах ходьбы от набережной, где в тот вечер, гуляя с Рокки, я впервые и встретил Ангелику. Странно, но сейчас у меня возникло отчётливое чувство, что это встреча оказалась судьбоносной. Не знаю, что нас ждёт в будущем, но мне очень приятно находиться с ней рядом. Я просто не могу оставить её. Убеждён, что могу помочь ей поверить в себя и стать счастливой.

У ворот, слышен радостный лай Рокки. Скучал парень. О чем и радостно сообщает всем вокруг. Чуть не сносит меня с ног, когда я выхожу из машины, но я удерживаюсь на ногах, приняв весь удар на себя. То, что я прикрыл собой Ангелику, не совсем помогло, потому что пёс умудрился облизать и ее. Ангелика со счастливой улыбкой принимает нежности моего подопечного, присаживается на корточки и теребит его за уши. Тот же в довольном умилении расплющивает в её руках морду.

«Потрясающе! Эти двое сразу приглянулись друг другу», — мысленно радуюсь я. Хелен недолюбливала этого парня. Да она вообще собак не любила, ворчала, что много шерсти и слюней. Рокки отвечал ей взаимностью, иногда рыча, потрёпывая её туфли, и уж точно, не облизывал с ног до головы. Войдя в дом, сразу провожу небольшую экскурсию. Показываю комнату для гостей, и сам иду принять душ и переодеться. Встречаемся на кухне, разделённой со столовой барной стойкой. Ангелика присаживается на высокий барный стул в скованной позе. Решаю её расслабить и просто поговорить.

— Может быть вино? Какое вы предпочитаете? — сам немного волнуюсь, ведь уже давно здесь не было женщины, после Хелен не было ничего серьёзного.

— Да, пожалуй, — неуверенно произносит она, и напряженная пауза опять повисает в воздухе.

— Рислинг? — спрашиваю я, и Ангелика кивает.

Я достаю бутылку, ловким движением рук откупориваю и наливаю в бокал выдержанное мозельское. Ангелика, покрутив бокал, делает маленький глоток, приподнимает брови, и произносит — М-м, мне нравится.

Наполняю и свой, делаю глоток и во рту растекается приятный вкус с лёгкими нотками персика и яблок. — Готовка — не моя страсть, поэтому предлагаю разжечь гриль.

— Не имею ничего против, и даже возьму на себя приготовление салата, — улыбается она. Наконец-то, смущение отступило.

— С огромным удовольствием приму помощь.

Выудив из холодильника нужные продукты, мы выходим на террасу. Уже через несколько минут, наблюдаю, как Ангелика легко справляется с овощами, и принимаюсь за гриль. Рокки, виляя хвостом, кружит вокруг нас, а потом ложится у её ног, и периодически поднимает морду, ловя уже знакомый запах нового человека в доме. «Чует парень хорошего человека», — улыбаюсь я, переворачивая стейки на решётке. Закончив с овощами Ангелика берёт бокал и перемещается в подвесное кресло.

— О обожаю такие кресла. И качели, и кресло в одном. Красота.

— Не стесняйтесь, мясо почти готово, есть возможность насладиться прекрасным вечерним воздухом.

— А почему вы не женаты, Маркус? — неожиданно спрашивает Ангелика. — Никогда не хотели семью? Много детишек? Собака у вас уже есть, — улыбается, поглаживая Рокки, а я грустно смотрю на такую замечательную картину. Если бы кто-то сейчас нас увидел, подумал, что мы пара.

— Не случилось, — смотрю на неё и с улыбкой добавляю: — Надеюсь, что пока.

— А я всегда хотела большую семью, много детей, чтобы им было не скучно. Я вот теперь одна, а всегда так хотелось иметь кого-то, кто поймёт, поддержит и в любой ситуации выслушает. Но...

— Альберт вас не поддерживал в этом?

— Вообще... — она осекается, словно подбирая слова. — Говорил, что хочет детей, но... но после того, как я потеряла нашего первенца, эта тема исчезла из нашей... — она сглатывает от волнения. Видно, что это непростая тема для неё, — семьи.

— Простите, мне очень жаль.

— За что? Вы не виноваты. Это все было давно, но боль осталась со мной. Да и страх снова пережить потерю до конца так и не исчез.

— Почему? Есть опасения врачей?

Ангелика, почёсывая пса за ухом, опускает взгляд на него и после паузы продолжает:

— Нет. Сначала мы оба переживали потерю, а потом как-то боялись снова говорить об этом... точнее я боялась начать разговор...

— Боялись реакции мужа? — осторожно спрашиваю, чтобы она не замкнулась, но смогла выговорить наболевшее.

— Боялась услышать упреки.

— Он винил вас в этом?

— Я сама винила себя во всем произошедшем. Со временем поняла, что это не моя вина, что так случилось. Конечно, все наши решения ведут к тому или иному исходу... Я виновата в том, что села в тот день в машину к Альберту, несмотря на свою интуицию не делать этого.

— Значит, это была авария?

— Да, только...

— Не стоит винить себя, Ангелика. Прошлого не вернёшь, не изменишь. Вам нужно отпустить тот случай, свои страхи. Все мы учимся на ошибках, чтобы постараться их избежать в будущем, но не для того, чтобы жить в страхе.

— Вы не понимаете, Маркус... он был пьян. Альберт выпил и сел за руль, — она настолько эмоционально выпалила это, и я понял, что эта тема была в их отношениях камнем преткновения: Ангелика служила живым напоминанием мужу о его проступке. Видимо, чтобы снять вину с себя, он подсознательно перекладывал её на жену. Представляю какво это жить вместе несколько лет с таким грузом. Они до конца так и не справились с этим.

Приятный аромат мяса уже разносится по вечернему воздуху и зазывает его попробовать. Взглянув на Ангелику, я понимаю, что мой ответ ей сейчас не нужен. Снимаю стейки с решётки и ставлю тарелку на стол. Вино налито в бокалы, и мы садимся ужинать. Мы принимаемся за ароматное мясо и приготовленный Ангеликой салат. Но я понимаю, что

молчать нельзя, и подбираю слова, чтобы не ранить ее ещё больше. То, что она открылась мне, это уже большой шаг к осознанию проблемы и принятию ее. Теперь нужно не давить и действовать аккуратно.

— Ангелика, я понимаю, что тема очень щекотливая и болезненная для вас, но скажите, возможно, у него была весома причина для такого поступка?

— Мы были на вечеринке, у друзей за городом. Собирались остаться там на ночь, но так получилось, что отец позвонил и... маме стало плохо. Её увезли в больницу. Я видела, что Альберт не в состоянии, и хотела сесть сама за руль, но... Я только получила права, а он только купил новую машину... Так что, он просто не хотел, не доверял мне. Я была на пятом месяце беременности. Мы только сыграли свадьбу. И тут моя вина, что я не настояла, — она печально смотрит на меня. — Понимаете, Маркус, мы привыкали и подстраивались друг под друга. Я старалась ему угодить. Всегда делала так, как хотел Альберт, не задумываясь, ведь я любила его сильно.

Ангелика погружившись в воспоминания, почти не прерываясь говорит. Словно всё это давно сидит в ней, и она ни с кем никогда не делилась этими переживаниями, поэтому я слушаю её, не перебивая.

— Он сильно нервничал, что нам придётся вернуться. Не хотел отпускать меня на такси, решил, что пару бокалов вина погоды не сделают. Но как показало, очень даже... Реакция притупилась и... Чтобы его не привлекли, я взяла вину на себя. Сказала, что была сама за рулём. Но из-за стресса и волнений, я не справилась с напряжением. Меня доставили в больницу с сильным кровотечением. К сожалению, ребёнка спасти не смогли, и в тот день, я потеряла частичку своей души.

По щекам Ангелики сползают слёзы, и я протягиваю ей салфетку.

— Вы ещё очень молоды. У вас обязательно ещё будут дети и семья. Главное не заикливаться на том случае. Воспоминания об этом останутся с вами навсегда, но вам нужно понять, что то, что случилось, не обязательно должно повториться.

— Вы правы, Маркус, — облегчённо вздыхает она, вытирая глаза. — Возможно... я просто... накручиваю себя опасениями.

— Иногда просто рассказать об этом, уже большое дело. Вы, Ангелика, сильная женщина. Жизнь ещё преподнесёт вам свои подарки. Но только тогда, когда придет время. Ведь ничего не происходит просто так. Из всего, из каждого случая, каждой ситуации, мы извлекаем свой бесценный опыт.

Ангелика, глядя в мои глаза, замирает, словно задумавшись, а потом на её губах появляется лёгкая улыбка.

— Спасибо вам, Маркус, за поддержку. После того как не стало мамы, я никогда ещё ни с кем не говорила так откровенно, — будто смутившись опускает ресницы и заправляет рукой локон волос за ушко. Такой милый и простой жест отзывается в моей груди нежностью. — Мне этого не хватало очень. Чтобы просто кто-то выслушал и сказал такие нужные слова, — она снова поднимет на меня взгляд. — Мне, действительно, стало легче. Я даже немного удивлена.

— Чему? — с недоумением спрашиваю.

— Тому, что вы до сих пор не женаты. Понимающий мужчина — находка для любой женщины.

Широко улыбаюсь.

— Я психолог, вы забыли? — шутливо говорю. — Но я такой же человек, как и все, со

своими тараканами и характером. Для кого-то, возможно даже, невыносимым.

— Вы шутите?

— Совсем нет. Думаю, не каждый готов в доме иметь психолога. Глядя друг на друга, мы смеёмся, и Ангелика отводит взгляд. Мне нравится, что она расслабилась, почувствовала себя свободнее, будто груз с души сняла.

Прекрасный вечер. Прекрасный он рядом с ней. Мне нравится смотреть на неё, как она смеётся, как смотрит из-под пушистых ресниц, как облизывает нижнюю губу, ловя капельки вина. Внутри меня что-то отзывается на любое ее действие. Мне хочется быть рядом, защищать, слушать каждое ее слово. Ангелика волнует меня и заставляет мечтать о будущем, в котором есть она, но это непозволительно, не профессионально... Ничего не могу с собой поделать.

«Но... мы же можем перестать быть пациентом и психоаналитиком?» — с этой внезапной идеей, которая оживляет мои грустные мысли, и с осознанием, что Ангелика сейчас сладко спит в соседней комнате, я и проваливаюсь в сон.

Глава 7/1. АНГЕЛИКА

Новое утро на волшебном острове встречает меня лучами яркого солнца, проникающими в окно через бамбуковые жалюзи бунгало, и шелестом волн океана. С наслаждением вдыхаю запах солёного бриза и цветов, которые здесь повсюду. Вчера даже в вечерней темноте, освещённой огнями, заметила красоту этого места, но всё же не терпелось при свете дня полюбоваться на местные красоты.

Всё-таки я приняла верное решение — окунуться в атмосферу покоя и умиротворенности на побережье океана. Прочь проблемы и заботы. Вон все неприятности и предательства. Подальше от городского шума, рабочей суеты и мучающих меня отношений. Только добравшись вчера до места, запустив пальчики ног в вечерний прогретый песок, мои мысли уже приготовились к позитиву. Настроение поднялось, и я уже была готова к покорению всех вершин мира. Правда здесь не надо ничего покорять, только сливаться с природой, вдохновляться и учиться любить себя. В самолете, мы с Маркусом, провели весь полет в разговорах ни о чем, и обо всем. Мне с ним так легко говорить, будто мы знаем друг друга очень давно. Удивительно, но у него на всё всегда есть ответы и своё мнение, которое словно отражает мои мысли и чувства. С его помощью я на многие вещи в своей жизни начинаю смотреть по-другому. Мы как родственные души, настроенные на одну волну. Даже его шутки, отзываются в моей душе, заставляют меня не думать о плохом и верить в лучшее.

А ещё вчера вечером, у него дома, я впервые увидела Маркуса не в офисном строгом костюме, который ему, несомненно, шёл, а в домашнем виде. Простая майка и спортивные штаны подчёркивали его стройное тело с крепкими рельефными мышцами. Короткие рукава футболок плотно облегли бицепсы, от которых я порой не могла оторвать взгляд. Не знаю заметил ли он? Мне всегда нравились красивые мужские руки. Сильные, оплетённые выпуклыми венами. Есть в них что-то такое... надёжное... манящие... сексуальное... Я даже представила каково это — почувствовать себя в этих руках полностью обнажённой. Зная, что он там в соседней комнате спит, и вспомнив наш страстный поцелуй, долго ещё не могла уснуть. Во мне всё сильнее утверждалось понимание того, что этот мужчина меня волнует, что меня к нему влечёт. И я ругала себя за это, потому что только совсем недавно для меня никого не существовало кроме мужа. Я вообще не обращала внимание на других мужчин, не замечала никого. Неужели любовь вот так быстро проходит? Никогда бы раньше не подумала.

Я так хочу всё увидеть, мне так интересно, что спешу привести себя в порядок. Вечером, нас только коротко ввели в курс дела, сказав, что все встречаются на завтраке. После мы должны получить расписание. Не успеваю открыть дверь своего уютного бунгало, расположенного прямо у самого океана, как вижу знакомое лицо Маркуса.

— Доброе утро, Ангелика, — улыбается он.

— Здравствуйте, Маркус.

— Можно составить вам компанию и проводить вас на завтрак? — предлагает мне локоть.

— Это будет прекрасно, — оплетаю, предложенную им, руку своей, и мы направляемся на крытую веранду со множеством столиков, которая служит столовой. Там уже собралось большое количество людей. Все улыбаются, предвкушая начало прекрасной недели. Маркус помогает мне выбрать блюда на завтрак, и мы присаживаемся за столик. На веранде

появляется интересная пара. Они здороваются со всеми и представляются. Мишель Ардан и его супруга, Сьюзен Грэм, организаторы и кураторы группы ретрита. Они вкратце рассказывают о программе и что нас ждёт сегодня. Некоторые участники задают вопросы, на которые они дают разъяснения. Пожелав всем приятного аппетита, они тоже присоединяются к завтраку.

— Здесь так красиво, — восхищённо оглядываюсь по сторонам. — Спасибо, что убедили меня сюда прилететь. Маркус с улыбкой смотрит на меня.

— Я очень рад, что вам нравится. Вот увидите, отсюда вы вернётесь домой совершенно другим человеком.

— Именно на это я уже настроилась.

— Ваш настрой в таком предприятии — это главное. Уверен, вы достигнете нереальных успехов, как в познании себя, так и просто отдохнув в этом райском уголке, — он радостно смотрит на меня, а потом указывает на океан, виднеющийся на горизонте. — Сила океана поможет вам смотреть вперёд, а не назад. Да, я тоже так думаю и улыбаюсь в ответ. Проходит немного времени и мы, расправившись с завтраком, выходим на красивую террасу. Вокруг растут гибискусы и бриз доносит запах океана. Я жадно вдыхаю исцеляющий аромат свободы и отпиваю глоток свежевыжатого сока. Маркус делает тоже самое, смотря вдаль на гладкую, бирюзовую поверхность океана.

— Сегодня нам даже удастся искупаться. После йоги, как раз небольшая пауза. Хотите, я зайду за вами? Мой бунгало рядом с вашим.

— Это будет превосходно! Его лицо, озаряется таким неприкрытым счастьем, что я даже слегка смущаюсь. Но потом улыбка резко исчезает, а на смену ей приходит задумчивое и тревожное выражение. Я не понимая таких изменений, прослеживаю за взглядом Маркуса и вижу, направляющуюся к нам, пару.

— Маркус! — восклицает мужчина. — Привет, друг, — и протягивает руку Маркусу.

— Привет, Генрих. Мужчины пожимают друг другу руки, а стройная брюнетка в откровенном топике и полупрозрачной длинной юбке бесцеремонно кидается Маркусу на шею.

— Мон шер, как я рада тебя видеть, — расцеловывает Маркуса в обе щёки.

Мой летний открытый сарафан, не смотрится столь вульгарно, как ее вроде длинная, но полностью прозрачная одежда. Эта особа, сразу не нравится мне. Да и напряженность Маркуса настораживает. Кто они? Маркус, будто услышав мой мысленный вопрос. Представляет пару:

— Ангелика, познакомьтесь с моими давними друзьями, Генрихом и Хелен.

— Очень приятно, — вежливо улыбается мне мужчина.

— Рада познакомиться, — протягивает мне руку брюнетка, но в её взгляде проскальзывает какая-то враждебность. Не понимаю её причину, но делаю догадку, что это ревность.

— Хелен? Ты как тут? Если Генриха, я ожидал увидеть, ведь он один из ведущих европейских психологов. То тебя, даже не знаю... ты здесь в качестве участника встречи? — удивляется Маркус, но в его взгляде и интонации улавливается ещё и раздражение.

— Нет, мон шер. Я здесь в качестве эксперта и тренера, — брови Маркуса поднимаются вверх, а улыбка его собеседницы расплывается ещё шире.

— Представляешь, в этот раз Катя в самый последний момент отказалась и моя красавица, смогла быстро заменить нашу дорогую коллегу, — с гордостью произносит

Генрих, при этом поглаживая свою спутницу по плечу. Девушка же старается отстраниться и даже снимает его руку со своего плеча, при этом неприкрыто жадно пожирая глазами Маркуса.

— Да что ты? Ты, наверное, постарался убедить всех в ее компетентности, — с нескрываемой иронией произносит Маркус.

— Не будь букой, — надувает губы Хелен. — Кто же откажется от такого путешествия, ещё и заработав.

— Да, Хелен, это очень похоже на тебя.

— Умеешь ты испортить настроение, мозгоправ, — с улыбкой парирует девушка.

— Стоп-стоп, друзья, — останавливает эту холодную войну взглядами и взаимными колкостями Генрих. — Забудем прошлые обиды и окунёмся в прекрасную атмосферу здешнего рая.

— Ладно, нам пора, увидимся на тренингах. Ангелика идёте? Маркус резко разворачивается и снова предлагает мне локоть. Я тоже хочу поскорее покинуть эту странную и неприятную парочку. Направляемся по дощатой дорожке вдоль океана. Напряжённость Маркуса чувствуется в каждом его движении. Он молчит, а я не задаю вопросов. Почти у самого входа он останавливается и после долгого молчания, решает объясниться.

— Ангелика, простите за эту сцену. Дело в том, что с Генрихом мы знаем друг друга ещё с университета, и всегда были близкими приятелями до того, как... до того, как Хелен выбрала его. Я был бы и не против, если бы не узнал о ее решении практически у самого алтаря, — он делает паузу, а ко мне постепенно приходит понимание всей ситуации в целом. Значит, он тоже испытал предательство близкого человека. Значит все его слова не просто заученные фразы психолога, который знает, что нужно сказать пациенту. Маркус смотрит куда-то вдаль, слегка отвернувшись, и я осторожно касаюсь его плеча.

— Не извиняйтесь, Маркус. Всё в порядке. Я понимаю и мне очень жаль, что такой прекрасный отдых омрачился для вас воспоминаниями прошлого.

— Это было давно, как вы правильно подметили, в прошлом. Я уже принял ситуацию, как данное. Просто, на самом деле, не очень был рад их увидеть, — он на шаг приближается ко мне, глядя прямо в глаза, и от этого взгляда моё сердце начинает биться быстрее. — Я не хочу, чтобы Хелен что-то сделала вам. А она может просто из вредности, думая, что вы со мной.

— Вы беспокоитесь обо мне? — от его слов приятное тепло разливается в груди.

— Мне важно, — Маркус берёт мою руку, и его горячая ладонь словно обжигает. Кончики пальцев приятно покалывает от этого касания, — чтобы вы чувствовали себя спокойно и ничего не мешало вам достичь цели, ради которой вы сюда приехали. Он большим пальцем слегка поглаживает мою руку в своей ладони. Наши взгляды не разрываются, а я таю от таких простых и приятных нежностей. Альберт никогда не делал ничего подобного. На людях даже старался не обнимать меня, говоря, что это неприлично. А дома, в последнее время все было сухо и без долгих прелюдий. Теперь я знаю почему. Но этот маленький жест внимания со стороны мужчины я воспринимаю как проявление нежности и, отнюдь, не как к другу и, тем более, пациенту.

Будто услышав мои мысли, Маркус отпускает мою руку.

— Пойдёмте, Ангелика. Через десять минут у вас тренинг.

— А вы там будете? — немного испугавшись, спрашиваю я. Понимаю, что без него

чувствую себя незащищенной, словно мне нужно будет окунуться в незнакомую реку.

— Да, я и ещё двое моих коллег ведём его. Вам будет интересно. В нем мы затронем понятие энергий и как ими пользоваться. Другими словами, как правильно медитировать. Конечно, после будет практика возле океана.

Глава 7/2. АНГЕЛИКА

И мы отправляемся на первый тренинг. Время бежит незаметно, а солнце палит нещадно. Хотя мы и находимся под крышей, жара не позволяет расслабиться. Стоящий в глубине маленький холодильник с прохладными напитками, постепенно пустеет, а жажда никак не утоляется. Думаю об океане и о том, чтобы скорее наш интенсив плавно перекочевал на побережье, а ещё лучше — сразу в глубины прохладных и столь манящих волн. Но не скажу, что мне не нравится, скорее наоборот. Трое мужчин посвящают нас в знания о дыхании, учат правильно настраиваться на нужную волну силы и гармонии. Очень познавательно. К тому же, все находятся в приподнятом настроении и дружелюбно улыбаются. Я улыбаюсь в ответ, но мое внимание приковано к Маркусу. Он тоже иногда бросает быстрые взгляды в мою сторону, но в основном он сосредоточен и профессионален. Вот только, когда наши «гуру» направляются к участникам тренинга, Маркус прямоком идёт ко мне.

— Не волнуйтесь, — тихо шепчет он в самое ушко, — я просто покажу на вас как правильно дышать.

Он произносит эти слова, а у меня мурашки пробегают по всему телу. Жар разливается внизу живота, и я млею от его прикосновения. Одна его ладонь ложится на спину, другая же нежным поглаживанием находит нижнюю границу рёбер и замирает. Я слышу своё тяжелое дыхание, и стук сердца, отдающийся эхом в моей голове. «Что это? Почему такое простое прикосновение, так волнует меня?» — паникую я. Запах Маркуса — приятный терпкий аромат с нотками сандала, окутывает и заставляет меня зажмуриться. Я перестаю дышать, что очень плохо. Ведь мы отрабатываем дыхательные практики. Мысли о том, что именно в эту секунду все смотрят на нас, заставляют взять себя в руки.

— Отключите все мысли, постарайтесь сконцентрироваться только на энергии внутри вас. Представьте, что она вот здесь, — Маркус слегка надавливает ладонью на верх моего живота, — теплым светящимся сгустком. Вдыхайте медленно, наполняя лёгкие воздухом, до конца полной грудью, но медленно, — я послушно выполняю то, что он говорит, а когда моя грудь высоко поднимается, он продолжает: — Не задерживая дыхание, теперь медленно выдыхайте, расслабляясь в обратном порядке: ключицы, грудь и живот. Вот так.

Он говорит это громко, чтобы слышали все, но мне кажется, что все это лишь для меня. Его тёплые руки приносят мне приятную нежность, его слова волнуют меня и вместо спокойного и размеренного дыхания, у меня выходит отрывистое и напряженное.

Маркус это чувствует и тихо говорит, щекоча моё ухо, от чего приятные мурашки бегут по телу:

— Вы напряжены. Расслабьтесь.

— Я... — осекаюсь, боясь признаться, что это его близкое присутствие заставляет меня волноваться.

— Ангелика, ничего страшного не происходит, вам нужно просто отключить все ваши мысли и дышать, — я заливаюсь краской, будто он читает мои мысли и прекрасно знает, о чем я тут думаю. — Концентрируйтесь только на физических ощущениях, на своей энергии, ум сам придёт в порядок.

Я снова повторяю упражнение всеми силами стараясь сделать так, как говорит Маркус.

— Вот так, уже лучше. Очень хорошо, — он обходит меня и становится лицом ко мне,

берет меня за плечи и мягко наклоняет вправо, а затем влево, громко при этом поясняя для всех: — Правильное дыхание поможет вам контролировать не только разум, но и ваше тело, и эмоции. Научившись дышать, вы научитесь правильно владеть собой в самых неожиданных и неординарных ситуациях, подавлять страх, ужас, успокоиться, снять волнение и тревогу,

Маркус наклоняет меня назад, и я от неожиданности цепляюсь за его плечи, прижимаясь к нему. Он крепко сжимает меня в объятиях и нежным голосом произносит, успокаивая:

— Не бойтесь, я никогда не сделаю вам больно и не отпущу. Обещаю, — он проводит ладонями по моим плечам и вниз по рукам. Берет мои ладошки крепко сжимает, придавая уверенность. Улыбается, а я думаю над его обещанием: «Что оно означает? Относится ли оно ещё к тренингу? Или...»

Маркус показывает ещё несколько упражнений, а потом я уже сама пробую их повторить. Техники пранаямы — это основа йоги. Для меня это всё в новинку, и я с жадностью впитываю всю информацию. Никогда не думала, что мне будет так интересно. Возможно, это Маркус меня заразил своим энтузиазмом, а может, потому что он рядом? Старательно повторяя упражнения, постоянно ловлю на себе его взгляды и улыбку, которые отзываются во мне приятными ощущениями.

По окончании занятия, Маркус предлагает прогуляться на пляже, и мы неторопливо направляемся к океану.

Яркое солнце согревает своими лучами. Тёплый бриз треплет мое легкое платье, и я беру его в руку, чтобы оно не мешало идти. При этом мое бедро приоткрывается, и я ловлю на себе взгляд Маркуса. Мне приятно его внимание, и я неосознанно улыбаюсь. Сняв босоножки, с наслаждением ступаю в тёплую воду. По мокрому песку иду вдоль прибоя, который приятно ласкает ступни. Маркус следует моему примеру и снимает обувь, подкатывая свои белые льняные брюки. Его рубашку тоже задевают потоки тёплого воздуха, раздувая и открывая вид на его рельефный пресс. Я зависаю взглядом на нём, а ветер развеивает полурасстёгнутую рубашку, демонстрируя моему взору ещё и мужскую, твёрдую грудь. Мне бы отвести взгляд, но не могу. Только когда Маркус оборачивается на меня, смущённо опускаю глаза на мокрый песок. «Он, наверное, заметил мой взгляд?» — ругаю себя за такую вольность.

Тем временем мы погружаем ноги в воду, и не сильные волны ласкают нас с Маркусом. Ощущение блаженства не покидает меня с первой минуты нахождения на острове, а присутствие рядом Маркуса волнует и дарит абсолютно новые и невероятные эмоции. Мы медленно идём вдоль берега и молчим, но это не напряженное молчание, а скорее наоборот, дарящее умиротворенность и спокойствие. Чуть большая волна набегаёт, намочив меня почти до пояса, и от неожиданности я пошатываюсь, потеряв равновесие. Как тогда на тренинге, оказываюсь в крепких объятиях Маркуса и наши глаза замирают друг на друге. Мгновение мы просто смотрим, а потом глаза Маркуса опускаются на мои губы. Не сговариваясь, будто по велению сердца, оба направляемся на встречу друг другу и прижимаемся губами. Помутнённое сознание отказывается слушаться, и я отдаюсь своим ощущениям. Маркус сначала нежно ласкает мои губы своими. Осторожными касаниями, словно спрашивая разрешения, касается их языком. Приняв моё молчаливое согласие и призыв моих приоткрытых губ, он уже твёрже и увереннее проникает внутрь, чуть сильнее сжимая руками мою талию. Он так чувственно обхватывает мои губы и касается языка, что я не могу сдержать тихого стона удовольствия, вцепившись пальцами в его предплечья.

Поцелуй настолько сладок, что невозможно оторваться. Рука Маркуса поднимается и, обхватив мою шею, он большим пальцем проводит по моей щеке.

— Маркус... — шепчу на выдохе, когда мы разрываем поцелуй.

Не замечая ничего вокруг, понимаю, что мы уже находимся в воде. Страх перекрывает удовольствие, а паника захлестывает с головой. Делаю шаг назад и оступаюсь, нога проваливается в ямку, и я падаю спиной в воду, размахивая руками и стараясь ухватиться за что-нибудь. Истерика подступает и вместо того, чтобы просто вынырнуть, наоборот ухожу ко дну. Сильные руки подхватывают меня, а я со всей силы вцепляюсь в моего спасителя. Захлебываясь соленой водой, кашляю без остановки, прижимаясь к Маркусу. Не могу унять дрожь, а он терпеливо гладит меня по спине, давая время прийти в себя.

— Я... я... — не могу выговорить предложение. — Я не умею плавать и ужасно боюсь, — наконец мне удаётся сказать, и Маркус сильнее прижимает меня к своей груди.

Через мокрую одежду я ещё отчётливее чувствую его твёрдое тело и сильное сердцебиение, он тоже испугался за меня... такое новое чувство, вызывающее водоворот эмоций. Маркус подхватывает меня на руки и несёт к берегу. Успокоившись в руках этого мужчины, я понимаю, что никогда ещё не чувствовала себя в такой безопасности.

Поставив меня на ноги, взгляд Маркуса невольно задерживается на моём сарафане, который плотно облепил моё тело. Через мокрую ткань отчётливо видны мои, напрягшиеся от холодной воды, соски, и он с трудом отводит взгляд. Я выжимаю подол платья, а сама тайком разглядываю мужчину, одежда которого тоже насквозь мокрая. Не могу не отметить красоту его подтянутого тела. Высокий рост с атлетически развитыми мышцами напоминают мне статуи древнегреческих героев, которые мы рисовали в школе искусств. «Нужно обязательно нарисовать его», — думаю вскользь, а мой мозг, растревоженный поцелуем и тесными объятиями, уже дорисовал всё, что скрыто под одеждой.

Мои мысли прерывает появление посторонних. Сначала я вижу лишь силуэты, потому что влажные ресницы размывают видимость. Соленая вода оставила на лице и голове слипшееся нечто. «Боже как я сейчас выгляжу... Наверное, как мокрая курица», — ужасаюсь я. Протираю глаза, и немного прояснившись взглядом ухватываю выражение лица, направляющейся к нам девушки. Это Хелен, и она смотрит на меня с ненавистью и презрением. Подходит к нам со своим спутником, кажется Генрих. Неведомым мне образом, на лице девушке, снова приветливая широкая улыбка и поедающий Маркуса плотоядный взгляд. Ни намёка на враждебность. Мне показалось? Или это хорошо замаскированная игра?

— Ох, Маркус, мон шер, опять мы встретились.

— Хелен, мы будем ещё встречаться так несколько дней. Ты забыла, мы на ретрите, — о чем подумал в этот момент Маркус, можно не выражать вслух, потому что раздражение на его лице, которое он явно специально не скрывал, говорит за себя.

— Ах, да, конечно, — заметно погрузилась и отвернулась, надув губки, девушка. И я впервые рассмотрела ее полностью.

Красивая, статная, из тех дамочек, что знают себе цену, ухаживают за собой и привлекают сильную половину нашего общества. Заметила некоторое сходство с пассивной Альберта и поёжилась. Хелен, Ханна, в чём-то они похожи... Ее спутник — Генрих, наоборот же не отличался красотой и шармом. Только все в нем кричало о деньгах. От его ухоженных ноготков, до супердорогого ремня. Он брезгливо отряхивал песок с модных брюк и старался аккуратно ступать по пляжу. Интересная парочка. Единственное, что вызывает в

нем уважение, так это то, что он неотрывно смотрит на Хелен, будто лишь она одна для него важна. А вот девушка, не особо оказывает ему знаки внимания.

— У нас ещё есть время, так что мы вас покинем. Нужно ещё успеть переодеться до начала семинара по рисованию и взять все необходимое. Сегодня у нас прекрасный учитель. Нас согласился поддержать прекрасный человек и профессионал, молодая, но дерзкая звезда мира искусства, — Маркус говорит это с нотками истинного восхищения и гордости.

— А вы что это мокрые, — сверкает своим змеиным взглядом Хелен.

— Захотелось искупаться, а купальник в домике, но когда это кого останавливало? — победно произношу я и сильнее прижимаюсь к Маркусу, пытаюсь прикрыться.

Он сжимает мои пальцы в тёплой ладони, а мне от этого становится так спокойно, словно он придаёт мне уверенности в себе, когда я вижу недружелюбный взгляд Хелен.

— Поверьте моему опыту, тогда уж лучше совсем без одежды, — победно произносит брюнетка и скидывает свою лёгкую тунику, оставшись в одних чёрных бикини.

Совсем не стесняясь окружающих, она демонстрирует своё стройное, загорелое тело с подтянутой попой и грудью третьего размера, которая призывно покачивается, притягивая внимание всех мужчин на пляже, и гордо идёт к воде. Я провожаю её взглядом, чуть не открыв рот от удивления, и вижу на её спине большую тату в стиле мехенди с замысловатым узором. Всегда мечтала сделать татуировку, но старалась быть примерной девочкой, поэтому отказывала себе в этой слабости. Я перевожу взгляд на Генриха и вижу его не очень довольное лицо. Видно, что поведение спутницы его немного шокировало, но он молчит. Странные у них отношения. Хелен совсем не стесняясь, пялится на Маркуса и ведёт себя вызывающе, даже вульгарно, а он...

Маркус, повернувшись ко мне, ещё крепче сжимает мою руку и говорит:

— Пойдёмте, Ангелика. Я провожу вас.

Глава 8/1. МАРКУС

— Самое лучшее лекарство — это самовыражение, — так начал наш проводник в мир гармонии и искусства. — Сегодня нам выпала удивительная возможность рисовать океан. Это бурлящая и волнующая стихия, так много в ней тайн и загадок. Один цвет чего только стоит. Кто-то говорит, что вода синяя, кто-то, что она зелёная, а кто-то, не может до конца определиться, — говорит маэстро портретов и пейзажей.

Ангелика занимает место у мольберта в самом последнем ряду беседки, и я становлюсь рядом с ней. Использую каждую возможность, чтобы побыть рядом. Она уже приступила к рисунку, уверенно и размашисто водя карандашом по бумаге.

— Я предлагаю вам нарисовать то, что определено волнует вас именно сейчас, то, что сидит в вашей голове. На следующем семинаре, мы сделаем разборы ваших работ, если, конечно, вы захотите.

— А если я не умею рисовать, — писклявым голосом произносит Хелен.

— Думаю, что океан сумеют нарисовать все. Здесь для нас важны сочетания, как вы пользуетесь мазками, какой диапазон цветов выбираете. Так что, я верю в вас.

Все приступают к выполнению задания, а я представляю, прекрасную картину: бурлящая стихия, песчаный пляж и она... волны с белой пеной накатывают на берег и нежно ласкают стройные ноги. Интересно, мои уроки рисования в детстве, совсем забылись со временем? Или я смогу, изобразить задуманное? Тренеры и коучи, не обязаны участвовать, но почти все пользуются возможностью и проходят все тренинги. Я неуверенно делаю набросок и краем глаза, сгорая от любопытства, поглядываю на мольберт Ангелики. Она уже взяла кисть, и бирюзово-голубые цвета окрашивают гладь океана.

— У вас профессионально получается.

— Я рисую с раннего детства и обожаю это делать. Моя комната до сих пор завалена эскизами и скетчами, — улыбаясь и не отрываясь от работы, говорит она. — Но помимо рисования мне нравится создавать красивое пространство. Именно поэтому я и стала дизайнером.

Время идёт, и я стараюсь не отвлекать Ангелику от процесса, которым я и сам не на шутку увлёкся. Сосредоточившись на женском силуэте, совсем забываю об океане. Тоненькая фигурка с, развевающимися на ветру, белокурыми волосами, поддерживая одной рукой длинное платье, вглядывается в горизонт океана. Хорошо лица я рисовать не умел никогда, поэтому девушка стоит спиной. Снова поглядываю на Ангелику. Она так мило закусывает губу, когда увлечена, что я засматриваюсь на её профиль. Поглощена процессом настолько, что не замечает этого, а я получаю удовольствие от созерцания этой картины. Она словно уходит в себя, в свой, никому неведомый, мир, где она счастлива и хорошо себя чувствует. Теперь я понимаю, что её по-настоящему сильно увлекает. Возвращаясь к своему рисунку, выбираю оттенок океана, пусть будет голубовато зелёный — цвет радости и умиротворения. Положительные эмоции — это сейчас у меня в душе. И это все она! Ангелика привнесла в мою жизнь какую-то юношескую беспечность, с ней мне хочется совершать необдуманное и незапланированное, что не вяжется с моим дотошным немецким принципом жизни, который был впитан мной с детства.

Например, сегодняшнее купание в одежде, хоть и случайное и напугавшее девушку, меня очень сильно взволновало, такой бури эмоций от её близости я уже давно не

испытывал. Да и не помню испытывал ли когда-то вообще.

Всего один день, а я знаю о ней уже гораздо больше, чем за все наши встречи в моем кабинете. Я радуюсь этому и хочу познавать ее больше, углубляться в ее жизнь, решать ее проблемы и просто быть с ней рядом. Ангелика такая хрупкая, трогательная, романтическая и ранимая, что хочется её оберегать, но в тоже время, касаясь её, чувствуя вкус её поцелуя, неистово любить, накрыть лавиной страсти, поднимающейся внутри меня.

За мыслями о своих желаниях, я теряю счёт времени. Меня возвращает в реальность такой до боли знакомый голос, теперь не кажущийся мне приятным. Хелен...

— На сколько я поняла, задание было нарисовать океан, — ехидно говорит она, — но ваши мысли, Ангелика, заняты совсем не этим.

Смотрю в сторону этой бестии. Она нагло выхватывает лист с мольберта и так громко говорит, привлекая внимание абсолютно всех:

— Надо же, поразительно точное сходство, — наигранно восхищённо округляет глаза с притворной улыбкой на лице. — Это же ты, Марк.

Хелен разворачивает листок бумаги ко мне, и я вижу на рисунке Ангелики, стоящего на берегу океана, мужчину. Он в точности повторяет мой сегодняшний вид на пляже: разлетающаяся рубашка, светлые брюки, закатанные по икры, растрепанные ветром, непослушные волосы и улыбка на лице, которое Ангелика передала почти с фотографической точностью. Сегодня я улыбался, глядя на неё. Впервые за долгое время, искренне и от всего сердца.

Многие восхищенно перешептываются, высказывая восторг, а некоторые издают сдавленные смешки, поглядывая на меня. Щёки же Ангелики покрываются ярким румянцем. Она вскакивает со стула и почти бегом выходит с террасы.

— Как это неэтично, Хелен, — забрав рисунок, говорит коуч по искусству. — Каждый из нас здесь не для того, чтобы критиковать и смеяться. Не для других. Мы здесь для себя, чтобы выражать свои эмоции и чувства, — она строго смотрит на Хелен, а потом на рисунок Ангелики. — Превосходно, — с еле заметной улыбкой маэстро переводит взгляд на меня. — Думаю, владелица этой прекрасной работы, захочет её получить обратно. Не могли бы вы, гер Шольц, передать автору?

— Конечно, — отвечаю, взяв рисунок, а когда учитель отходит, одариваю Хелен сердитым взглядом. — Как это низко. Ведёшь себя как старшекласница, задирающая новенькую. Повзрослей уже.

— Хм, — только хмыкает она в ответ.

Иду к бунгалу Ангелики, раздумывая над ситуацией. Я всегда знал, что Хелен стерва, но не ожидал, что настолько. Прошло уже столько времени. Неужели они с Генрихом несчастны? Ради него, она сорвала нашу свадьбу. Я думал в тот момент, что вселенная рассыплется на миллионы осколков, ведь я был без ума от неё, но потом отпустил. Смог оправиться от такого удара. А сейчас... даже не понимаю за что я мог её любить. Оглядываясь в прошлое и анализируя наши отношения, понял, что она всегда была такой. Нас объединял только безумный, безудержный секс, а стать родственными душами мы так и не смогли. Теперь понимаю, что всё было даже к лучшему, и Хелен, сама не ведая того, не позволила мне совершить ошибку...

Сегодня, я не почувствовал к ней ничего. Эта ее игра, только раздражала. Мои мысли занимала лишь одна женщина... И именно к ней я сейчас иду и абсолютно не представляю, как начать наш разговор. Я ведь психолог, взрослый мужчина, а боюсь потерять дар речи или

просто ничего не сказать. А что тут скажешь? Столько вопросов... Почему она рисовала меня? Значит ли это, что я ей не безразличен? Или ей двигало просто вдохновение, эмоции? Возможно, все совсем не так, как я себе нафантазировал? Возможно... Черт... Единственная, кто может дать мне все ответы — это Ангелика. Но стоит ли их требовать? Может лучше дождаться её первого шага? Хотя это как-то не по-мужски. Где же мой профессионализм?

Наш поцелуй, там на пляже, не был под эмоциями, когда она была потеряна и нуждалась в защите как в первый раз. Сегодня я чувствовал, что она сама этого желала. Ангелика всем существом тянулась ко мне. Её тело трепетало в моих руках. Я слышал её взволнованное сердцебиение. Она хотела этого также, как и я, этого нельзя было не почувствовать, не заметить...

А может это было оттого, что я спас ее? Она просто распереживалась? Но почему тогда эти крепкие искренние объятия? Нет, я уверен, что она не играла. Да, я сошёл с ума в тот момент от прикосновения её тела в мокром платье, льнущее к моему, от его волнующих изгибов, что я сжимал в своих объятиях, от чувственных и сладких губ, что так страстно отвечали на мои поцелуи. Я потерял голову и любую выдержку. Не удивительно, что все видели мое безрассудство. Только она не отстранилась, не ушла, и я понял, что она тоже чувствует наше притяжение, тоже жаждет моих ласк.

Неуверенно стучусь в дверь ее домика, прислушиваясь к звукам внутри. Ни звука. Она не отвечает.

— Ангелика. Это Маркус, — подаю голос, чтобы она поняла кто это.

Она не отзывается, и я в недоумении. Возможно, она не пошла сюда, а гуляет. Принимаю решение поискать её. Где же она может быть? Во мне начинает подниматься волна беспокойства. Тут же слышу, шорох и иду на звук. Обхожу бунгало и вижу Ангелику. Она сидит, оперевшись о стену спиной и смотрит вдаль на спокойную, лазурную гладь океана. Ее руки механически пересыпают песок. Каждая песчинка просачивается между её тонких пальчиков и, подхватываемая ветром, снова возвращается в свою вселенную.

Не говоря ни слова, сажусь рядом с ней. Некоторое время мы просто молчим, слушая умиротворяющий звук океана. Небольшие прибрежные волны омывают пляж, даря сокровища глубин. Птицы кружат над поверхностью, завораживая своим полетом.

— Знаете, Маркус, я ведь с детства привыкла к таким нападкам, издёвкам и смешкам от одноклассников, — тихо начала Ангелика. — Только в колледже мне стало легче. Там я чувствовала себя хорошо, потому что со мной учились такие же любители рисовать, тонко чувствующие окружающий мир и выражающие свои эмоции на бумаге и холсте.

Смотрю на её прекрасный профиль и впервые не знаю, что сказать. Её близкое присутствие стало напрочь отключать мои профессиональные навыки.

— Ведь дизайнеры, художники и просто люди искусства немного не от мира сего, — продолжает она. — Их часто не понимают. Многие из них остальным кажутся людьми со странностями. Но если это целая группа, одинаково мыслящих творцов, ты уже не белая ворона. Понимаете?

— Да, я понимаю вас.

— А вот другие нет, никогда не понимали. Ни отец, ни Альберт никогда не понимали мою страсть к рисованию, но потом я нашла себя в дизайне. Папа помог открыть фирму, и я вкладывала в неё время и душу. Но для себя я всё равно продолжала рисовать. А когда фирма

поднялась и стала успешной, тогда все стали меня хвалить, но времени для моей страсти у меня не осталось.

— У вас действительно талант, и я считаю, что вы ни в коем случае не должны бросать творчество. Делайте то, что вам доставляет удовольствие, и вы не заметите, как жизнь заиграет другими красками, — Ангелика поворачивается ко мне и внимательно смотрит. — Научитесь жить не только для других, не пытайтесь быть удобной для отца, для кого-то ещё. Будьте собой.

— Это возможно?

— Конечно, — улыбаюсь ей. — Многие отдали бы все за возможность так четко выражать свои мысли на холсте. Например я, — протягиваю ей свой рисунок, который захватил с собой. Ведь я рисовал ее. Не так профессионально, не так детально, но думаю, она поймёт.

Ангелика берёт в руки рисунок и вглядывается в моё творение. Вижу, как ее брови взлетают вверх, а улыбка проявляется на грустном лице. Да, правильное решение, это то, что ей сейчас нужно. Она понимает, что не только её мысли занимала наша прогулка на пляже.

— Это я? Вы меня просто удивляете. Невозможно быть настолько талантливым во всем, Маркус, — она переводит свой взгляд, и я тону в ее бездонных глазах.

— Вы ещё не знаете, как я танцую, — шутливо говорю я, и она поддерживает меня. — Как вы смотрите на то, чтобы прогуляться в город?

Смущенная улыбка, говорит о ее согласии, но это мое профессиональное чутьё подсказывает мне. Я же жду её словесного подтверждения.

— Думаю, ничего не будет плохого, если мы с вами сбежим и натанцуемся вдоволь, — настроение у неё значительно улучшается, это заметно невооруженным взглядом. Ангелика даже подмигивает мне, и я не могу сдержать улыбку.

Подходим к ресепшену, в надежде вызвать такси, но нам сообщают, что из-за удалённости этого места от автодороги такси сюда не приедет. Пешком идти совсем не вариант — устанем и сотрём ноги, не успев потанцевать. Выйдя на улицу у одного из домиков, где располагается обслуживающий персонал, видим прислонённый к стене мопед возле входа. Не сговариваясь, переглядываемся, и будто бы одна идея посещает обе наши головы одновременно. Ангелику прошу подождать, а сам же стучусь в домик и узнаю чей мопед. На мой зов выходит милый парнишка и на ломанном английском соглашается нам одолжить своё транспортное средство, за определённую плату естественно.

Наслаждаясь дорогой, прекрасными видами, свободой, тёплым ветром, ароматом океана и цветов, мы мчимся в сторону, что нам указали местные. Мне нравится ощущать, как руки Ангелики обхватывают мой торс, а на поворотах сжимаются ещё сильнее. Мне вообще приятна её близость, она волнует меня. А её искренний и звонкий смех, когда она видит разбегающихся с дороги обезьянок, разливается во мне теплом по всему телу.

Впереди показался шумный и ярко освещённый городок. Радуюсь быстрому достижению цели, прибавляю газ.

Глава 8/2. МАРКУС

На маленькой площади городка разворачиваются типичные вечерние гуляния. Очень колоритно. Тут и гимнасты, и танцоры, и музыканты, и заклинатели змей, и уличные торговцы сладостями и разными побрякушками. Детвора шумными стайками бегают за туристами, в надежде получить немного монет.

Внимание Ангелики привлекают морские ракушки, бусы, плетённые браслеты из местных самоцветов и цветные шкатулки. Она рассматривает все с нескрываемым интересом и радостью, словно попала в сказочный, неведомый ей, мир. Мой взгляд падает на браслеты из турмалина. Искрящиеся грани маленьких бусин привлекают оттенками нежно-розового, бирюзового и зелёного. Решаю сделать ей небольшой подарок и покупаю браслет, чтобы она запомнила этот день и наше маленькое совместное путешествие. Выбираю один из них и подхожу к Ангелике. Беру её за руку, а она в изумлении наблюдает, как я надеваю на её тоненькое запястье украшение.

— Этот камень обладает волшебством, как и наш сегодняшний вечер, — говорю я, застёгивая замочек. — Он подарит вам вдохновение и уберёжет от негативных эмоций других людей. С ним вы всегда будете уверены в себе и своих силах. А ещё... — смотрю на неё и вижу улыбку на лице, которая меня безумно радует. — Я хочу, чтобы у вас осталась память о нашем приключении.

— Спасибо. Он чудесный, — Ангелика кончиками пальцев касается браслетика и поднимает глаза на меня. — Если он обладает такими чудодейственными свойствами, то я никогда его не буду снимать. На мгновение мы замираем, глядя друг на друга, и я снова чувствую сильное притяжение к ней. Мне очень хочется её поцеловать, но Ангелика сама прерывает эту неловкую паузу.

— Если я не ошибаюсь, вы обещали мне танец, — с игривой улыбкой, которую я вижу первый раз, говорит она. Такой она мне ещё больше нравится.

Уже стемнело и все направляются к воде, теперь весь праздник переносится на пляж, где уже собирается толпа людей. Мы тоже идём за всеми и становимся свидетелями поистине магического зрелища. Огненное шоу, в исполнении двух полураздетых гимнастов. Их торсы блестят от масла, а множество золотых обручей на руках, щиколотках и шее, переливаются в свете огня. Они исполняют трюки с огненными шарами на цепях и демонстрируют огненное дыхание. Ангелика при каждой вспышке прижимается ко мне и восторженно аплодирует, как и большинство вокруг. Третья участница шоу одета как индийская царица в полупрозрачный костюм со множеством переливающихся драгоценностей. Яркий, расшитый сверкающими блёстками, наряд подчеркивает её женственность и красоту. Все восхищенно смотрят, как ее выносят на большом золотом троне. Она грациозно и ловко крутит радужные хулахупы в отсветах фейерверков, которые фонтанами, каскадами и крутящимися кольцами разбрасывают яркие искры и освещают пространство отблесками огней.

Мы так увлечены зрелищем, что я не замечаю, как обнимаю Ангелику за талию. Она ответно прижимается ко мне и прислоняет голову к моему плечу. Нам так хорошо вместе, в этом моменте, что мы не стремимся отстраниться, прислушиваясь к зову рассудка, а наоборот всё сильнее тянемся друг к другу. Артисты убегают, унося свои атрибуты, а местный диджей, уже включает горячие пляжные ритмы. Громкая музыка наполняет

внутренним ритмом и заставляет двигаться. Барабанный ритм отдаётся в сердце, а мотив заставляет напевать непонятные слова незнакомого языка. Ну и что, что неправильно и невольно, зато от души. Движения танцующих наполнены страстью и яркими эмоциями. Конечно, именно так и танцуют на пляже при свете луны и романтически подсвеченного огнями пляжа. Ангелика кладёт свои руки мне на плечи, и я прижимаю ее тело к своему, ориентируясь на пары вокруг нас. Она приоткрывает от неожиданности губы, но не отстраняется. Я замечаю, что сначала Ангелика немного скованно себя чувствует, но потом следует ритму и доверяется моим движениям. Музыка ведёт нас, мы просто отдаёмся во власть ритма и атмосферы вокруг. Она расслабляется и уже сама льнёт ко мне в танце, позволяя полностью взять инициативу в свои руки, и я пользуюсь этой возможностью. Мои руки скользят по ее спине и округлым бёдрам, поворачивая и направляя. Мы словно созданы друг для друга, настолько гармонично и грациозно у нас получается. Она чувствует моё малейшее движение и следует за ним. Вскоре Ангелика уже полностью раскрепощается. Она руками поднимает свои волосы и двигает бёдрами, словно дразня меня, и я снова приближаю её к себе. Прижимаю, держа за талию, и мы как одно целое продолжаем танцевать под микс современной и этнической музыки. Кажется, что наши сердца бьются в её ритме. Мы сливаемся в чувственном танце, не задумываясь о движениях, словно танцевали вместе целую вечность. Я прислоняюсь к её виску, вдыхая тонкий цветочный аромат, то ли духов, то ли шампуня, смешанный с запахом океанского бриза, и погружаюсь в свои ощущения. Они кружат, пьянят, и мне очень хочется её целовать, почувствовать вкус её кожи, сжимать в своих объятиях ещё крепче, чтобы полностью слиться с ней. Безумно хочу ласкать её нежное тело, вырывая из неё чувственные и страстные стоны... Понимаю, что мне уже трудно совладать с собой. Желание настолько сильное, что жар уже выжигает меня изнутри, сдавливая горло, а горячее дыхание обжигает пересохшие губы. Я торопливо их облизываю, наблюдая как Ангелика крутится под моей рукой. Её волосы разлетаются, снова ложась на оголённые плечи, а я представляю, как бы они рассыпались по простыни. Снова прижимаю её к себе и понимаю, что напряжение в паху уже заметно не только мне, потому что Ангелика замедляется, неотрывно глядя на меня. В толпе танцующих, словно в замедленном кадре, смотрим друг другу в глаза. Она всё понимает. И что будет дальше, теперь зависит только от неё...

Не говоря ни слова, она берёт меня за руку и тянет к площади, где мы оставили мопед. Мы садимся на него, и она тесно прижимается ко мне всем телом, крепко обвивает руками торс и прислоняет ноги к моим бёдрам. Я не спрашиваю ни о чём, просто направляю мопед в сторону нашего лагеря. Мы мчимся по ночной дороге со скоростью, на которую только способен этот транспорт. Встречный ветер немного остужает моё разгорячённое тело, но не желание. Чувствую ее руки, сцепленные на моём животе, и млею от удовольствия. Ангелика кладёт голову на моё плечо, полностью доверившись. Оставив мопед у домика персонала, я беру Ангелику за руку и молча веду к бунгалу. На перепутье между нашими домиками, останавливаюсь и, взяв её лицо рукой, приближаю к своим губам. Девушка двигается мне навстречу, подавая явный знак, что согласна. Скользя руками по моим плечам, она обвивает ими мою шею и льнёт ко мне всем телом, углубив страстный поцелуй. Я подхватываю ее на руки и вношу в свой домик. Не прерывая поцелуй, несу к кровати и опускаю на прохладные простыни. Нависаю над ней, упираясь руками в матрас. Нежно поцеловав в губы, смотрю в её глаза. Тусклый светильник мягким, тёплым светом освещает её красивое лицо. Она не отводит и не прикрывает смущённо глаза, а смотрит на меня, широко открыв их. С

приоткрытых, припухших от наших поцелуев, чувственных губ срывается шелест учащённого дыхания. Её грудь призывно вздымается, а руки застывают на моих плечах. Пальцы слегка сжимаются, словно требуя от меня продолжения...

— Анге...

Она прикрывает мои губы тонкими пальчиками, не дав ничего сказать. Сама находит пуговицы и начинает неспеша освобождать меня от одежды. Скинув рубашку на пол, провожу руками по её бёдрам, талии, груди, и Ангелика, томно выдохнув, выгибается. Покрываю её шею поцелуями, скользя по нежной коже языком, рукой продолжая ласкать изгибы желанного тела. Ладонки Ангелики скользят по моим плечам, спине, бокам, исследуя и поднимая во мне волны нежности. Отвечая на мои ласки и поцелуи она тихо постанывает, прижимается и выгибается от каждого моего движения. Я поднимаю подол платья всё выше и покрываю её бёдра влажными горячими поцелуями. Касаюсь губами бархатной кожи плоского животика, и она немного вздрагивает. Выгибается навстречу, когда я начинаю ласкать его языком. Её тело источает нежный женский запах, такой... тонкий... напоминающий юность, и я хочу напиться им так, словно умираю от жажды.

Ангелика отзывчиво подрагивает от моих прикосновений и дарит ласки в ответ. Мои руки останавливаются вместе с платьем на её груди, и она приподнимается. Я помогаю ей, одновременно снимая сарафан через её голову. На секунду замерев, она даёт мне возможность полюбоваться её красивыми плечами и округлой грудью в тонком кружеве белья без чашечек, которое не скрывает, а наоборот подчёркивает естественную красоту. Ангелика обхватывает ладонями моё лицо и теперь сама активно проявляет инициативу в поцелуе. Маленький язычок дразнит мой, ласкает рот, зубы. С каждым движением она льнёт ко мне, прижимается, чтобы почувствовать меня. Её руки изучают, даря чувственные прикосновения, а в моём теле уже такой пожар, что я сдерживаюсь, чтобы не напугать её своим напором. Хочу дарить ей нежность, блаженство, эйфорию. Хочу слышать её томные стоны наслаждения, а не громкие выкрики похоти. Нежный цветок, трепетная птичка, ранимая и тонкая душа — так я её чувствую и безумно желаю прикоснуться не только к её телу, но и к обнажённой душе... слиться с ней...

Осознаю, что она мне нужна не меньше, чем я ей, как лекарство для исцеления души. Никогда не испытывал к женщине что-то даже близкое к тому, что сейчас бурлит во мне, такого же яркого и многогранного по силе. Я чувствую, что друг в друге мы найдём больше, чем физическое удовлетворение своих желаний.

Я пальцами медленно стягиваю бретельки лифа с её плеч, и Ангелика сама мне помогает его снять. Сидя, мы застываем. Я продолжаю созерцать красоту её тела, упругие, округлые полушария идеального размера: чуть больше моих ладоней, с небольшими, аккуратными, розовыми ореолами сосков, которые призывно напряжены и манят к себе. Ангелика кладёт ладонь мне на грудь и медленно скользит пальцами по рельефу мышц, цепляет соски и спускается ниже на пресс. Она тоже с любопытством меня изучает, нежными касаниями поднимая во мне всё новые и новые волны возбуждения. Поднимает глаза, бездонные, глубокие, и я тону. Обхватываю руками её голову и целую. Ангелика чувственно отвечает, переплетая язык с моим, нежно покусывая и посасывая мои губы в ответ. Запускаю пальцы в её волосы, подаюсь вперёд, и она опускается снова на кровать. Не в силах себя уже сдерживать, обрушиваю на неё страсть рвущуюся наружу. Сминая и лаская, дарю горячие поцелуи, вывожу влажные линии по коже, начиная от шеи, плеч, ключиц. С наслаждением обхватываю губами розовый сосок, сжимая грудь рукой, и дразню его языком.

Ангелика выгибается и оплетает меня ножками, ворошит пальчиками мои волосы. Я оттягиваю сосок губами, несильно, чтобы не причинить боль, и снова посасываю. Она стонет от наслаждения и сжимает мои волосы в кулачки. Какая же она отзывчивая и чувственная. Она словно чувствует меня каждой клеточкой тела и стремится навстречу. Это самое прекрасное — видеть и ощущать, что тебя так же сильно хотят, как и ты.

Лаская её и спускаясь ниже, к пупку, животу, слушаю её горячее дыхание и стоны, которые словно музыка ласкают мой слух. Касаюсь губами тонкого кружева на лобке, и Ангелика со стоном всхлипывает. Через тонкую ткань губами чувствую, как от возбуждения пульсирует маленькая горошина клитора. Трусики намочили от её влаги, которая источает дурманящий запах. У каждой женщины он индивидуален, но этот... неповторим настолько, что я даже не знаю с чем его сравнить: тонкий, свежий, как морской бриз, нежный, как аромат цветка... Пальцами тяну за ткань, и она приподнимает попку, помогая мне освободить её от белья. Замирает, сжимая пальчиками простынь, когда я, на миг замерев, люблюсь ею. Склоняюсь, и Ангелика слегка сводит ноги. Стесняется. Неужели её муж никогда не делал этого?

— Марк... — выдыхает она.

— Доверься мне, — нежно говорю, проведя рукой по плоскому животу и целуя его. Она расслабляется и разводит бёдра.

Решаю начать процесс постепенно, лаская и целуя её бёдра с внутренней стороны. Она вздрагивает от возбуждения каждый раз, как я касаюсь кожи, и это безумно заводит. В моих штанах уже такой стояк, что сейчас брюки порвёт, но я хочу попробовать её на вкус, потом всё остальное. Добравшись до самого сладкого, целую набухший клитор, и Ангелика снова вздрагивает, ахнув от ощущений. Удерживая её за бёдра, нежно начинаю ласкать её языком. Она дрожит, и снова сжимает пальчиками простынь. Выводя восьмёрки, даю ей привыкнуть к новым ощущениям, и постепенно наращиваю темп, применяя разные техники. Она стонет сначала тихо, томно, а потом, уже не сдерживаясь, начинает ответно двигаться от желания меня ускорить, но я сдерживаю её от активных действий, одну руку положив на животик и лаская его. Её стоны и всхлипы учащаются, вторя ритму моих ласк. Пальцами провожу по краю, собирая влагу, и проникаю указательным внутрь. Ангелика содрогается, сжимает мои волосы и издаёт громкий стон. Подается навстречу и начинает двигаться, когда я, нащупав заветный бугорок, ласкаю его. От ощущений и удовольствия она почти захлёбывается стонами и всхлипами. Лаская рукой её грудь, смотрю на неё, чтобы видеть, как ей хорошо. Ей нравится, и мне это доставляет неопишуемый кайф. От этого ощущения, в паху сводит спазмом в желании получить ответные ласки, но потом... в другой раз. Она должна довериться полностью, привыкнуть...

— Марк... я хочу тебя, — прерывисто шепчет, севшим от возбуждения голосом.

Приподнимаюсь, смотрю в её глаза, а она, ухватившись за мои плечи, в нетерпении тянет меня к себе. Её грудь вздрагивает от частого и горячего дыхания, дразня и потираясь о мою кожу твёрдыми сосками. Провожу пальцем по её губам, и вижу, как от своего же запаха её глаза затуманиваются. Он тоже её пьянит, заставляет терять контроль над разумом, включает инстинкты. Ангелика обхватывает мой палец губами и засасывает его.

Чёрт! Не могу больше терпеть. Ловлю её жаркий стон ртом и жарко целую. Отстраняюсь от моего ароматного цветка и встаю, чтобы снять брюки. Ангелика приподнимается на локтях и с интересом наблюдает за мной. Глазами вбирает всего меня, каждую часть тела. Когда я оказываюсь обнажённым, она слегка приоткрывает ротик и,

задержав взгляд на эрекции, сладострастно закусывает губу. Теперь мы полностью открыты друг перед другом. Все запреты сняты. Никакого стеснения и неловкости.

Опускаюсь над ней. Ангелика одной рукой скользит по моему плечу, а вторую смело тянет к паху. Когда я накрываю её губы поцелуем, она пальчиками касается члена, от чего он дёргается, а из моей груди вырывается произвольный стон. Обхватив его ладонью, она неуверенным движением натягивает кожу вверх и вниз, а я уже готов взорваться. Волна жара ударяет в пах. Там всё пульсирует и распирает от желания оказаться в ней. Прижимаю её к кровати, не прерывая поцелуй, а Ангелика, подавшись вперёд, обхватывает меня ногами. Целую в шею, толкнувшись в неё, и она на выдохе, открыв ротик, издаёт хриловатый стон. Я замираю, любясь ею. Без ума от этой картины. Упираясь одной рукой в кровать, а второй лаская её, начинаю неторопливо двигаться. Мы сливаемся в чувственном танце секса. Не в том, который пестрит картинками разнообразных поз и техник, а в том, который переливается эмоциями и чувствами. Мне очень хорошо в ней... с ней... Ангелика словно создана для меня. В полной гармонии... слиянии... в одном ритме... с одним дыханием на двоих... мы плывём по океану блаженства, словно покачиваясь на его волнах.

Наш чувственный танец набирает темп, и вскоре мы вместе, в едином порыве взрываемся... ноготки впиваются в мои плечи... с губ срывается протяжный стон... слегка хриловатый... сливающийся с моим в унисон... Она прекрасна... настолько чувственна и страстна... трепетная и нежная, а внутри такой огонь. Горячие губы сливаются в чувственном поцелуе, даря нежность... Она прижимается к моей груди... Ночная тишина и шелест прибоя убаюкивают нас гармонией, а я понимаю, что мне её мало. Хочу напиться досыта... допьяна...

Глава 9. АНГЕЛИКА

Едва занялся рассвет, мои глаза раскрылись сами собой. Ночь принесла с собою страсть и сладостные муки, необузданные и невообразимые эмоции, не дающие уснуть до рассвета. И все равно мне не спится. Ещё не отдохнувшее тело ноет и местами сладко потягивает, оставляя приятное послевкусие от ночи чувственных ласк и бесконечной нежности, что я испытала с Маркусом. Он дарил мне наслаждение каждым своим прикосновением, каждым поцелуем. Казалось, я вот-вот растворюсь в этой неге, окутывающей меня. Нежно, глубоко и так волнительно. Маркус... От его прикосновений, я таяла, словно масло от жары, настолько горячими и желанными они были. Каждая клеточка моего тела принадлежала этому мужчине, каждый сантиметр и изгиб, стремились к нему. Но не только тело с готовностью отдавалось и молило о большем, а весь мой внутренний мир готов был разлететься на миллионы осколков и собраться заново в новую вселенную... только для нас двоих. Сливаясь воедино этой ночью, размылись все запреты, стёрлись все границы и только желание затмило все. Только здесь и сейчас имело значение.

А теперь я лежу и замерзаю. Разгоряченное тело ещё пару часов назад, а сейчас прохладный океанский ветерок вызывает массу мурашек на коже. Рука Маркуса спокойно лежит на моем бедре и это единственное, что согревает. Вытягиваю поджатые под себя ноги, стараясь не разбудить сладко спящего мужчину. Получается нащупать одеяло и даже прикрыться им. Сразу становится чуточку теплее, и я набираю в лёгкие побольше воздуха. Медленно выдыхаю и неосознанно улыбаюсь. Что это со мной? Никогда не чувствовала себя такой счастливой после секса. Только... то нежное и чувственное, что было вчера, и сексом нельзя назвать. С Альбертом всегда все было по-другому. Он брал, а я позволяла. Как хотел и когда хотел. Я всегда была скорее способом достижения цели, чем самой целью. Он не старался доставить мне удовольствие, сделать прелюдию романтичнее или длиннее. Всегда только удовлетворение его желаний, никогда ни намёка на мои потребности. А что вчера вытворял Маркус, так это вообще не укладывается в голове. Он целовал меня там... в самое интимное и сокровенное место. Я не скажу, что бывший муж не прикасался ко мне там, но это было скорее для вида и всего пару раз. Он хотел показать, что делает для меня все, и сразу просил ответ. Я даже не знала, что такой оргазм вызывает только ещё большее желание, взрывает все молекулы страсти в твоей голове и заставляет изнывать от продолжения. Мой первый настоящий оргазм... С Альбертом, когда-то давно мне было хорошо и я, по неопытности и незнанию, думала, что вселенная подарила мне идеального мужчину. Но вчера... Маркус... мы....

Все это время, в раздумьях, рассматриваю его спящего. Небольшая утренняя щетина, длинные, подрагивающие во сне, ресницы и эти манящие губы, что целовали меня так сладко везде. Взгляд останавливается и не хочет никуда следовать дальше. Я осторожно провожу пальцем по его нижней губе, лишь слегка задевая верхнюю. По телу моментально разливается тепло. Воспоминание ночных приключений разрядами молний нового желания пронзает меня. Маркус тоже обнажён и лишь бедра прикрыты одеялом. Видна аккуратная дорожка темных волос, исчезающая под одеялом и только разжигающая фантазии во мне. Закусываю губу и подавляю в себе глубокий вздох: возбуждение вновь накатывает, а дыхание непроизвольно учащается. Дерзкая рука продолжает исследовать тело мужчины, неторопливо скользя по коже.

Возвращаю глаза снова к губам Маркуса, и их уголки немного приподнимаются, а мой взгляд упирается в такой же изучающий меня.

— Привет, — несмело произношу я, ломая правила и приличия.

— Привет, — прижимает к себе и целует. — Ты как?

Маркус так смотрит на меня, что у меня аж мурашки по коже пробегают. Альберт никогда так не смотрел... с нежностью.

— Немного устала, — смущённо улыбаюсь, — Надеюсь, что сегодняшнюю йогу я смогу пережить, потом ведь нас ждёт блаженный массаж.

Он улыбается, а внутри меня все радуется. Маркус притягивает меня к себе, проводит рукой по волосам и сладко целует, спускаясь все ниже по моему плечу. Я запрокидываю голову и отдаюсь во власть своих ощущений. Внизу живота собирается сладкая истома. От охватившего вихря дыхание сбивается, и я хватаю воздух между сладкими стонами. Выходят тихие всхлипы удовольствия от горячих и таких... одновременно нежных ласк. Он продолжает дразнить меня, переходя к ключице. Его язык рисует узоры, понятные лишь ему одному. Обходит влажной дорожкой один сосок, замедляясь проделывает это же с другим. Он посасывает упругую горошину, срывая с моих губ стон наслаждения, затем дует на неё и по телу разбегаются миллионы мурашек. Тело начинает трепетать и тянуться навстречу его губам. Я хочу больше... больше... ещё... бесконечно...

Маркус переходит к моему животу, заставляя желать ускорить прелюдию, и я, в нетерпении приподнявшись, обхватываю его голову, заставляя вернуться ко мне.

— Нет, подожди, не торопись, — таинственно улыбаясь, словно что-то задумав, останавливает меня.

И меня это интригует. Что же он ещё хочет мне показать? Какие, неведомые мне, грани наслаждения хочет открыть? Я готова увидеть их все с этим мужчиной.

Он продолжает выводить ласковые, влажные линии на моём животе, и в этот момент раздаётся сигнал будильника. Я вздрагиваю от неожиданности. Мне кажется, что я ещё никогда так не расстраивалась. Видя мой огорченный взгляд, Маркус усмехается и выключает трель. Отбросив телефон в сторону, нависает надо мной и меня наполняет предвкушение. Он нежно и медленно поднимает мои руки, заводя их за голову. Нежно и почти невесомо ведёт по ним от самых пальчиков, переходя все ниже и ниже, одновременно целуя в губы, волнуя и дразня, а доказательство его возбуждения и желания упирается в моё бедро. Он доходит до груди и снова начинает рисовать узоры, только уже еле прикасаясь, словно к хрупкому предмету.

— Ты прекрасна, Ангелика, — от его слов я чувствую в себе прилив непонятной энергии.

Его восхищение мной придаёт его ласкам яркость, а мне уверенность. Я закрываю глаза и растворяюсь в этом моменте, где я желанная, где мной восхищаются. Необыкновенное чувство...

Он медленно входит в меня, а я, чувствуя его внутри, уже на грани и готова разлететься на осколки счастья. Обвиваю его шею руками, сама целую его, а мои руки ласкают его спину. От глубокого толчка, не замечаю, как мои ногти впиваются в его плечи, оставляя следы. Его грудные стоны наслаждения отдаются во мне эхом и восторгом. Так ярко! Мне хочется дарить ему такие же чувственные ласки в ответ, но Маркус набирает темп, постепенно доводя меня к вершине. Эйфория забирает в свой плен нас обоих, и в тишине утра слышен лишь унисон из нашего горячего, прерывистого дыхания и стонов. Мир

взрывается яркими красками... внутри меня словно лопается сгусток тепла. Всё тело пульсирует мелкими спазмами, а с губ срываются то крик восторга, то стон, то всхлип... Я словно не в реальности... за гранью неё... в нирване... всё вокруг перестаёт существовать... только он... его стон удовольствия и шёпот горячих губ на коже моей шеи... Не разбираю его слов, но хочу тоже многое ему сказать. Кручу в голове, но не могу... от восторга и эмоций, что переполняют меня, я словно онемела... Не знаю, можно ли о таком говорить...

Возможно ли так быстро вознестись к небесам? С Альбертом так быстро было только у него. Я же лишь изредка довольствовалась крохами ярких эмоций. Думала, что вчера был верх блаженства, но каждая следующая близость с Маркусом доказывает, что может быть лучше. Каждая играет новыми красками, новыми, всё более восхитительными эмоциями.

Восстанавливая дыхание, хочу смотреть на мужчину, что заставляет меня вновь и вновь переживать радость. Он — мой целитель. Он нужен мне. Поддавшись эмоциям на фоне своих мыслей, прижимаюсь крепче к Маркусу. Он лишь целует меня в макушку и продолжает гладить по волосам. Лежим, обнявшись, и каждый думает о своём. К чему слова, если вдвоём так хорошо?

Снова раздаётся трель телефона, и Маркус нехотя отстраняется от меня. Сразу становится холодно и одиноко. В поисках мобильного он перерывает всю кровать и, наконец, находит его. Замечаю, что это уже не будильник, а входящий звонок. Стараюсь прочесть имя, но не успеваю. Маркус сбрасывает вызов и оборачивается ко мне.

— Нам пора. Мы не можем проваляться весь день, как бы я это не хотел. Завтрак мы пропустили, поэтому обещаю тебе добыть хотя бы кофе перед йогой, — смеётся и вновь нежно прикасается губами. Его взгляд выражает искреннее сожаление, но обстоятельства все же заставляют нас собраться. Я встаю с кровати, а ноги слегка подрагивают после испытанного удовольствия. Какое же это приятное ощущение.

Взглядом ищу свою одежду, но глаза невольно цепляются за мужской силуэт. Засматриваюсь, и только когда Маркус улыбается мне, надевая брюки, отвожу глаза. Мой вчерашний сарафан в непрезентабельном виде лежит рядом с кроватью. Немного подумав, перевожу взгляд на Маркуса, и тот сразу все понимает.

— Возьми мою рубашку. Она будет тебе как платье.

Он протягивает мне чистую рубашку, и я надеваю её. Собрав свои вещи и сжимая их в руках, словно нашкодивший ребёнок, иду к двери. Но Маркус ловит меня у двери, прижимает к себе и снова дарит поцелуй.

— До встречи.

— До встречи, — робко улыбаюсь.

Открываю дверь и не глядя выхожу. Почти убегаю, как школьница, и не замечаю стоящую на пути преграду. Резко сталкиваюсь с кем-то. Поворачиваю голову, и моё замешательство лишь возрастает. Я надеялась, что два метра до моего домика никого не встречу, но, очевидно, судьба распорядилась по-другому.

— Доброе утро, Хелен, — девушка даже не удостоивает меня своим вниманием, лишь обходит и напрямую направляется к Маркусу, стоящему в дверях.

Столкнувшись с Хелен, первым желанием было испариться, исчезнуть, чтобы не видеть её презрительный взгляд.

— Мон шер, Марк, дорогой, что-то случилось? Тебя не было на завтраке, я волновалась.

Оборачиваюсь на стоящего в дверном проеме мужчину, откровенно выражающего

недоумение. Пользуюсь ситуацией и ускользаю к себе.

Закрываю дверь своего бунгало, прислоняюсь к двери, чтобы отдышаться и унять волнение. Воспоминания всех пережитых эмоций пролетают перед глазами, словно киноплёнка, заставляя меня краснеть, но в тоже время улыбаться. Боже... Что это со мной?

Пребывая в какой-то эйфории, постоянно улыбаюсь. Принимаю душ, одеваюсь, а все мои мысли крутятся вокруг Маркуса. Тело приятно ноет, после испытанного с ним. Этот мужчина показал мне какой может быть близость. Ничего подобного никогда не испытывала даже с лю... с Альбертом.

Не хочу даже думать, как продолжилась столь неожиданная на первый взгляд встреча с Хелен, а если подумать — продуманное вмешательство. Пребывая в восторженных чувствах, немного уставшая и абсолютно не готовая еще и физически выкладываться, натягиваю спортивные шорты и свободную майку. Останавливаюсь, посмотрев на себя в зеркало, и улыбка стирается с моего лица. Осознание произошедшего накрывает меня с головой. Закрываю лицо руками. Теперь... я теперь тоже получается изменила мужу. Совесть колит в грудь и неприятное чувство вины начинает меня точить изнутри. Чем я теперь лучше Альберта?

Из легких, будто выкачали весь кислород. Пытаюсь сделать вдох, но... не могу. Напрягаюсь и все же делаю вдох. Желанный глоток кислорода наполняет лёгкие, когда уже начинаю задыхаться. Я... предатель... То, что было мне столь отвратительно, что я ненавидела и презирала всем сердцем — предательство...

Может... Маркус был прав, что это инстинктивное желание отомстить мужу, отплатить ему той же монетой? Но я... ночью, там, с Маркусом, я даже не вспоминала о муже. Чувства и желание захватили меня настолько, что я вообще забыла о своей прошлой жизни. Ночью, с ним, я отдалась инстинктам и ощущениям. Был важен только тот момент... только мы... Я почувствовала себя свободной как птица, и он нужен был мне как глоток воздуха, как исцеляющий эликсир. И то, что я испытала не передать словами. Такой желанной я никогда себя ещё не чувствовала. Маркус был так нежен, так внимателен... не знаю...

Я запуталась, просто потерялась во всей этой ситуации. Возможно, мне нужна передышка? Нужно побыть одной и... разобраться в себе?

Моя радость поутихла и меня накрыло депрессивной волной, остров уже не казался таким прекрасным, тренинг потерял смысл, а единственным сильным желанием стало сбежать, скрыться от всех. Ну вот, опять... Интуиция просто вопит, чтобы я не ходила на йогу, но кто бы её слушал. Я перешагиваю через все доводы и медленно направляюсь к физическим истязаниям.

Сегодня, занятия проходят в большом и светлом помещении, где с одной стороны располагается бассейн, а с другой огромные окна в пол. Занавески раздувает ветерком и складывается ощущение полета, только куда теперь лететь? На секунду прикрываю глаза и хочу оказаться за мольбертом. Образы уже складываются в моей голове, но моей фантазии не дают развиваться: громкий, ставший для меня противным, голос оповещает о начале занятия.

— Пожалуйста, займите свои места возле разложенных матов, и мы приступим. Ничего сложного и акробатического. Нам предстоит расслабить все мышцы и обрести гармонию с телом, — зло окинув меня своим взглядом, Хелен продолжает:

— Конечно, не все смогут добиться результатов сразу, но...

Смотрю на неё понимая, что явные намеки и усмешки направлены в мой адрес. Не вижу

Маркуса, только множество людей, с которыми я вроде бы знакома, но не помню ни одного имени. Может он придёт позже? Или решил пропустить занятие? Прохожу настолько далеко, насколько это только возможно. Приступаю к дыхательному разогреву и постепенно отпускаю все мысли. Дальше, просто занимаюсь йогой.

Всё занятие постоянно ловлю на себе взгляды Хелен. Она усердно сверлит ими. Стараюсь не обращать внимание, абстрагироваться и полностью сосредотачиваюсь на упражнениях. На одной из практик по растяжке, даже получается найти равновесие в позе, что меня радует. И вроде уже все хорошо, только нарастающее чувство тревоги пугает. Голос интуиции подает сигналы, а я игнорирую все вокруг, концентрируюсь на позах.

Вдруг, краем глаза замечаю движение позади меня и резкий толчок в спину. Хватаю руками воздух, но не за что ухватиться. Падаю, словно в замедленной съемке, не чувствуя под собой пол. Я стояла слишком близко к краю бассейна, была так увлечена, что не подумала об этом. А теперь все играет против меня. Разворачиваюсь в воздухе и вижу злорадную ухмылку Хелен. Это все-таки она... и мысль, мелькнувшая в голове: «Почему же нет Маркуса?»

Всплеск. Вода заполняет рот, не давая выкрикнуть, обволакивает всю меня и неведомая сила тянет ко дну. Тело словно отказывается сопротивляться. Последнее, что стоит перед глазами — это ехидное, гадкое выражение лица девушки, что так нелепо попыталась мне отомстить за ночь с Маркусом. Ведь она поняла, что между нами было... Поток несурзных и неуместных мыслей в такой момент прерывает толчок. Рядом появляются пузырьки и кто-то, прыгнувший за мной, подплывает сзади. Меня подхватывают сильные руки и резким движением направляют вверх. Достигнув поверхности, откашливаюсь и жадно хватаю воздух. Потoki лишней воды из моих легких высвобождаются, давая сделать желанный вдох. Маркус, а это именно он, помогает мне выбраться из воды.

— Что ты творишь? Она не умеет плавать, — слышу я гневные упреки Маркуса.

— Я? — наигранно удивляется Хелен. — Она сама споткнулась.

— Я видел, не отпирайся, Хелен!

— Все в порядке, я... правда в порядке, — горло саднит, а тело трясет от пережитого. —

Я просто хочу уйти, пожалуйста, Маркус.

Он помогает мне встать и подхватывает под колени. Не слушая возражений, уносит меня под пристальные и недоумевающие взгляды окружающих. А я прижимаюсь к нему лишь сильнее, утыкаюсь в его широкую твёрдую грудь, находя в ней защиту. Терпкие нотки его парфюма окутывают меня, расслабляя и даря спокойствие и умиротворенность. Хорошо... все теперь хорошо.

Глава 10/1. МАРКУС

Утренняя тишина, разбавляемая шумом океана и шелестом пальм. Запах близости и ночной страсти витает в бунгало. Боюсь открыть глаза и понять, что все это просто сон, полет моей фантазии и визуализация желаний. Решаюсь и все же приоткрываю. Моему взору предстаёт милая картина: Ангелика, явно проснулась и внимательно рассматривает меня, еле касаясь тонкими пальчиками моего тела. Представляю её мысли. Наверняка, корит себя за опрометчивость и поспешность. Но это сгладится и пройдёт, нужно только терпение и все сложится.

Я-то уже всё принял и не сомневаюсь больше ни на йоту. Ночью, в самый решающий момент, только её шаг был важен, и Ангелика его сделала. Я полностью отдался своим чувствам, переполнявшим меня. С того самого момента, как увидел её на набережной Майна они только усиливались и вчера уже понеслись со скоростью реактивного самолёта, который уже был не в силах никто остановить, даже я... да, я сомневался, что могу сдержаться.

Уголки моих губ неосознанно ползут вверх, передавая мою радость, когда я вижу, как она закусывает нижнюю губу и хмурит брови. Она очаровательная, даже ранним утром, такая нежная и желанная, без макияжа и какой-либо одежды. Такая как есть, немного сонная, расслабленная, с разметавшимися волосами по подушке. Её улыбка отзывается во мне нежностью, а трепетные прикосновения пальчиков, заставляют моё тело реагировать возбуждением, которое горячими волнами проходит сквозь тело и оседает в груди. Мне мало её... не могу остановиться...

Целую Ангелику, прижимая к себе. Она как хрупкий цветок, без которого моя жизнь уже не станет прежней. Она как оазис для усталого и, измождённого жаждой, путника — красива и желанна... необходима. Не знаю, как сдержать порыв быть с ней, целовать её всю и отдаваться без остатка. Она отвечает на мои ласки, льнёт всем телом, жарко целует, отчего в голове затуманиваются любые здравые мысли и остаётся лишь желание. Нас снова кружит в вихре нежности, страсти и наслаждения друг другом.

И тут тишину и наше громкое дыхание нарушает, прорвавшийся в сознание звонок. Будильник... время... завтрак... Недолго думая, выключаю и отбрасываю телефон подальше. Мы отдаемся обоюдной страсти, теряемся в ощущениях и забываем о существующем вокруг.

Каждое её движение, взгляд затуманивается желанием глаз, каждое прикосновение, вздох, стон, шёпот отзываются во мне восторгом. Мне нравится, как она смотрит на меня, не смущаясь, с любопытством и восхищением. Наше взаимное притяжение тоже сорвало все печати с её разумных установок. Сейчас, здесь, Ангелика отдаётся мне со всей искренностью, доверившись своим чувствам и эмоциям.

Такого я не испытывал ни с одной женщиной. Кажется, что она создана для меня, что половинка моей души и часть моего сердца были потеряны в ней. И теперь благодаря судьбе и обстоятельствам, я наконец, нашёл потерянную часть себя.

Наслаждаюсь близостью с ней, не могу отдышаться от переполняющей эйфории. Хочется подольше задержаться здесь, в её объятия, вдыхая аромат её кожи и волос, чувствуя её прикосновения. Сейчас как никогда не хочется возвращаться в реальность, чтобы наше единение, гармонию нарушили другие люди и суета. Все портит лишь звонок. Думаю, что что-то важное и стараюсь найти аппарат, но вижу кто беспокоит нас, и негодование поднимается через край. Отклоняю вызов, а вместе с ним прогоняю все плохие мысли.

Не знаю, на что рассчитывает Хелен, но я точно не понимаю ее неприкрытый интерес ко мне. Она же сама практически бросила меня у алтаря, теперь же непонятны ее действия и внимание ко мне. Что это? Женская зависть, чувство соперничества, собственничества? Ревность?

Не хочу обидеть Ангелику, вижу, что она тоже прочла, кто звонил. Теперь атмосфера уже нарушена, интимность момента рассеялась как дымка. Я чувствую напряжение Ангелики и смущение. Она словно вернулась в реальность и осознала, что совершила ошибку. Пытается сбежать, опускает глаза. Опять прячется в свой закрытый панцирь, не желая показывать себя настоящую, такую, какой я вижу её. Целую, показывая, что я ни о чём не жалею и не готов её отпустить надолго.

Но сюрпризом для меня становится появление Хелен возле двери. Никак не ждал подвоха от этой женщины. Её наигранная актёрская улыбка, взгляд и притворный голос вызывают во мне неприязнь. Что она задумала? К чему все это? Звонки? Появление?

Так не пойдет, надо выяснить, спросить прямо, иначе я могу потерять Ангелику, еще не успев понять какое место занимаю в её мыслях... сердце... что значу для неё...

Смотрю вслед Ангелике и переключаю внимание на Хелен, которая, не оставляя мне шансов избежать разговора, практически отталкивает меня от двери и заходит внутрь.

— И тебе доброе утро, Хелен, — прикрываю входную дверь, хотя желания остаться с ней наедине, нет никакого.

— Марк, мон шер, почему ты не брал трубку? — подходит ближе и касается рукой моего плеча. — Я звонила, волновалась.

— Возможно, я был занят? — холодно отвечаю.

— С ней? — закатывает глаза бывшая. — Брось. У вас же не серьезно, — цокает язычком с пренебрежением в голосе.

— Почему тебя это вообще интересует, целый год ты не задавалась такими вопросами? Что вдруг произошло?

— Знаешь, — делает голос самой невинности, — я... я много думала... я пожалела, что так с тобой поступила. Это чувство во мне всё время сидело и не давало мне покоя. Я никак не могла стать по-настоящему счастливой. Что-то мешало, понимаешь? — поднимает на меня глаза полные раскаяния и сожаления. Отличная актриса.

— И ты решила именно сейчас мне об этом сказать? Я тебя давно простил и забыл, — твёрдо говорю и снимаю её руки, которыми она уже успела оплести мою шею.

— Увидела тебя здесь и поняла, что ты самый лучший мужчина, что я была душой, что именно тебя мне не хватало, чтобы стать счастливой, — Хелен снова повисает на мне, потянувшись к губам. Отстраняю её, взяв за талию, и пытаюсь отойти, но она словно прилипает, как репейник. — Я знаю тебя очень хорошо, знаю, как тебе доставить удовольствие. Вспомни как нам было хорошо, какой фееричный и безумный секс у нас был. Давай начнем все сначала, Маркус.

— Брось, — усмехаюсь я, избегая её поцелуя. — Думаешь, в этом вся суть? Господи, тебе тридцать, а ты до сих пор думаешь, что в сексе вся суть? Неужели, только он тебя интересует? А что потом?

— Сейчас меня он очень интересует именно с тобой, — шепчет.

Хелен снова прижимается. Ее рука гладит меня внизу живота и проворно опускается ниже. Пресекаю эту попытку. Что за женщина? Хоть что-то может ее остановить? Понимаю, что ни одна частица моего тела не реагирует на неё. Мне совсем неприятны её попытки

соблазнения. Больше того, я уверен, что после она снова побежит к Генриху.

— А как же Генрих? — озвучиваю ей свои мысли.

— Зачем ты о нём? Давай поговорим о нас.

— Перестань! — с раздражением останавливаю её. Сейчас она вызывает во мне только отвращение. — Нет никаких нас, Хелен! — удастся освободиться из её цепких рук и отойти на несколько шагов подальше. — Пойми уже наконец. Думаешь, я всё это время, думал о тебе и ждал, когда ты вернёшься? Что за бред? Ты что, единственная женщина на Земле? — пытаюсь её уколоть побольнее. Надоел этот фарс. Хочу, чтобы поскорее свалила отсюда и из моей жизни. — Я прошел этот этап, двигаюсь дальше и живу. Я помогаю людям проживать сложные моменты их жизни, принимать более трудные и трагичные ситуации и подниматься с колен. Неужели ты считаешь, что я не могу сам пережить неудачу в своих отношениях?

Смотрит на меня с обидой. Карие глаза сузились как у хищницы перед нападением. Помню этот взгляд. Он всегда предшествовал её истерикам. Чувствую, что надвигается шквал эмоций, и делаю глубокий вдох.

— Она же серая мышь! Что ты в ней нашёл?! Тебе с ней станет скучно.

— Не тебе судить, Хелен. Красота Ангелики измеряется не твоими стандартами. И вообще это не твоё дело, — жёстко отрезаю.

— Ты изменился Марк.

— Потому что больше не готов на все ради тебя? И не даю вытирать об себя и о свои чувства ноги, быть использованным в твоих играх? Ты как избалованный капризный ребёнок. И сейчас ты здесь, только потому что захотела вернуть потерянную игрушку, утешить самомнение о своей неотразимости, а не потому, что испытываешь ко мне чувства. Да, ты права, Хелен. Я изменился, потому что отпустил, понял чего ты стоишь и что наши отношения были безнадежны. Прошу, и ты не пытайся вернуть прошлое. Не стоит. Строй настоящее и не играй другими людьми.

Нечем было возразить. Хелен смотрит на меня, прищурив глаза и втягивая воздух носом. Злится. Действительно, как ребёнок капризный злится, что не поддался на её лживые слова обольщения. Так и хочет топнуть ногой от бессилия.

— Ты еще пожалеешь, Марк. Будешь кусать локти, бегать за мной, — шипит от злости.

Её не переубедишь. Хелен слишком высокого мнения о себе и, к сожалению, свои мозги людям не вставишь. Сейчас даже сам себе удивляюсь, как я мог её любить.

Зачем я тут вообще все это говорил? Ведь она просто неисправима.

Она открывает дверь и, с высоко поднятой головой, покидает мою обитель. Даже смешно, настолько наигранно и не искренне выглядела её попытка добиться своего минутного желания.

Что за женщина, сумела испортить такое утро...

Быстро привожу себя в порядок и уже собираюсь отправиться к Ангелике, чтобы вместе пойти на сегодняшние семинары и практические занятия. Первая у нас йога, немного нервничаю. Все ли поняла Хелен из нашего эмоционального разговора? Но не успеваю выйти, как снова звонит мой телефон. Что сегодня за день? Я всем вдруг резко понадобился с утра пораньше. Это устроитель нашего ретрита, его игнорировать я не могу, поэтому задерживаюсь ненадолго для разговора.

Когда все возникшие вопросы по дальнейшему проведению семинаров решены, направляюсь к домику Ангелики. Но, очевидно, я слишком задержался, и она ушла без меня.

Тогда спешу присоединиться ко всем.

Выйдя на крытую террасу у бассейна, где проводится йога, я сразу глазами ищу хрупкую фигурку с белокурыми волосами и нахожу её у самого края бассейна. Она старательно выполняет все упражнения, уйдя в свои мысли. При виде неё моё лицо озаряет улыбка, которая тут же сменяется настороженностью, потому что в её сторону направляется Хелен. Ускоряю шаг, в душе зарождается тревога, не успеваю подойти и вижу ужасную картину, как лицо Хелен искажает злое выражение и... мое сердце на миг словно останавливается, кислород покидает легкие, и я не в силах больше вздохнуть. Всё происходит молниеносно. Ангелика, оступается, не без помощи моей бывшей, размахивая руками в попытке удержаться, хватая воздух. Не найдя опоры, как в замедленной съемке, падает в воду. Я продолжаю ускоряться, но не успеваю. Она уже в воде, ее глаза выражают недоумение и страх. Почему-то Ангелика даже не пытается удержаться на поверхности и обречённо уходит ко дну бассейна. Немедля ни секунды, я прыгаю в воду за ней, подхватываю и выталкиваю наверх.

Вытащив её на настил, глажу по щекам, не обращая внимание на обступивших нас людей и их перешёптывания. Ангелика откашливается водой, моргает глазами и судорожно цепляется пальцами за мою мокрую рубашку на плечах. Она вся дрожит, словно мокрый беспомощный котенок, трогательный и ищущий защиты. Мне хочется прижать ее, пожалеть, защитить от всего мира. Когда я вижу ее осознанный и перепуганный взгляд, во мне просыпается ярость. Такие сильные чувства, разрывают меня изнутри, что я не сдерживаюсь и налетаю на Хелен.

— Что ты творишь? Она не умеет плавать, — готов просто кинуться на девушку, что вызывает во мне лишь гнев, но держу себя в руках. Нельзя, не стоит...

— Я? — наигранно удивляется Хелен. — Она сама споткнулась.

— Я видел, не отпирайся, Хелен.

— Все в порядке, я... правда в порядке, — дрожащим голосом шепчет Ангелика. — Я просто хочу уйти, пожалуйста, Маркус.

Словно пушинку подхватываю ее и уношу прочь от посторонних глаз. Она жметесь ко мне, все еще продолжая дрожать. Такая хрупкая и незащищенная...

Достигнув бунгало, заносу её внутрь, укладываю на кровать и укутываю покрывалом. Знаю, что нужно снять одежду, но видя её состояние, не решаюсь.

— Мне очень жаль, Ангелика, — никакие мои слова не изменят случившегося, и я впервые не знаю, что сказать, чтобы утешить её.

— Маркус, ты... Она...

— Я виноват. Она почему-то решила, что имеет на меня права, хотя я не давал ей повода. Ничего уже не вернётся назад, — сжимаю тонкие пальчики в своей руке. — Никогда не думал, что Хелен настолько... что способна на такую подлость...

— Ты не виноват, — тихо возражает Ангелика. — И я... я... — она в волнении облизывает губы, а я замираю, предчувствуя что-то... Прижимаю её к себе, и она замолкает. В тишине чувствую стук наших сердец, они бьются в унисон и это немного успокаивает.

— Прости, — повторяю я уже шепотом, целуя в макушку мокрых волос. — Ты всё ещё дрожишь. Тебе нужно согреться. Снять мокрую одежду. Не дожидаясь протестов, отодвигаю край покрывала и стаскиваю с неё мокрую футболку. Ангелика не сопротивляется, даже сама снимает шорты.

— Иди сюда, — обнимаю и подхватываю на руки. Ангелика молча цепляется за меня, оплетая руками и ногами, и мы вместе идём в душ.

Включив воду теплее, ставлю её под упругие струи воды. Ангелика снимает нижнее бельё, оставшееся на ней, а я понимаю, что и сам в мокрой одежде, но меня это сейчас меньше всего волнует. Тёплые струи стекают по волнующим изгибам, а я как замороженный наблюдаю за этим зрелищем, не в силах отвести взгляд. Не удерживаюсь и провожу руками по мокрому телу, собирая капли влаги. Она оборачивается, проводит по моей груди своими руками и, будто прочитав мои мысли, запускает пальчики под мокрую майку. Медленно стягивает её с меня, заставляя поднять руки. Мы смотрим глаза в глаза неотрывно. Я вижу в её глазах, что она хочет того же, что и я. Соприкасаемся лбами. Очень медленно провожу руками по её плечам. Мгновение, и наши губы сливаются, сначала медленно, чувственно, затем напор нарастает. Теперь уже наши руки смело ласкают друг друга. Ангелика стаскивает с меня брюки и бельё, а я жадно прижимаю её к стене. Нас охватывает необузданная страсть. Всё вокруг меркнет, затмеваемое её ласками. Прерывистое дыхание и протяжные стоны, сопровождаемые звуками льющейся воды, нарушают тишину.

Ангелика открывается мне совсем с новой стороны. Ночью и утром она была нежным и хрупким цветком, сейчас же в ней проявилась совсем неожиданная буря страсти, заставляющая меня терять голову. Страстная... раскрепощённая... Она, уже совсем не стесняясь, проявляет инициативу. Ладонками проводит по моей груди, прессу, опускается ниже и, обхватив рукой член, нежно ласкает его. Сминая её грудь, засасываю соски, дразня их. Я чувствую, как она жметя ко мне, требуя большего, и это подстегивает к дальнейшим действиям. Я уже на пределе. Возбуждение от её ласк достигло пика, а желание слиться с ней душит. Подхватив её за бедра, поднимаю и беспрепятственно вхожу. Ангелика плотно обхватывает меня ногами, и обвивает руками плечи. Целуемся как обезумевшие и двигаемся в страстном ритме. Эмоции на грани, её стоны заставляют сильнее и глубже входить в неё. Я вижу в её, помутнённых похотью, глазах восторг. С приоткрытых губ срываются жаркие стоны, сменяющиеся всхлипами. Она прижимается ко мне сильнее, словно ей мало.

Развернув ее к себе спиной, рывком снова вхожу, отчего Ангелика, упёршись руками в стену, вскрикивает. Я немного оттягиваю ее волосы, заставляя повернуть ко мне голову, и встречаю её губы жарким и требовательным поцелуем. Она рьяно отвечает тем же. Огонь разгорается во мне с новой силой. Я уже чувствую приближение финала, но еще не время. Проникаю в нее на всю глубину, сжимая в ладонях ее ягодицы, и останавливаюсь на мгновение, заставляя чувствовать в себе. Она, требуя продолжать, начинает двигать бедрами, и я не могу не подчиниться. Толчок... еще... женский вскрик... сжимается... протяжный стон... снова сжимает меня внутри и проводит ногтями по плитке.

На моем лице появляется блаженная улыбка, видя, что ее тело потряхивает в экстазе, но я сдерживаюсь, чтобы она в полной мере ощутила этот момент. Когда она перестаёт сжиматься, я позволяю себе кончить ей на спину, отправляясь вслед за ней и утопая в сладкой эйфории. Перед глазами летают яркие всполохи и даже мерцают целые звезды. Понимаю, что таких ярких чувств и эмоций я никогда ещё не испытывал.

Согреть Ангелику мне удалось, даже немного переусердствовал. Но увидев ее мокрое соблазнительное тело, не смог обуздать свое вожделение. К тому же, прочел в ее глазах ответное желание.

Удовлетворённую, расслабленную оборачиваю её полотенцем и отношу в постель. Она жмётся ко мне, и я снова согреваю её объятиями. Мне и самому так они необходимы. Осознаю, что хочу её держать в своих руках постоянно, не отпуская ни на час, словно боясь потерять. Сейчас, здесь есть МЫ, а что будет там?.. когда мы вернёмся?.. Отгоняю эти мысли, целуя в висок моё, только обрётённое, сокровище.

Но, если Ангелика может пропустить тренировки, то мне такой роскоши не положено. Я и сам просил бы её остаться и отдохнуть, ведь сегодняшние эмоциональные потрясения, принесли ей невероятную усталость. Её прикрытые глаза и спокойное лицо, явно дают понять, что девушка засыпает. Так не хочется оставлять её, но мои обязательства не оставляют мне выбора. Пусть пока отдохнёт.

Прикрываю ее легкой простыней и еще раз целую в мягкие губы. Поправляю выбившуюся прядь и нехотя покидаю её домик, осторожно прикрывая за собой дверь. Переодевшись в сухую одежду, сразу отправляюсь в уже знакомую беседку для дневных тренировок. Я и еще двое моих коллег проводим семинар, но я отстранен и практически постоянно витаю в облаках. Мои мысли постоянно возвращаются к спящей Ангелике, а тело непреодолимо тянет быть рядом с ней.

Мне уже не хочется находиться здесь, то, чего я так долго ждал, потеряло смысл после встречи с Ангеликой. Всё, что мне сейчас так необходимо, находится в ста метрах от меня, и я считаю каждую минуту, постоянно поглядывая на наручные часы.

Еле дожидаюсь конца этой долгой лекции, просто механически отвечая людям на вопросы и презентуя свою информационную подборку. Опыт и любовь к профессии сделали своё дело, в то время как я, постоянно представляю Ангелику, сладко спящую сейчас в своем бунгало, куда я несомненно направлюсь сразу как освобожусь. Двухчасовое метание меня между делом и фантазиями в моей голове, подошли к концу, и я хочу направиться куда и мечтал, но путь мне преграждает Генрих.

— Марк, все в порядке?

— Что ты имеешь в виду?

— Поведение Хелен, меня удивляет. Я не знаю, что на неё нашло, — тяжело вздыхает он. — Возможно...

— Давай не будем гадать. К тому же это не твоя вина, а её поведение — просто прихоть.

— Да она порой капризна и непосредственна, как ребёнок, — признаёт старый товарищ. — Это мне в ней и нравилось всегда.

— Как избалованный ребёнок, Генрих, — возражаю я. — Но я всё равно хочу за неё извиниться, ведь она уже далеко зашла. Девушка могла пострадать, — грустно и с сочувствием произносит Генрих. Да он всегда отличался пониманием.

— И тебя не беспокоит, что всё это из-за меня? — открыто задаю интересующий меня вопрос. Неужели, он так слепо любит Хелен, что не замечает очевидного?

— Уязвлённое женское самолюбие, — пожимает он плечами и смотрит вдаль.

— Какое самолюбие Генрих? Она сама ушла, оставила меня за неделю до свадьбы. А теперь... — недоумеваю я его спокойствию. — И ты так спокоен?

— Она любит быть в центре внимания, ты же знаешь, — продолжает защищать её, будто не слыша моих слов. — Ей необходимо внимание всех мужчин, даже бывших, это я признаю и принимаю.

— Боже, ты серьёзно? — не могу поверить в то, что он говорит. Меня уже откровенно начинает раздражать наш разговор. Он ведь ведущий психолог, специалист со множеством дипломов. Почему же его глаза закрыты, а мозг отключен, в том, что касается Хелен?

— Думаешь, я не вижу, я слеп? — прерывает Генрих поток моих мыслей. — Нет, — качает он головой. — Просто Хелен... она из тех женщин, что как кошки. Их не удержать силой. Иногда нужно отпустить, чтобы она нагулялась, а потом снова вернулась в тёплую постель, мою постель. Понимаешь? Я просто принимаю её такой, какая она есть, и не пытаюсь держать на поводке, как собственник.

— Извини, мне не понятны ваши отношения, но я искренне тебе благодарен, что тогда не женился на... этой кошке, — выдыхаю с улыбкой, которая тут же, при воспоминании сегодняшнего разговора с Хелен, сменяется серьёзным взглядом. — Пусть гуляет, если тебя это устраивает. Но это не должно вредить другим. Согласен? Я не хочу, чтобы она мешала нам с Ангеликой, и тем более навредила ей чем-то. Поэтому попрошу всё же попридержать её на поводке, хотя бы эти дни, пока мы здесь. А теперь прости, мне пора.

И я быстрым шагом ухожу от Генриха и столь неприятного разговора. Почти лечу, подталкиваемый неведомой силой. Спешу оказаться рядом с той, что за эти дни стала мне так дорога и необходима.словно кислород, словно вода, словно она проникла внутрь, в мысли, в голову и без неё нет больше меня.

Почти бегом, подталкиваемый желанием скорее увидеть Ангелику, прикоснуться и сжать в своих объятиях, я преодолеваю расстояние довольно быстро. Тихо открываю дверь, надеясь, что моё сокровище ещё спит. Хочу тихо прижаться к ней и слушать как она дышит, тонуть в её запахе, греться теплом её кожи... Но, меня встречает тишина и пустая постель. Думая, что она возможно в душе, бросаюсь проверить, но там её не нахожу, зато замечаю раскрытые дверцы шкафов и ящики комода.

— Ангелика! — срываюсь на крик, уже изрядно нервничая.

Выбегаю на улицу, бегу к домику администрации, мимо которого она не смогла бы пройти незамеченной. Обращаюсь к менеджерам обслуживающего персонала:

— Извините, пожалуйста, скажите, — сумбурно пытаюсь объяснить ситуацию на английском, но из-за спешки дыхание сбивается, а слова срываются скомканные. — Девушка... белокурая... блондинка... возможно с чемоданом... не проходила? Такси? Она вызывала такси?

Парень с женщиной кивают, показывая рукой в направлении города. Я смотрю в сторону, что мне указали, вижу отъезжающую машину и меня охватывает паника. Неужели она думает улететь. Куда она? Почему? В голове миллион вопросов. Возможно, это она. Я выбегаю на дорогу, пытаюсь остановить машину. Таксист резко давит на тормоз, и я упираюсь руками в капот. Смуглый мужчина, высунув руки в окно, эмоционально жестикулирует и на сингальском выкрикивает ругательства. Машина пуста. Я резко тяну на себя дверцу и запрыгиваю внутрь. На английском кричу таксисту, чтобы мчал в аэропорт. Тот, понимая правильно мой путанный от переизбытка эмоций язык, давит на газ.

Открываю глаза. Тишина... и только шум океанских волн. Странно, где же Маркус? Маркус... Что я творю? Цепляясь за терзающие меня мысли, продолжаю неподвижно лежать и смотреть в потолок. Уже невозможно отрицать очевидность того, что нам хорошо вместе, что нас тянет друг к другу и что я... я... он мне... Как же тяжело это признать. Прикрываю глаза и громко вздыхаю, нарушая тишину. Да, врать самой себе бессмысленно. Маркус мне нравится. Его теплые и волнующие взгляды, его улыбка, греющая душу... В его присутствии, я забываю об окружающем меня, забываю всё, что было раньше и Альберта... я забываю мужа. Точнее, теперь я даже не думаю о нём, о том, что он сделал мне больно и о нас. Теперь мое единственное желание — быть с Маркусом, слушать его проникновенную и такую нужную речь, смотреть в его глубокие и безумно нужные глаза, дышать его ароматом и чувствовать его объятия. Да, именно так. Такие нежные и нужные объятия, которые мне не дарили руки мужа, заставляющие поверить в защищенность, дарящие теплоту и уверенность в себе.

Нахожу свой телефон. На дисплее куча пропущенных звонков и непрочитанных сообщений в мессенджере. Смотрю список и удивляюсь. Альберт столько мне никогда не звонил, а теперь вот десяток звонков и голосовых сообщений. Что он мне ещё может сказать? Ведь то, что произошло уже очевидно, как ясный день. Уже ничего не вернуть. Я не могу... да я просто не хочу... От злости, что он никак не хочет это понять и принять у меня начинают нервно дрожать руки. В списке встречаю и папин номер, не в таком количестве, но тоже прилично. Он, наверное, переживает, волнуется за меня, а я даже ни разу не позвонила ему как прилетела сюда. Меня начинает мучить совесть и дочерний долг перед родителем. Решаю набрать его и исправиться.

— Папуля, — начинаю я, не дождавись ответа.

— Боже, Лика, с тобой все в порядке? Я уже думал, что-то случилось.

— Все хорошо, пап.

— Где ты?

— На Шри-Ланке.

— Господи! Что ты там делаешь?! — папа в панике и, видимо, в небольшом шоке. Я никогда так далеко не летала, тем более не предупредив никого. — Ты просто не представляешь, что у нас тут творится. Девочка моя, без тебя все летит в пропасть. Альберт рвёт и мечет, персонал шугается его. У нас горят сроки по проектам. Ты разве забыла родная?

— Но... я же дала распоряжения, все было в порядке. Отдел должен был успеть всё. Что произошло? — в недоумении поднимаюсь с подушки.

— Подробности я не знаю, дорогая. Только то, что Альберт уволил Ханну. Сказал, что хочет вернуть тебя, что любит и на всё готов ради тебя.

— Я не верю словам, пап, — вздыхаю я. — Я это уже слышала от него, перед тем как застучала их с Ханной в его кабинете. Его слова просто пустые звуки. Они ничего не стоят.

— Лика... он такой потерянный вчера приехал ко мне. Он просил помочь, сказал, что ты не отвечаешь на звонки. Пожалуйста, будь благоразумна. Все ещё может наладиться, дочка? — слышу это и смеюсь, не понимая, как можно поверить вновь? Это же предательство. Но потом мой взгляд опускается на смятую постель и разбросанные вещи, и я

снова в ужасе от собственного поступка. Совесть точит меня изнутри. Как я... как могла сама пойти на это? Изменить... Я сама сделала то, что вызывало во мне отвращение и гнев к мужу... Боже! Что же я натворила...

— Я не знаю... мне не просто, — слова застревают в горле, глаза наливаются предательской влагой, а я уже ни в чём не уверена. Что мне делать?

— Ли́ка, прошу, приезжай. Мы всё решим. Всё будет хорошо. Вытирая, уже льющиеся по щекам слёзы, пытаюсь рационально мыслить, но всё затмевает образ улыбающегося Маркуса, его нежный взгляд, встающий перед глазами. Что будет с ним? С нами? Что он подумает обо мне?

— Пап, я не могу. Я...

— Ли́ка, ты нужна нам всем, нашей фирме, твоей фирме. Без тебя всё рухнет. Ты хочешь, чтобы всё, что ты создавала несколько лет, пошло прахом?

— Неужели... Пап... Альберт не справляется? — удивленно спрашиваю я. Мне казалось, что без меня ничего не рухнет. Как же я ошибалась.

— Альберт неплохой, — в голосе отца слышу сомнение, — управленец, переговорщик, но всё, что касается творческой стороны, чтобы удовлетворить запросы клиентов... он в этом... Ему не хватает творческого подхода и креативного взгляда. У тебя это прекрасно получается, — улавливаю в интонации папы тепло и чувствую его высокую оценку моей работы, которой мне так раньше не хватало. — Это твоё, понимаешь?

— Хорошо, — сдаюсь я.

Неужели мне никогда не дано слетать в отпуск? Даже через четыре дня отсутствия папа уже бьёт в набат.

— Тогда я жду тебя, родная, — и отец кладет трубку, а я так и продолжаю сидеть, осмысливая всё, что только что услышала.

Поднимаюсь с постели и решаю ничего не говорить Маркусу. Не смогу смотреть ему в глаза. Лучше пусть так... пусть считает меня подлой обманщицей, которая позабавилась, отомстила мужу и сбежала. Пусть лучше меня ненавидит, потому что я не смогу устоять перед ним, если он будет просить остаться. А я... теперь я такая же предательница, как и муж, изменивший мне. В душе возникает чувство, что я... что не Маркус мне помог излечиться от боли, а я соблазнила его, заставив забыть о том, что он мой психотерапевт и зачем я к нему пришла. Господи, как же... Как я могла допустить такое? Совесть с новой силой точит меня. Эти мысли словно молоточек в голове, не дают мне покоя. Решаюсь прослушать голосовое, оставленное Альбертом.

— Ли́ка... Лучик мой, я очень скучаю. Мне плохо без тебя, — голос мужа дрожит. Слышно, что он сильно волнуется. Сглатывает и продолжает: — Ты не представляешь, как я раскаиваюсь. Прости меня за всё, что я сделал... сказал... Сейчас я... понял каким был кретином... — слышу в его голосе отчаянье, и сердце сжимается. Этот голос так долго заставлял меня трепетать, и сейчас... слыша в нём боль, я не могу остаться равнодушной... — С Ханной все кончено, я осознал свою ошибку. Это было глупо, надеяться, что ты пойдешь на отношения такого рода. Я просто осознал, что ты нужна мне. Без тебя я никто. Точнее, мои чувства словно проснулись вновь, и... к тому же, наша фирма, — ну вот мы и подошли к истинной причине.

Я так и думала, он неисправим. Только вот, мне не верится, что он расстался с Ханной, скорее, устроил очередное шоу, чтобы мне рассказали, как он несчастен, выгнал её и страдает, раскаивается. Порыв жалости, внезапно возникший, так и теряется где-то в

глубине меня, и я продолжаю слушать с противоречивыми эмоциями.

— Лика, твои дизайнеры совсем не работают. Заказчики начинают жаловаться, что их не устраивают результаты. Требуют правок. Все смотрят на меня, а я в этом совсем не разбираюсь. Ты же знаешь, это твоя стезя, твой талант. Я не знаю, как с ними вообще разговаривать, что говорить. Только ты для них в авторитете. Если эта компания уйдет от нас и еще плохо отзовется о нас, ты же знаешь, это погубит нашу репутацию. Сарафанное радио работает очень быстро и в одну, и в другую сторону. Лика, прошу тебя помоги мне, не бросай меня. Ты нужна мне, — на последней фразе голос Альберта словно садится от переизбытка эмоций, и его слова бьют по моей совести, которая взывает к моему трезвому разуму.

Всё, что случилось здесь вчера и сегодня, начинает казаться сном... приятным, но нереальным сном, словно это было... какое-то помутнение...

Иллюзия счастья в объятиях Маркуса рассыпается, как песчаный замок, а настоящее там, где меня ждет муж, где у меня есть обязанности, где реальная жизнь, где я должна сейчас находиться. Не здесь... Там! Осторожно встаю с кровати и начинаю быстро собираться. Закидываю все свои вещи в чемодан. Очень тороплюсь, так как знаю, что самолеты вылетают в вечернее время. Хочу успеть, а ведь еще надо добраться до аэропорта и купить билет. Через пятнадцать минут уже выхожу из своего бунгало и с сожалением оглядываю набережную. Грусть набегаёт. Мне становится тоскливо, что всё растаяло как дым, что я никогда больше не почувствую поцелуев Маркуса, тепло его заботливых рук, нежный и страстный шёпот. Не могу понять почему так всё противоречиво. Я словнорываюсь между реальностью и зыбкой возможностью стать по-настоящему счастливой. Но снова убеждаю себя, что это нереально, и неотвратимо приближаюсь к такси, стоящему у домика администрации, которое на мою удачу оказалось тут.

Оглядываюсь на место, ставшее моим личным раем, где мне было хорошо и где я почти нашла своё счастье, и мысли снова возвращаются к мужчине, который показал мне, что значит чувствовать по-настоящему, с полной отдачей в ответ. Через несколько минут дороги по лобовому стеклу автомобиля начинают бить крупные капли дождя, который вскоре перерастает в ливень. Приближаясь к аэропорту, я уже не могу различить ни дорогу, ни домов и людей за окном, потому что обзор застилает стена дождя или мои слёзы по потерянному раю.

Кое-как выбираюсь из такси под потоками ливня и захожу в аэропорт почти насквозь мокрая.

Я стою посреди зала с чемоданом, потерянная, промокшая и думаю, что мне делать дальше.

— Лика! — раздаётся за спиной голос, от которого сердце делает невероятный кульбит в груди и начинает трепыхаться, как птица в клетке. Маркус...

Я оборачиваюсь. Он тоже насквозь промок под ливнем. Тёмная чёлка влажными локонами падает на его красивый лоб, брови сведены в недоумевающем взгляде, который излучает вопрос и отчаянье. Маркус стремительно приближается ко мне сквозь снующих по залу людей.

— Лика... — прижимает к себе и шепчет, что боялся не успеть.

Все мои доводы, мысли о том, что я поступила плохо и неправильно, разбиваются об эту нежность, крепкие объятия, уверенные руки невероятного мужчины, которого, мне казалось, я не заслужила. Но мне так хорошо... В его руках я чувствую умиротворение и спокойствие,

которые сменяют мою тревогу и смятение, только что терзавшие меня.

— Маркус... ты здесь...

Глава 11/2. АНГЕЛИКА

— Лица... — прижимает к себе и шепчет, что боялся не успеть.

Все мои доводы, мысли о том, что я поступила плохо и неправильно, разбиваются об эту нежность, крепкие объятия, уверенные руки невероятного мужчины, которого, мне казалось, я не заслужила. Но мне так хорошо... В его руках я чувствую умиротворение и спокойствие, которые сменяют мою тревогу и смятение, только что терзавшие меня.

— Маркус... ты здесь...

— Я боялся, что опоздал. Ангелика, прошу тебя. Я знаю, что ты сейчас думаешь, как ругаешь себя и считаешь произошедшее между нами ошибкой, — он говорит, а я ловлю себя на том, что так и есть. Маркус словно читает мои мысли, произнося их вслух. — Пожалуйста... Возвращаясь назад, к старому, ты можешь лишиться чего-то нового, только зарождающегося и, возможно, настоящего.

Я молчу, просто глядя в его глаза. Маркус ладонями держит моё лицо, поглаживая большими пальцами мокрые от слёз скулы, и продолжает:

— Я не знаю, что будет с нами завтра, через неделю и через месяц. Возможно, мы будем самыми счастливыми людьми на свете, а может пойдём каждый по своему пути, но то, что происходит сейчас, не просто так. Я верю, что каждый в определенное время, в самый неожиданный и неподходящий момент, может встретить своего человека. Что если с нами это уже произошло? А ты, сбегав сейчас, не оставишь нам даже малейшего шанса выяснить это.

Выговорившись, он прислоняется своим лбом к моему и выдыхает. Я чувствую его волнение. Стук мужского сердца отдаётся во мне эхом и начинает звучать в унисон с моим. Сама подаюсь к нему и нежно прижимаюсь губами к его полураскрытому рту. Маркус нежно отвечает, чувственно обхватывает мои губы, поочередно касаясь мягкими нажатиями и лёгкими касаниями языка. Эта игра захватывает меня, а его уже знакомый вкус подстёгивает к большему. Я снова хочу его чувствовать ближе, сливаясь всем телом. Наш поцелуй становится более страстным, а губы требовательнее. Мы теснее прижимаемся друг к другу, а наши руки, блуждая по спине и плечам, крепче стискивают объятия. То, что мы чувствуем, не оставляет никаких сомнений, что мы необходимы друг другу, как дождь во время засухи, как солнце во время зимы. И я растворяюсь в этой нежности, страсти, в этих эмоциях, что не дают мне шанса на отступление и побег.

Очевидно, Маркус вспоминает что мы в аэропорту, где на нас направлено множество глаз и останавливает поцелуй, но не отпускает меня. Я медленно прихожу в себя, продолжая прижиматься к нему.

— Маркус, я должна лететь, понимаешь? — с надеждой смотрю в его глаза.

— Прости, если напугал тебя, если был...

— Нет... я... мы... — вздыхаю и пытаюсь нормально все объяснить. — Маркус, мне звонил отец. Я должна лететь. Наша фирма, она... он... Если я не вернусь, всё, что я создавала годами, что так люблю, всё может разрушиться.

— Но... Ты же в отпуске, неужели, никто не в состоянии разобраться без тебя? Это же смешно. Сколько работников в фирме? — недоумевает Маркус, продолжая крепко обнимать меня.

— Пятьдесят три, но... — я задумалась над его словами. И правда, почему я, начальник

отдела, все выполняю сама? Ответ пришел незамедлительно, и я его озвучила Маркусу. — Знаешь, я жила работой, жила на работе и вовремя неё. Сама сделала так, что ни один вопрос, ни одно решение не делалось без меня. Наверное, я сама виновата, сама создала себе такую жизнь. Но раньше, я не задумывалась об этом, потому что слово отпуск, я видела только на страницах журналов.

— Ты в работе находишь отдушину... — не спрашивает, а делает вывод Маркус, — уходишь от реальности. Ты в ней сублимируешь то, чего тебе недостаёт в жизни. Но есть и другие радости. Есть люди, нуждающиеся в тебе не только как в сотруднике и работнике, — он пристально смотрит в мои глаза, и я задумываюсь.

— Ты прав, я никогда даже не думала об этом.

— Ты нужна мне, Ангелика. Ты мой поток воздуха, которого мне так давно не хватало. С тобой я снова обрёл смысл, кроме моей работы, кроме часов, где я слушаю истории и проблемы других. Теперь я хочу сам жить, тоже строить свою судьбу и свою историю с тобой.

— Я... — смотрю на мужчину, что стал мне так близок, что понимает меня и дарит фейерверк чувств и эмоций, а моя душа рвется ему ответить, сказать, что я испытываю тоже что и он, но.... То щемящее и колющее понимание предательства и неправильности ситуации вновь захватило меня, сжимает зарождающееся тепло и увлекает его, глубоко спрятав.

— Посмотри в себя. Обратись к своей душе. Что ты чувствуешь? Чего хочешь ты? — продолжает он, нежно глядя в глаза, и я вижу в них огромный мир, целую Вселенную, что обещает мне море эмоций, океан нежности и сладких часов, как этой ночью. — Ни Альберт, ни папа, ни все вокруг, а именно ТЫ? Не нужно быть удобной для всех. Ответь себе: что тебе нужно, чтобы стать счастливой?

В молчаливой паузе смотрю в его бездонные глаза, в которых тону, взгляд которых окутывает меня теплом, и понимаю, что не могу улететь, что хочу быть с Маркусом... всегда.

— Я думаю, что смогу все решить онлайн, — не ответив на его слова и опустив глаза, говорю я. — Интернет ведь никто не отменял.

Пытаюсь спрятать растерянность, а Маркус смотрит на меня с надеждой на ответ. Он раскрыл мне душу, сделал первый шаг навстречу, а я... я не могу ответить ему сейчас. Только не сейчас. Я так и не могу произнести то, что чувствую. Моя душа стремится к нему. Он мне тоже нужен. Я хочу быть рядом, но... совесть взывает к разуму. Правильная девочка, которая сидит внутри меня, не даёт мне признаться в том, что я чувствую. Она заставляет меня принять решение, которое получит одобрение отца и... Всеми силами пытаюсь заглушить её голос, и мне это удается.

Хочу сначала разобраться в себе и в своей жизни. В голове сразу вспоминается строчка из фильма, что в один из одиноких и скучных вечеров в ожидании неверного мужа, я посмотрела: «Как бы потом не было поздно. Не упусти то, что идет тебе в руки». Я прислушиваюсь к своему сердцу и решаюсь поступить как того хочется мне.

— Я... — нерешительно шепчу, — очень хочу остаться.

— Я уверен, что ты сможешь разобраться с проблемами компании, не оставляя меня, — его красивые губы растягиваются в улыбке.

Самолет еще не улетел, но похоже, что сегодня он никуда и не полетит. По залу разносится объявление, что на остров надвигается сильный шторм и все рейсы задерживаются на неопределенный срок. Неужели, даже погода против, чтобы я улетела.

Услышав это Маркус улыбается мне, видимо, тоже подумав об этом.

— Это судьба, — произносит с улыбкой, прищулив глаза.

— Тогда поехали обратно, — улыбаюсь в ответ. — Я сделаю пару звонков и все улажу.

— Думаю, что по такой погоде мы не сможем вернуться в наш лагерь.

Мы оборачиваемся к прозрачным стенам зала аэропорта и видим, как бушует стихия. Ливень льёт такими потоками, что почти ничего не видно. Сильный ветер гнёт пальмы и деревья, прижимая к земле длинные листья и ветви.

— Нам придется остаться в гостинице при аэропорте. Надеюсь, ты не против? — Маркус поправляет локон моих волос и нежно прижимается губами к моим.

Да как я могу быть против? Желание тут же просыпается в моем теле, а я прикрываю глаза от нахлынувшего предвкушения. Я вообще не могу трезво мыслить в объятиях Маркуса, забывая обо всём. Только когда его нет рядом, совесть снова возвращает меня к реальности...

— Конечно... — отвечаю я несмело.

Промокнув до нитки, размещаемся в номере. Приняв душ и укутавшись в мягкий халат, я решаю всё же предупредить папу, что не приеду. И вообще, нужно чётко обозначить свои интересы. Я должна дать понять, что у меня есть своя жизнь и желания за пределами офиса, что я не намерена тратить всю свою жизнь только на работу, что мне нужен отдых, иначе я просто выгорю.

Пока Маркус заказывает в номер ужин, я набираю папин номер и, делая глубокие вдохи, морально готовлюсь к сложному разговору. Сложному для меня, потому что обычно я не перечила отцу. Только измена Альберта привела к нашим разногласиям, заставила меня взглянуть на свою жизнь по-другому, подумать о себе.

— Пап.

— Лика! Как я рад тебя слышать! — радостно приветствует меня отец. — Ты когда прилетаешь? Я тебя встречу.

— Я не вернусь сейчас, — решительно выпаливаю, выдохнув, и слышу молчание в трубке, которое заставляет усомниться, что нет никакого сбоя. — Пап?

— Что значит, не вернешься сейчас? Ты же обещала.

— Здесь сильный ливень и все рейсы отменили, — пытаюсь оправдаться я и еле слышно добавляю: — И вообще, у меня отпуск. Мне нужно отдохнуть. Я устала, пап. Альберт управляющий и сам в силах решить все проблемы.

Разговор неприятный и не сулит мне ничего хорошего. Я посмела первый раз перечить отцу. Он молчит, не пытается меня переубедить и уговаривать. Больше не пытается. Ничего не сказав, он просто сбрасывает звонок. Потираю глаза, к которым стремительно подступают слезы обиды. Почему он так холоден, так... не может меня понять... Снова обида сдавливая грудь, но перезванивать не буду, знаю, чем все закончится. Скандалом, ссорой и... Пусть лучше так, потом все объясню, потом он все поймет. Решаю отключить телефон, потому что понимаю, что посыпятся сообщения от Альберта или еще кого-то подключат к уговорам меня вернуться. Если уж решила, то пойду до конца.

Маркус садится рядом со мной на кровать и, заключая в кольцо сильных рук, прижимает к себе. Целует в висок, и я чувствую его поддержку и уверенность в своём решении.

— Как ты? — участливо спрашивает он.

— С папой я разобралась, ещё несколько звонков сделаю завтра. Теперь у меня есть

целая неделя, которую у меня никто не отнимет, — делюсь я с Маркусом.

— Как прекрасно это слышать, — он зарывается руками в мои волосы, а я наслаждаюсь каждым его прикосновением.

Стук в дверь, прерывает наши объятия. Наш легкий ужин. На тележке я замечаю ведёрко со льдом и шампанским. Маркус встаёт и, срывая фольгу с горлышка бутылки, улыбается мне.

— Я решил, что это хороший повод, который нужно отметить.

— Повод? — удивляюсь я.

— Сегодня ты сделала важный шаг — преодолела барьер, отделяющий тебя от первой границы между прошлой тобой и тобой настоящей, что хочет счастья, быть свободной и принимать решения для себя, а не для других.

Его слова отзываются во мне, я думаю, что сегодняшнее решение — это начало моей новой жизни. Жизни, где я главный герой, а не дополнение мужа и семьи. И в этой жизни есть Маркус.

Пробка хлопком вырывается из бутылки, и искрящийся напиток наполняет бокалы. Маркус протягивает мне один из них и садится рядом.

— За тебя.

Глядя в глаза друг другу, мы чокаемся и выпиваем прохладное игристое, наполняющее вены теплом и разрушающее все запреты. Я сама тянусь к губам Маркуса, обхватив ладонью его лицо, успевшее за день покрыться лёгкой щетиной, так идущей ему. Наш чувственный поцелуй наполняет меня трепетом и возбуждает сильнее шампанского. Поцелуи и ласки становятся всё настойчивее, и я уже всем телом лгну к желанному мужчине. Не разрывая поцелуя, он забирает у меня бокал и ставит оба на пол. Спускает с моего плеча халат и покрывает поцелуями, перемещаясь к ключицам. Мои руки перебирают его густые волосы, а с губ срываются тихие стоны удовольствия. Дыхание учащается, как и ритм сердца. Огонь внутри меня разгорается всё сильнее. Я хочу этого мужчину всегда. Хочу чувствовать его, засыпать и просыпаться в его объятиях, тесно соприкасаясь телами. Хочу делить с ним всё не только сейчас, но и в дальнейшем. Он дарит мне любовь, нежность, уверенность в себе, покой, защиту... заставляет чувствовать себя желанной и... счастливой... Не знаю, как долго это продлится, но я хочу вкусить это чувство, напитаться этими эмоциями до самого конца. Столько, сколько нам отмерит судьба...

— Я хочу тебя, — шепчут мои губы, а тело дрожит от предвкушения сладких мгновений.

— Лица... — шепчет он в ответ, покрывая моё лицо поцелуями. — Сокровище моё...

Его слова плавят меня словно свечу в огне. Сердце поёт и пылает от тепла и нежности, с которыми он их произносит. Целуя, даря горячие и нежные ласки, Маркус медленно стягивает с меня халат и опрокидывает на кровать.

Ночь накрывает нас чувственностью и уносит в свой страстный мир, ломая все нельзя и превращая их в можно. Мы растворяемся друг в друге, лаская и узнавая себя, открывая всё новые грани друг друга и удовольствий. Наше громкое дыхание нарушает тишину гостиничного номера, а стоны лишь подогревают нескончаемую тягу и страсть. Только к середине ночи мы, проголодавшись, прерываемся на то, чтобы поесть. Но и это мы делаем, почти не разнимая объятий, под барабанившие по стеклу и крыше струи ливня. Утомлённые и счастливые засыпаем лишь под утро.

Глава 12/1. АНГЕЛИКА

Время страсти и счастливых мгновений пролетело слишком быстро. Ласковый и манящий океан обещал прохладу и умиротворение. Несколько раз мне даже посчастливилось окунуться в его прозрачные и спокойные воды, конечно, вместе с Маркусом, который был рядом и дарил чувство защищенности. С ним я забыла обо всем. Я больше не боюсь воды, хоть так и не научилась плавать. Крепкие и надежные объятия Маркуса дарят мне уверенность в себе. Я уже не думаю, что все это неправильно, не жалею ни о чем, а просто наслаждаюсь временем, отведенным мне с этим мужчиной. Неделью мы пребываем в раю на этом красивом острове, и нашей идиллии никто не мешает. Не знаю, что послужило поводом и какие слова Маркус нашёл для своего товарища, но они с Хелен улетели, как только стих ураган и прекратился проливной дождь, которые обрушились на нас.

Эти дни мы с Маркусом просто наслаждаемся друг другом, словно молодожёны во время медового месяца. Маркус такой внимательный, он окружает меня заботой и нежностью, только что на руках не носит, хотя и это пытается иногда делать, когда мы гуляем и дурачимся на пляже. А когда наступают моменты близости, он просто накрывает лавиной своей страсти, пробуждая внутри меня, неведомый ранее, огонь. С ним я стала раскрепощённой, уверенной в своей сексуальности и чувственности женщиной. Между нами уже нет никаких границ и запретов, мы полностью доверились и открылись друг другу. Всё свободное время мы проводим вместе, словно боясь расстаться и упустить даже малейшее мгновение.

Маркус ведет семинары, а я, восхищаясь им, ловлю каждое его слово. Он говорит о доверии и теперь я понимаю, что он подразумевает. Он говорит об эмоциях, о любви к себе, к своему внутреннему миру и гармонии с собой, и я знаю, о чём его слова. В каждое слово он вкладывает смысл, что непосредственно касается меня, его, нас. Я понимаю это и внимаю ему, как послушная ученица мастера.

Но все хорошее когда-нибудь подходит к концу, так и наш прекрасный рай в этой стране, завершая свой ретрит. Он помог мне, я изменилась, но скорее, это Маркус изменил меня и оживил. Он показал меня себе настоящую, вынудив наружу все мои ожидания, желания и мечты. Я словно обрела крылья, на которых парю с ним, обретая уверенность в себе и своих силах. Я полюбила себя такой как есть, а не такой, как меня всё время хотели видеть окружающие. Теперь я понимаю, что главное не угодить, не быть для всех удобной, а жить так, как хочу я.

Теперь я боюсь признаться себе, что я больше не хочу возвращаться к прошлой жизни, к Альберту, к старым привычкам. Я больше не та, неуверенная в себе женщина, скрывающаяся за спинами мужчин — отца и Альберта. Я — это я, а не просто чья-то тень. А еще... я не хочу больше без Маркуса. Не хочу быть без него, жить без него, но.... Я не уверена, что смогу сказать ему об этом. Не знаю, какой будет его реакция и разделяет ли он мои чувства? Одно дело остров мечты и отпуск. Я же боюсь того, что будет дальше, по возвращении во Франкфурт.

Я боюсь, что наша сказка — всего лишь курортный роман, приключение... Боюсь себе... ему... признаться, что сомневаюсь в том, что мы вернемся к привычным будням и всё растает как наваждение. Возможно, я накручиваю себя, но понимаю, что чувства к нему уже пустили во мне ростки надежды чего-то большего... Все эти мысли и тревоги беспокоят

меня накануне отлёта и в самолёте, и Маркус замечает моё настроение.

— Лика, — он берёт меня за руку, переплетая наши пальцы, — я чувствую, что тебя снова что-то тревожит.

Я смотрю в его светлые красивые глаза и тону. Понимаю, что влипла... влюбилась... Даже никогда не представляла, что можно так быстро влюбиться, найти смысл в человеке, настолько сблизиться. Даже с Альбертом у нас никогда не было такого понимания, словно две половинки одного целого.

— Я не знаю... просто волнуюсь, — говорю, отводя глаза и смотря в иллюминатор.

— Ты волнуешься из-за работы? Или из-за нас? — он берет меня за подбородок и нежно вновь поворачивает мое лицо к себе. Ну вот опять... он словно читает мои мысли.

— Я... ты... — нервно вздыхаю, не могу сформулировать мысли, да и что я скажу? Правду? Что я не разу за это время не вспоминала мужа? Что я в состоянии найти другую работу, если агентство развалится по вине горе-руководителя? Или то, что меня действительно волнует? Он... я... Мы.

— Ты боишься, но я с тобой, — он крепче сжимает мою руку, глядя в глаза. — Не бойся, все будет хорошо, и мы во всем разберемся.

Это его “мы”, которое за эти дни так часто проскакивает в наших разговорах. Он говорит это как психолог или...

— Ты прав, мне страшно, — не могу скрывать от него. — Я чувствую, что мыслю теперь по-другому. Боюсь всех последствий и изменений, что со мной произошли.

— Не стоит. Все происходит всегда вовремя, и ты справишься со всем. Я повторюсь: я рядом и никуда не денусь, — смотрю ему в глаза, читая в них уверенность в произнесённых словах, которая передаётся и мне.

Решаюсь задать вопрос, но пилот объявляет начало посадки, и он теряется где-то в дальних уголках моей памяти. Нас трясет не по-детски и я, неосознанно, нахожу руку Маркуса. Он сжимает мою ладошку снова передавая свою уверенность и спокойствие. Шасси касаются посадочной полосы и, сжимающий сердце, страх отступает. Я выдыхаю, накопленный в легких, кислород и аплодирую пилоту в унисон с другими пассажирами.

Достаю телефон и решаюсь включить его. Тут же приходят уведомления о пропущенных звонках и голосовых сообщениях, но я не обращаю на это внимание. Захожу в электронную почту и пробегаю глазами по письмам. Реклама, разгневанный заказчик, снова реклама и множество не особо интересных писем от Альберта. А это что такое? Ничего себе...

Заседание совета директоров состоится сегодня, по причине некомпетентности и профессиональной непригодности нынешнего руководителя компании. Вот это я пропустила недельку... Смотрю в панике на часы и понимаю, что если поеду прямо в офис, то вполне успею. Заметив мою нервозность, Маркус взволновано интересуется произошедшим.

— Лика, все в порядке?

— Мне срочно нужно на работу. Как можно быстрее.

— Понял. Тогда нам поможет такси и... я провожу тебя. И это не обсуждается, — он притягивает меня к себе и обезоруживающе целует.

Я сразу же сдаюсь. Как можно с ним спорить.

Выйдя из здания аэропорта и пройдя все надлежащие проверки, мы спешим к ближайшей желтой машине.

Четко называю адрес моего офиса и в нетерпении ерзаю на заднем сидении, уже

обдумывая и представляя, что меня ждет. Вкратце объясняю Маркусу причину такой срочности. Он никак не комментирует, а только высказывает слова поддержки, не отпуская мою руку.

Подъехав к высокому зданию фирмы со стеклянным фасадом, Маркус выходит меня проводить. Наскоро прощаясь, все же задерживаюсь в его объятиях. Он меня нежно целует в губы, а я так не хочу покидать его руки, жмусь и снова целую. Наш поцелуй затягивается, а руки Маркуса сжимают меня сильнее, не желая отпустить.

— Мне нужно бежать, — шепчу, нехотя размыкая поцелуй.

— Беги, — шепчет он в ответ, продолжая держать.

— Отпусти меня, — улыбаюсь я. — Сама я не решусь.

— До скорой встречи, — Маркус снова касается губами моих и отпускает. — Позвони мне, как освободишься. Я буду ждать.

— Конечно, — отвечаю, глядя в серые глаза, и, подхватив чемодан, иду в офис.

Еле сдерживаюсь, чтобы не обернуться, потому что знаю, что желание быть в его объятиях снова захлестнёт меня.

В офисе никто даже не подозревает, что я вернулась из отпуска. Работники, которых я встречаю на своем пути, удивленно здороваются. Я вежливо отвечаю, но целенаправленно продолжаю следовать в большой зал для переговоров. Оглядев себя, понимаю, что в летнем сарафане и в босоножках являться на серьезное собрание акционеров — это не дело. Сворачиваю в свой кабинет, вспомнив, что там всегда висит запасной деловой костюм. Оказавшись правой, не медлю ни секунды. Очаровательные чулки и туфли на высоком каблуке нахожу там же. Быстро переодеваюсь и спешу в зал для переговоров. Немного опаздываю, так что думаю, все уже там.

— Добрый день, Агнес, — приветствую секретаря, спешащую в переговорную.

— Фрау Штайн, — удивляется она, — добрый день. Вы вернулись?

— Да, — улыбаюсь ей в ответ, — и я буду вам признательна за чашку кофе, — не давая ей продолжить, прошу я.

— Вы хорошо выглядите, — улыбается Агнес, перенимая мой чемодан. — Такой красивый загар. Вам идёт.

— Спасибо, — вежливо отвечаю, и при воспоминании о днях, проведённых в раю с Маркусом, тепло разливается по телу. Наверное, даже мои щёки покрываются румянцем, потому что Агнес расплывается в понимающей улыбке

— Гер Ритгер оставлял для меня документы?

— А, да, конечно, — девушка торопится к своей стойке и протягивает мне папку с документами, которые я попросила подготовить своего юриста, позвонив ему ещё со Шри-Ланки.

Глубоко вобрав воздух в легкие, стремительно открываю дверь и застываю на пороге. Все руководители и инвесторы оборачиваются на меня. Речь тут же прерывается, и в тишине, в самом дальнем углу что-то с грохотом падает на пол. Прослеживаю глазами и замечаю Ханну, которая стоит возле Альберта, а вокруг разбросаны листки документов. Значит все ложь... значит он опять врал мне... Он гневно смотрит на меня, даже не удивляясь моему появлению.

— Лика? — замечаю отца, который также удивленно, как и другие, обращает на меня взгляд. Потом сообразив, поднимается и идет ко мне.

— Ангелика, это прекрасно, что ты успела, — обрадованно говорит папа и проводит к

моему месту. Он помогает сесть по правую руку от себя. Странно, обычно только Альберт достаивался такой привилегии. Что же случилось пока меня не было?

— Прошу прощения, господа, за опоздание, — говорю я, садясь в кресло.

— Мы очень рады, фрау Штайн, что вы присоединились к нам, прервав свой отпуск, — вежливо отвечает Лукас Прайс — один из акционеров компании.

— Прекрасно выглядите. Отдых вам к лицу, — поддерживает его главный юрист Алекс Риттер.

— Благодарю, господа, — слегка улыбаюсь я, принимая комплименты. — Надеюсь я не пропустила самого главного?

— Мы только начали, — серьёзно говорит папа и пристально смотрит на Альберта.

Я замечаю, что его взгляд на зятя изменился. Он полон разочарования и холода.

Старший бухгалтер начинает первым свой отчёт по финансовому положению компании, из которого мы узнаём, что компания в довольно затруднительном положении. Есть отказы от заказов, по которым пришлось вернуть предоплаты. Поступление денег значительно сократилось из-за малого количества новых заказов. Мы уже не в силах вовремя погасить долговые обязательства по кредитам и перед поставщиками, а со счетов компании за три месяца были совершены переводы, неподкреплённые никакой отчётностью.

— Незапланированные бюджетом траты? — удивляюсь я.

— Именно, — подтверждает гер Метцгер.

— И как это могло произойти? — серьёзно спрашивает папа.

— Э-э... — мнётся бухгалтер.

— Как вы могли это допустить, — чувствую, что отец начинает негодовать.

Слушая информацию, я удивляюсь доводам работников. По всему получается, что Альберт совсем не прекрасный руководитель, каким его считали. А даже наоборот, расточитель и транжира. Вместо того, чтобы следить за работой компании, он практически разорил ее. И как давно это началось? Как я могла быть слепа? Хотя я была всегда занята творческой работой, финансами никогда не занималась. Это было всегда его обязанностью, как управляющего директора.

Почти все участники собрания, являющиеся подчинёнными Альберта, прячут взгляд, а акционеры, составляющие совет директоров, перешёптываются.

— Как вы это объясните, гер Майер? — твёрдо произносит гер Прайс, сверля Альберта жёстким взглядом. — Вы можете обосновать такие траты? — спрашивает он, постукивая ручкой о свой экземпляр финансового отчёта, который лежит перед каждым участником собрания.

Мой муж мнётся, и гер Прайс добивает его:

— Интересные сноски гласят, что спа-салон, бутик Дольче Габбана, счета из одного из самых дорогих отелей Милана три раза за последние два месяца, какое совпадение с вашими деловыми командировками и выходными днями, — делает он ироничное отступление, — имеют баснословные чеки. А также, — мужчина перелистывает страницу и взглядом ищет нужную запись, — денежный перевод значительной суммы на офшорный счёт. У вас есть объяснение для нас?

Альберт молчит. Конечно, чем тут возразишь. Я поражаюсь, как можно было быть настолько беспечным и несерьёзным. Неужели он не понимал, что это всё вскрыется?

Гер Прайс снова смотрит в документ и перелистнув страницу, снова поднимает взгляд на Альберта.

— В дополнение к этому, я вижу оплаченные авиабилеты на имя вашей милой помощницы, которые совпадают с датами, что и оплата за номер в Милане, а также в Ниццу, — иронично продолжает он, явно намекая на их связь, а я закрываю глаза. Мои щёки горят от стыда, когда я слышу тихое перешёптывание остальных. — Гер Риттер, подготовьте документы на увольнение фрау Лерке. Её работа слишком дорого нам обходится, добавляет мужчина, посмотрев на главного юриста.

Я поднимаю взгляд на Альберта, который в абсолютной растерянности. Он сейчас выглядит как провинившийся школьник. Самоуверенность его явно подвела. Руководя

компанией, он почувствовал себя её хозяином, но реальное положение спустило его сейчас на землю. И это приземление было очень неприятным. Управляющий директор — это совсем не то же самое, что владеть ею и распоряжаться финансами как заблагорассудится. Ханна же несколько не была смущена или расстроена. Гордо вздёрнув нос и откинув прядь волос, она смело заявила:

— Вы не имеете право меня уволить. Только управляющий директор вправе подписывать приказ об увольнении.

— Так, милая леди, гер Майер с сегодняшнего дня больше не является ни управляющим, ни вашим непосредственным руководителем. Результаты его работы нам вполне понятны. Но голосование мы все же вынуждены провести в соответствии с протоколом. Так что, предлагаю голосовать, — и он, не церемонясь и не откладывая все в дальний ящик, начинает голосование. — Кто за отстранение гера Майера с руководящей позиции компании? — гер Прайс поднимает руку.

Удивительно, но все медленно поднимают руки и первым после Прайса мой отец. Я же задумываюсь, словно находясь в прострации, сижу, не двигаясь и не отрывая взгляд от Альберта. Удивительно, но неделю назад я его ненавидела и хотела, чтобы ему было больно, но сейчас... у него такой растерянный вид, что мне его даже немного жаль. Всё же... мы долго были близки...

— Фрау Штайн, вы воздерживаетесь? — заинтересовано смотрит на меня гер Гудерман.

— Да, — очень тихо выдыхаю.

Грудь сдавливает, дышать почему-то тяжело, словно на неё лёг тяжёлый груз. Не могу я... Не смотря на то, что он причинил мне боль, предал меня и компанию, я не могу...

Может, он не оценит, но хотя бы для себя, я остаюсь верна ему. Верна... От этой мысли мои щёки снова начинают полыхать жаром, и я начинаю быстро моргать, чтобы подступающие слезы не полились от переизбытка чувств. Но следующая фраза гера Прайса выбивает у меня почву из-под ног окончательно.

— Предлагаю фрау Штайн на должность управляющего директора, — серьёзно произносит он, и я оборачиваюсь на папу. Он согласно кивает головой, а потом тихо мне говорит:

— Ты справишься.

Я полностью забываю про переживания об Альберте, потому что теперь сама в центре внимания.

— Я... но... — пытаюсь удивлённо возразить.

Отец не дает мне вставить и слово, сразу восторженно подхватывает:

— Прекрасная идея. Кто сможет лучше справиться с фирмой, как ни Ангелика. Она ведь всё свободное время посвящает ей, можно сказать живёт в офисе, — я опускаю глаза, утопая в противоречивых мыслях.

Папа продолжает, обращаясь ко мне:

— Ты досконально знаешь всю специфику работы и процесс.

— Но я ничего не смыслю в финансах, — снова пытаюсь возразить, а от волнения дыхание перехватывает. Я боюсь такой ответственности. — Творческая сторона — это моё, ты прав, но управление всей компанией...

— Для этого у вас, фрау Штайн, есть целый штат сотрудников. Они помогут и посоветуют, а для вашей большей уверенности, я лично, всегда рад буду помочь советом, — доброжелательно улыбается мужчина, отчего в уголках его глаз собираются морщинки. В его

голосе звучит искренняя симпатия, и мне становится немного спокойнее. Хотя я и не понимаю с чего такое доверие. Ведь я всё же ещё жена того, кто, по сути, обворовывал компанию. Не понимаю... Но тёплый взгляд мужчины почему-то вызывает доверие, и я сдаюсь.

— Ну если так обстоит ситуация, то я попробую оправдать ваши ожидания, — улыбаюсь в ответ мужчине.

— Вот и прекрасно, — говорит он с улыбкой. На мгновение замирает, пристально глядя мне в глаза. Потом переключается на подавленного Альберта, и продолжает: — Осталось соблюсти формальности и всё задокументировать. Гер Майер, думаю, вы догадываетесь, что в связи с открывшимися обстоятельствами совет директоров не может больше наделять вас руководящими полномочиями?

— Но, моя жена... Я ... Она не... — пытается что-то придумать Альберт. Но чем тут можно аргументировать.

— Гер Майер, как и любая ответственная и серьезная компания, — снова берёт слово гер Прайс, — мы предлагаем вам погасить долг и продолжить работу в компании. Но сами понимаете, в связи с недоверием к вам, Фрау Штайн подберет для вас более подходящую должность. Например, курьер или младший помощник.

— Какой курьер? О чем вы? У меня диплом MBA!

— Но это всё формальности, которые новый управляющий сама решит, — мужчина обращает взгляд на меня, показывая всем видом, что в данном вопросе полностью доверяет мне. — Кстати, о долге. Вы знаете точную сумму, которую необходимо вернуть фирме? Если нет, то Гер Риттер с удовольствием предоставит вам все документы, — Прайс испытывающе сверлит глазами Альберта, что тот аж голову вжимает в плечи.

— Да где я найду эту сумму? Вы смеетесь?

— Знаете, вам необходимо было подумать об этом раньше, когда вы тратили её. Но, сейчас же это не представляет никакой сложности. Банки работают с восьми утра до восьми вечера. Там вам с радостью выдадут кредит.

— Издеваетесь?

— Совсем нет. Советую.

Вижу, как у Альберта ходят желваки, он стискивает зубы, но больше не возражает. Просто резко разворачивается. Отталкивая Ханну со своего пути, которая пытается его ухватить за руку, вылетает из переговорной, громко хлопнув дверью.

— Что ж, считаю наше заседание вполне продуктивным и на принятии этих решений оконченным. Остальные формальности уладят гер Риттер и гер Метцгер.

Мужчина встаёт и, вежливо пожав всем руки, а мою поцеловав, что вводит меня в недоумение и растерянность, прощается. Многие, расслабившись после официальной части, тихо обсуждают произошедшее, поглядывая в мою сторону. Папа поздравляет меня и говорит слова поддержки, а мои мысли в полном хаосе. Никак не могу отойти от того, что сейчас произошло. Вспоминаю, что передо мной лежит папка с документами на развод.

— Пап, извини, но мне нужно решить ещё один важный вопрос.

— Конечно, — он с пониманием смотрит на меня.

Решительным шагом направляюсь в кабинет Альберта, бывший кабинет, надеюсь, что он ещё там. У двери немного задерживаюсь, услышав писклявый голос Ханны, звуки разбиваемых предметов и негодование мужчины, который только что лишился всего.

Он не своим голосом кричит на Ханну и крушит все вокруг. На мгновение моя

природная скромность не даёт мне вторгнуться в конфликт, но набрав в лёгкие воздух, решаюсь. Нужно сделать шаг вперёд, оставив всё это в прошлом и начать новую жизнь.

Толкая полуоткрытую дверь, наблюдаю за слезами выбегающей девушки. Она была слишком самонадеянной, но Альберту теперь не до неё. Уверена, что на траты его подбила именно она. Удивительно, как мужчины могут терять голову, попадая в сети хищниц. Войдя в кабинет, вижу, что мой бывший в гневе сметает все со стола и полки. Вокруг уже негде ступить от осколков и разбросанных вещей.

— Это ты виновата, — почти шёпотом, произносит он, но я его прекрасно слышу. Наверное, именно эти же обвинения только что он бросал своей любовнице, а теперь в поле его ярости попадаю я.

— Ты думаешь? — спокойно произношу я, не двигаясь с места.

— Ты всегда считала меня недостаточно хорошим руководителем, не поддерживала меня, — сквозь зубы говорит он. — Завидовала, что твой отец доверяет мне. Мечтала занять моё место.

— Да я только и делала, что поддерживала тебя всегда и во всем, и всю работу по проектам тянула на себе.

— Поддерживала... — ухмыляется он саркастично. — Ты постоянно мне указывала на мои ошибки, тыкала носом...

— Я... — возмущение от несправедливых обвинений захлёстывает меня. — Я только хотела дать совет, если видела, что он тебе нужен. А Ханна... Она пользовалась тобой, чтобы получить доступ к финансам, а ты как идиот повёлся, потерял трезвый ум. Видимо, он весь в другую голову ушёл, — не сдержавшись от сарказма, окончательно перехожу на откровения.

— Ты обвиняешь меня в измене, — гневно смотрит на меня, выплёвывая слова, — а сама, наплевав на все, связалась со своим докторишкой. Ты спишь с ним?! — не сдерживая эмоций, муж уже кричит мне прямо в лицо. — Ну чего же ты молчишь?! С ним же в отпуске трахалась?

— Не твоё дело! — срываюсь теперь уже я.

— Уверена? Ты моя жена и это как раз моё дело!

— Кстати, — вспоминаю причину своего прихода, — это ненадолго, — я кидаю на стол папку с документами на развод. — Вот, посмотри, пожалуйста, и поставь свою подпись. Детей у нас нет, так что делить нам особо нечего.

— Что это? — он смотрит на меня растерянным взглядом.

— Это документы на развод, — поясню я то, что, в принципе, и так понятно. — И я хочу, чтобы ты не затягивал с их подписанием.

— Торопись к своему психологу-любовнику?

— Не твоё дело, — уже не в силах продолжать разговор в таком тоне. Хотела же всё мирно решить...

Уже разворачиваюсь, чтобы уйти, но останавливаюсь, оглянувшись. Внутри меня всё клокочет от всей этой неприятной ситуации. Такого стыда, как сегодня из-за своего благоверного, я ещё никогда не испытывала. Мне удаётся немного успокоиться, и я тихо говорю:

— Надеюсь, ты понимаешь, что работать вместе мы теперь тоже уже не сможем.

— Лика...

— Твои дни в компании сочтены, особенно, после представления, что ты устроил

сегодня. Так я еще не была тобой унижена, даже когда узнала про Ханну. Как ты мог предать то, что мы создавали? Как такое вообще пришло тебе в голову? Платить со счетов компании за ваши развлечения — это неслыханная наглость. Похоже, с Ханной ты лишился здравого ума.

Альберт не смотрит мне в глаза, опустив голову. Отворачивается к окну и закрывает глаза. Шумно выдыхает. Похоже осознал... или просто огорчен, что всё вскрылось? Если осознал, то поздно. Теперь, чтобы вернуть доверие людей в нашем бизнесе, ему придётся очень сильно постараться. На это могут уйти годы.

Все бурлит внутри, напряжение, самоедство последних дней и копание в себе, все готово вырваться наружу. Пока я мучилась угрызениями совести от встречи с человеком, которого, может подарила мне судьба, мой непутевый муж, жил для себя и развлекался налево и направо. Хватит, вся моя жалость испарилась в переговорном зале, где десятки осуждающих глаз были направлены на меня. А теперь, да пусть хоть будет умолять, хоть ползать на коленях. Я больше не мягкая и покладистая «никто», я больше не хочу, чтобы на мне ездили все, кому придет это в голову.

— И, пожалуйста, собери свои вещи сегодня. Я хочу завтра вернуться в свой дом и тебя там не обнаружить.

— Это и мой дом. Ты забыла? — рычит муж. — Пока я твой муж, я никуда не уеду.

— Как ты себе это представляешь? — возмущаюсь я. — Думаю, что любимая Ханна тебя приютит, пока вопрос с разводом не решится.

Слышу его неразборчивое ворчание, но я знаю, что абсолютно права. Больше, мне нечего добавить. Пусть мириться с ситуацией, в которую сам же себя и загнал.

— Знаешь, Альберт, а ведь этот дом достался мне от мамы. И ты не имеешь права ни то, чтобы на его часть, а даже на его малюсенький кусочек. Так что, сегодня, я напоминаю, прошу покинуть МОЙ дом.

Сказав это, мне даже становится как-то легче на сердце. Удаляюсь от растерянности мужчины, не прекращающего стрелять гневными взглядами. Иду все дальше, а мои мысли уже летят впереди меня к тому, кого моё сердце хочет видеть, кто ждёт меня. Выйдя из кабинета, смотрю на телефон, где вижу сообщение от мужчины, которым сейчас заняты мои мысли: «У тебя всё хорошо?». Эта простая и короткая фраза заставляет меня улыбнуться, несмотря на всё, что сейчас произошло. Так мало нам нужно в жизни для радости — только доброе слово, нежный взгляд и капелька заботы.

Набираю вызов, спускаясь с чемоданом в лифте.

— Привет, сокровище моё, — от этих слов, сказанных любимым голосом, сердце начинает танцевать, и я почти забываю неприятный разговор с бывшим. — У тебя всё хорошо?

— Как услышала твой голос, стало лучше.

— Проблемы? Ты где?

— Приютишь меня на ночь? — смеюсь я.

— Хоть на всю жизнь, — серьёзно отвечает, и я чувствую, как сердце в груди замирает. — Только, я заехал в офис.

— Тогда, я приеду туда.

— Жду тебя.

И я уже спешу к нему на встречу, разгоняя все неприятности и проблемы, предвкушая его сладкий поцелуй и наши долгие, такие необходимые мне сейчас, объятия.

Глава 13/1. МАРКУС

Приезжаю в офис за документами, рассматриваю план на будущую неделю, а все мои мысли о Лике. Как она там выдерживает натиск мужского давления отца, мужа? Мужа... От этой мысли тревога скребёт внутри. Несмотря на наш райский отпуск и страстный секс, чувственные признания в том, что мы необходимы друг другу, не могу отделаться от мысли, что всё зыбко. Вдруг она поддастся былым чувствам, убеждению Альберта всё вернуть? Лика такая чуткая, такая ответственная. В ней так крепко сидит послушная девочка, которую ей удалось отпустить на время нашего пребывания на Шри-Ланке. Но тут... тут всё может растаять как дым... Нам нужно больше проводить времени вместе, говорить, чтобы она окончательно стала собой, выпустила свою сущность на свободу и жила в своё удовольствие, а не в угоду остальным.

На глаза попадается один из моих блокнотов, в которых я делаю записи во время сеансов. На этом надпись: «Ангелика Штайн».

Последняя запись: «... эмоциональное истощение... Рекомендации: яркие хорошие эмоции...» Вот это точно в цель подобранное лекарство. Я не похож на моих коллег, не пользуюсь общепринятыми правилами и не работаю по сценарию, который изучают в университетах на факультетах психоаналитиков и психологов, и различных других направлениях. Но это... Это уже слишком. Я её психотерапевт. Наблюдатель, советчик, если хотите, но то, что произошло между нами... Это не лезет ни в какие рамки дозволенного. Теперь мне придется отказаться от консультаций, она больше не может быть моей пациенткой. Только даст ли она мне шанс стать кем-то больше, чем просто её психологом? Или то, что было между нами на Шри-Ланке — мимолетный выброс гормонов, простое одноразовое действие. Хороший вопрос, но задавать его нужно ей, а не мне. Моя бы воля, я бы просто больше её не отпустил. Совсем. Привязал бы к себе, если это понадобится, и физически тоже.

Её звонок обрадовал меня. Сегодня нас ждёт ещё один прекрасный вечер вдвоём. И ночь... от этой мысли меня охватывает возбуждение. Лики ещё нет рядом, а я уже предвкушаю нашу встречу, как самый желанный подарок, и радуюсь, как мальчишка.

Спешу закончить все приготовления к предстоящей неделе. Успеваю буквально за секунду до сигнала домофона. Открыв дверь, вижу её взволнованное лицо с румяными щёчками. Волосы небрежно лежат на плече, словно развевались ветром, а глаза сияют азартом. Она прижимается ко мне, заговорчески улыбаясь.

Я не успеваю сказать ни слова, как она целует меня. Мы проходим внутрь, не разрывая поцелуя, и закрываем за собой дверь. Её чемодан остается там же, у входа. Не в силах остановиться и оторваться друг от друга, медленно продвигаемся вглубь моего кабинета, по пути стаскивая друг с друга одежду. Лика нетерпеливо расстёгивает пуговицы на моей рубашке. Она меня немного ошеломляет таким напором и страстью, которого я совсем не ожидал. Такой я её вижу впервые. И я совсем не думаю её останавливать, а с такой же страстью отвечаю на её ласки и поцелуи. Спиной чувствую диванчик, что встает у нас на пути. Лика смело толкает меня на него и остатки нашей одежды разлетаются в разные стороны.

Очарован ею и не могу выразить словами то, что чувствую. А надо ли? Наши тела, наши эмоции, переполняющие нас, говорят всё сами. Мы жаждем друг друга так, словно не

виделись вечность. Провожу руками по изгибам, целую животик, сминая упругую попку и прижимая к себе. Она пальчиками ворошит мои волосы, гладит плечи и смело садится сверху. Сквозь кружевные трусики чувствую какая она горячая и влажная и наслаждаюсь её запахом, вкусом, выводя влажные линии вокруг сосков. Постанывая, она трётся об меня, ласкает руками и в нетерпении теснее льнёт к моему стояку, который готов взорваться от желания быть в ней. Лика, словно прочитав мои мысли, сама насаживается на него. Испытываю неопишное наслаждение, оказавшись в ней, и сразу задаю бешеный темп нашей страсти.

Её несдерживаемые стоны срывают мне голову напрочь. Приятное понимание того, что мы единое целое, что ей со мной хорошо, вызывает восторг. Учащенное дыхание, кружащее голову, и стремление доставить неопишное удовольствие заставляют двигаться быстрее, и я помогаю ей поддерживать ритм, крепко сжимая её аппетитную попку. Наблюаю за её красивым, просто божественно притягательным лицом. На нём читается выражение, от которого сердце стучит быстрее и почти выпрыгивает из груди. Желание, вперемешку с одурманивающей похотью переполняют её и меня. Лика закусывает губу, что только придает милой мордашке оттенок страсти и немного игривости. Я улетаю. Непослушные локоны, спадающие ей на лицо, торопливые и резкие движения, когда она их убирает и продолжает нестись, как наездница, навстречу финишу. Я вижу, что ей хорошо. Её полуприкрытые, подернутые возбуждающей дымкой желания, ярко голубые глаза, дрожащие ресницы и капельки пота, выступившие на теле, подтверждают это. Сексуальная, страстная, необузданная...

Её тело принимает меня все глубже и глубже. Она прижимается ко мне все теснее, а я, кайфуя и не веря своему счастью, сжимаю её ягодицы и отчаянно насаживаю на себя. Сдерживать себя больше не имеет смысла, при каждом последующем проникновении, Лика стонет все громче, так чувственно и естественно, что не остается сомнений — это не игра. Ей нравится, она улетаёт от кайфа вместе со мной. Неосознанно царапает мои плечи, изредка наклоняется и, роняя свои длинные золотистые волосы мне на лицо, страстно целует, жадно переплетая язык с моим. Девочка моя, волнующая, будоражащая и разгоряченная.

Волна финальной эйфории накатывает все сильнее, и я сдерживаюсь из последних сил. Но, когда Лика громко выдыхает, эротически выгнувшись всем телом, и сжимается от охватившего её оргазма, я пропадаю. Издав подобие стопа или даже рыка, еле успеваю поднять её и кончаю прямо на смятый плед, исполняющий здесь чисто декоративную роль. Вязкая жидкость растекается напомианием безумного приступа, всего необузданного и стремительно произошедшего с нами. Сексуальные трусики, ажурные и маленькие возвращаются на свое место, не особо прикрывая сладкую дырочку такую тугую и мокрую. Чулки сползли с одного бедра, очевидно моими усилиями. Она продолжает содрогаться всем телом и, не переставая шумно и отрывисто хватать воздух ртом, падает мне на грудь. Наездница моя, подарок судьбы. Крепко сжимаю в объятиях, поддаваясь порыву. Вдыхаю приятный кокосовый аромат, и дурманящее чувство радости заполняет всё внутри меня. Она настоящая, такая офигенная и божественная.

Лежим так, пока не восстанавливается дыхание. Затем она отстраняется и смотрит на меня своими глубокими, немного солнечными в отдалении, глазами. Сладкая и желанная.

— Я...

Тороплюсь поцеловать. Нет, это не закрывание её сладкого ротика, хотя и может так

показаться. Я просто не хочу слышать оправдания, сожаления или что там она готова произнести. Не сейчас, не стоит. Надеюсь, в моем поцелуе она разглядит то чувство, что сейчас бурлит во мне как водопад эмоций. Озвучить его вслух я не смогу. Кайф, чистый, ни с чем несравнимый передоз адреналина, вперемешку с эндорфином и миллионом других ярких чувств.

Мне кажется, она поняла. Думаю, внутри у неё всё обстоит именно так, как и у меня. Тихо прижавшись ко мне, проводит своими маленькими пальчиками по предплечью, шее, подбородку, переходит на лицо. Задерживается на губах, но двигается дальше к глазам. Заставляет закрыть их, целует очень нежно в веки, проходит мелкими, волнующими прикосновениями губ по всему лицу и вновь продолжает путь. Мочка уха получает внимание и, когда её маленький, острый язычок проходит по шее, я не сдерживаюсь.

— Ли́ка... — хрипло шепчу.

Теперь она накрывает губами мои, и наш поцелуй, кажется бесконечным, глубоким и уносящим в новую пучину страсти. Мой член снова поднимается в предвкушении продолжения, но тут всё заканчивается. Ли́ка поднимается на ноги, игриво подмигивает мне и посылает воздушный поцелуй. Вот проказница, еще дразнит меня. Она собирает свои вещи, разбросанные в порыве страсти, и исчезает в уборной. Я же, остаюсь с досадным чувством ненасытности. Поднимаюсь с дивана и окидываю взглядом кабинет. Не спеша одеваюсь и собираю разбросанные ручки, бумаги и блокнот. Никак не могу понять, почему же я не встретил её раньше? И как её бывший муж только мог изменить такой женщине? Называть её фригидной и ледяной? Где лёд? Где бесчувственность? Она создана для любви, для ласки и... для секса. Почему только сейчас мы встретились?

Мои мысли прерывает тихо приоткрывающаяся дверь. Ли́ка неловко выходит на своих высоких каблуках и направляется к тому самому дивану, где только что... Ох, лучше не вспоминать, сразу в штанах становится тесно. Опять! Как будто ещё несколько мгновений назад ничего и не было. Её юбка-карандаш, подчеркивает аппетитную фигуру, а шелковая блуза, скорее открывает, чем скрывает, высокую, упругую грудь в вырезе. Не могу сдержаться и притягиваю её к себе. Зарываюсь руками в золотистых локонах и целую. Чувственно, сладко, словно вкушая самый вкусный нектар, собираю влагу с её губ, и Ли́ка отвечает тем же, прижимаясь к моим бёдрам своими.

— Как прошел твой день? Я скучал, — наконец-то спрашиваю, оторвавшись от мягких губ.

— И я скучала, безумно, — улыбается моё сокровище и трётся носиком о мой нос. — Я ужасно голодная.

— Тогда поехали ко мне. По пути расскажешь, какие события сегодняшнего дня, превратили тебя в такую фурию, которая не оставила мне даже ни малейшего шанса к медленной и длинной прелюдии.

Она запрокидывает голову и игриво смеётся. Закусывает губку и смотрит прямо в глаза манящим взглядом. Просто удивительно, как она раскрылась за такой короткий срок. Или может быть она всегда и была такой, просто её муж не мог разбудить в ней всё это? Может он даже не старался?

Ли́ка обхватывает мою шею руками и мягко целует в губы. Дразнит язычком и, улыбнувшись, снова целует. Во мне снова кипит желание. Я не успел насытиться, насладиться моим сокровищем, но думаю, что дома лучше продолжить. У нас вся ночь впереди и утро...

Глава 13/2. МАРКУС

Такси довозит нас довольно быстро, и мы уже входим в мою холостяцкую обитель. Сначала мы забираем Рокки у моего хорошего друга, который живет на соседней улице. Пес так рад меня видеть, что чуть не сносит меня с ног, а его хвост как маятник, ходит из стороны в сторону, не переставая.

Сильным рывком Рокки опрокидывает меня на траву, а сам забирается сверху и нагло оставляет на мне килограммы слюней.

— Рокки, мальчик, я тоже рад тебя видеть, приятель, — беспомощно пытаюсь остановить его попытки утопить меня и тереблю за уши и щёки.

— Он очень скучал, Марк. Я хотел уже звонить тебе. Ты вовремя, — вводил меня в курс дела друг.

— Спасибо тебе, Лукас, — жму другу руку, успокоив наконец-то Рокки.

Он переключился на Ангелику, а я засмотрелся на это зрелище. Мне всегда хотелось, чтобы моя девушка любила этого пса также, как люблю его я.

Рокки падает передними лапами в ноги Ангелике и смотрит на неё преданными глазами. Лика треплет его за ухо, а он поворачивается на бок, подняв переднюю лапу и открыв живот для поглаживаний.

Попрощавшись с другом и поблагодарив его за помощь, пришлось прервать идиллию между Ангеликой и Рокки.

Прогуливаясь по вечерней тихой улочке, в направлении дома, я ощущаю полное счастье. Мое сокровище прижимается ко мне, а я обнимаю её и целую в висок. Пес бегает вокруг нас, играя и радуясь, а мы просто наслаждаемся моментом. Мне бы хотелось так с ней всегда гулять по вечерам. Вообще быть с ней рядом, ощущать её аромат, нежность губ, прикосновения, близость...

Дом встречает нас прохладой, все жалюзи опущены, поэтому дневное солнце не смогло пробраться внутрь. Рокки пробегает вглубь дома. Соскучившись, обнюхивает свои владения. Немного успокоившись, что всё на месте, в том числе и мы, он ложиться на свой лежак в ожидании ужина.

За время нашего пребывания в маленьком, солнечном раю, я уже знаю, что Лика любит и заказываю нам ужин в своём любимом ресторане. Усталость перелета и длинный напряженный день, отбивают желание готовить.

— Я приму душ?

— Конечно, располагайся.

Через десять минут, я не успеваю раздеться, как Лика выходит свежая, с мокрыми волосами, обёрнутая в полотенце, и мой взгляд зависает на ней. Она лёгкой походкой приближается и льнёт ко мне, обхватив руками за талию.

— Я ведь так могу и забыть про ужин, — шепчу в губы, что целуют меня.

— Ну уж нет, — смеётся, — я ужасно голодна. Поэтому, — закусив нижнюю губу, она ведёт пальчиком по моей обнажённой груди, прессу до самой линии брюк. Снова поднимает на меня многообещающий взгляд, — сначала еда, потом всё остальное.

Ужин доставили быстро и мы, расположившись в гостиной, с аппетитом ужинаем. Рокки тоже получает свою заслуженную порцию, от чего, думаю, радуется еще сильнее. Пока мы ехали в такси, Лика рассказала мне события сегодняшнего дня, немало удивив и

порадовал. Теперь же тема продолжилась.

— Как думаешь, я справлюсь с ролью главы компании? — пережевывая очередной кусочек, вдруг спрашивает Лика.

— Даже не сомневаюсь в тебе. А ты?

— Если честно, то мне немного... волнительно...

— Да, так бывает, когда не ожидаешь, что другие люди так возвышают тебя и доверяют сложное дело. Но, подозреваю, что они не стали бы этого делать, если бы не рассчитывали на то, что у тебя все получится. Теперь дело за малым — поверить в себя.

— Да, но именно это меня и пугает, Маркус. Вдруг я не справлюсь и подведу всех. Вдруг я окажусь плохим руководителем?

— Но, ты ведь и так была руководителем? Ничего ведь не изменилось? Просто теперь в твоём подчинении немного больше человек.

— Немного? Ты преувеличиваешь, это значительно больше. А финансы? Я никогда не управляла финансами...

— Все равно ты справишься со всем. Тем более, тебе предложили помощь.

Ангелика задумывается. Потом улыбается, но я вижу в ней какую-то напряжённость.

— Как на это отреагировал Альберт?

Она вздыхает, делает глоток вина, и, словно вспоминая их разговор, а может справляясь с эмоциями, обуревавшими ею, отвечает:

— Он был растерян, но думаю, предполагал такой финал. А еще... Я отдала ему документы на развод, — повисает тишина, и я в который раз рядом с этой женщиной теряюсь. Я не знаю, что сказать. Снова... Если я обрадуюсь, будет очень явно моё отношение ко всему, а если расстроюсь, она может все неправильно понять. Кто я теперь? Психотерапевт или мужчина, жаждущий быть с этой умопомрачительной женщиной? Ведь эти две роли несовместимы.

— Я...

— Что ты испытала при этом? — решаю, что лучше переключить её внимание на её чувства и оттянуть время на реакцию.

— Честно... Мне стало как-то легче и, возможно, спокойней. С меня словно сняли темные очки, которые не давали увидеть настоящую картину вокруг меня. Настоящего Альберта, — она вздыхает, опустив глаза на бокал, который поворачивает пальцами за ножку, — который, оказывается, и не любил меня никогда. Я была так слепа, что не замечала очевидное. Только сейчас я поняла, что наши отношения всегда были далеки от идеальных. Ты... — она поднимает на меня свои красивые глаза и продолжает: — показал мне какая я на самом деле. Какой я могу быть, когда чувствую себя свободной от мнения других, от давления...

Я протягиваю руку через стол и сжимаю её тонкие пальчики. Подношу мх к губам и целую каждый. Глаза Лики искрятся нежностью, и я тону в её взгляде. Прижимаю её ладошку к щеке, и она проводит большим пальцем по моим губам.

— Ты стал для меня таким близким, — шепчет она. — Ты открыл мне саму себя, помог поверить в свои силы... А еще, ты показал мне каково это быть по-настоящему желанной, — она сглатывает от волнения, — а не просто исполнять долг любящей супруги. Я думала... думала, что любила Альберта... Но, кажется, моя юношеская влюблённость растаяла в реальности, как дым, а я всё не замечала этого и по инерции продолжала убеждать себя, что люблю... — глаза Лики загораются. Она подаётся вперёд, и наши лица приближаются

навстречу друг другу. — Но с тобой я познала настоящие эмоции от интимной близости и секса. Теперь я не хочу другого...

Последние слова, она практически шепчет мне в губы, а я уже растворяюсь в её бархатистых нотках, призывающих меня не медлить ни секунды. Но...

Рокки начинает подвывать, и мы смеемся, так и не встретившись губами.

— Что, парень, ревнуешь?

Магия момента развеивается, но притяжение никуда не исчезает. Я беру Лику за руку и поднимаю из-за стола.

— Пойдём.

Не встретив ни капли сопротивления, веду Лику в спальню. Откинув плед, опускаю её на прохладные простыни, сам же оказываюсь сверху, накрывая сладкие губы своими. Неудержимое желание накрывает нас, не оставляя даже шанса, быть не задетыми волной возбуждения.

Хочу ответить ей на все её признания, но не вижу смысла в словах. Ей они не нужны. Лика достаточно наслушалась в своей жизни. К чему сотрясать воздух пустыми обещаниями и давать какие-то обещания... Лучше я докажу ей все своими поступками. Тем более, я уже всё для себя решил. Она моя! Моя половинка, моя единственная, волнующая моё сердце, женщина, моя радость и я хочу быть с ней. Только с ней и всегда. В душе уже живет целый букет чувств, но гораздо больше я могу показать ей, погрузив в мир заботы и любви, уважения и понимания, дать почувствовать себя любимой и желанной. Да, именно любимой. Я... люблю её...

Признаюсь себе в очевидном и тону в её, затуманенном от страсти и моих ласк, взгляде. Растворяюсь в ощущениях единства и полнейшей эйфории вместе с Ангеликой. Каждое прикосновение горит желанием и отражается в ответных ласках. Каждый миллиметр кожи отзывается и реагирует мелкими мурашками, которые затрагивают что-то внутри меня, потому что я тут же осыпаю тело любимой горячими поцелуями. Она шепчет моё имя прямо мне в ухо, а я улетаю от наслаждения выше небес, растворяясь в мироздании. Наша страсть, притяжение между нами доводит нас до пика и Лика не сдерживаясь стонет, а я ловлю каждый её вздох губами, надеясь не пропустить ни слова, предназначенного мне. Её прекрасное тело выгибается в агонии страсти, и моя женщина прижимается ко мне, в надежде разделить сладость момента. Больше не сдерживаясь, отправляюсь за ней. Липкий след на её плоском животе, и я накрываю её разгоряченное тело своим. Сбитое дыхание. Послевкусие яркого и невероятно острого оргазма обволакивает негой. Перевожу дыхание и целую Лику в висок, а потом нас накрывает приятный и беззаботный сон. Как же это здорово, лежать с ней обнявшись, спать с ней, просто быть с ней...

Глава 14/1. АНГЕЛИКА

Об отпуске остались лишь приятные воспоминания. Море больше не ласкает мои лодыжки, а песок не греет стопы теплотой солнечного дня. Рабочие будни затянули меня с головой. Принятие новой должности и многочисленных обязанностей, заняло добрых несколько дней. Все это время, я жила у Маркуса. Он не отпускал меня, отвозил и встречал с работы, мы ужинали вместе, а потом окунались в необузданную пучину удовольствия. Каждый раз постигая все новые и новые его грани. С ним было всё по-другому: непредсказуемо, спонтанно, жарко... Мы занимались сексом там, где нас настигала страсть, абсолютно не стесняясь. С этим мужчиной я сама себя не узнавала, и мне нравилось быть такой немного сумасшедшей, распутной. Я получала ни с чем не сравнимое наслаждение, когда видела, как загораются его глаза, как они мутнеют от желания, когда ощущала его уверенные руки, горячие, то нежные, то требовательные губы. Маркус с каждым разом открывал мне новые грани самой себя. Я и не подозревала, что могу быть такой... страстной... безумной... ненасытной...

Наши совместные вечера, ночи и утра в его доме наполнены многогранными эмоциями: страсти, нежности, уюта, тепла, заботы, гармонии... В течении дня, Маркус присылает мне сообщения и это заставляет меня улыбаться. Он поддерживает меня и безумно верит, что я все смогу, что у меня все получится. Такая поддержка внушает мне только позитивный настрой и дает сил преодолеть все и двигаться дальше. Мне начинает казаться, что он продолжение меня, моя половинка. Порой мы даже думаем одинаково, например, что хотим на ужин, или какой фильм будем смотреть. Но самое важное, он дает мне быть собой, такой какой я хочу, не ущемляя и не требуя меняться. Его кредо: «Будь собой и у тебя все получится, Ангелика». Маркус даже купил мне мольберт и набор акварели, для того чтобы мои тяжелые будни перетекали в отдых, и я расслаблялась, творя для души. И это действительно помогает. Только все картины выходят однотипные... Маркус в профиль, Маркус в анфас... Маркус на диване, и только Рокки разбавляет мои мотивы. Чудесный пёс привык ко мне и, кажется, даже привязался: он постоянно ходит за мной хвостиком по дому и лежит у моих ног, когда я рисую.

Работа, как и раньше, приносит мне удовольствие. И, несмотря на новые обязанности и что её стало в разы больше, я продолжаю наслаждаться процессом, внедряя все новые творческие идеи и развивая нашу фирму. Последствия поступков Альберта еще будут темным пятном отсвечивать на горизонте, но, думаю, все поправимо в этом мире. Так что...

Благодаря Маркусу и чувствам, которые испытываю с ним, я на подъёме. Я готова свернуть горы. С каждым днём убеждаюсь, что я счастлива. Может... может это и есть любовь?

Оглядываясь на свой единственный опыт, я понимаю, что ничего не знаю об этом. Любовь — это переизбыток чувств, эмоций и это постоянный голод... голод по человеку, который тебе необходим, как воздух... как вода... как сама жизнь. Иногда кажется, что если я его не увижу утром и вечером, то забуду как дышать... Маркус вызывает во мне просто фейерверк эмоций, я хочу быть с ним каждую свободную минуту и раствориться в его заботе, объятиях, в его голосе, от которого во мне поднимаются тёплые, волнующие вибрации, распространяющиеся по всему телу в считанные миллисекунды.

Так вот это самые чувства, очень похожи под описание любви, взаимоуважения и

трепета друг к другу. Я... я люблю Маркуса... Уверенность в этом и твердое понимание приходит ко мне, но я боюсь пока признаться в этом даже себе самой.

Боюсь, что это такая же слепая влюблённость, как и... боюсь, что это всё может закончиться и мне снова будет больно... Не хочу сейчас думать об этом... не хочу... Хочу насладиться каждым мгновением рядом с ним.

Звонок Маркуса отвлекает меня от сумбурных мыслей.

— Привет, сокровище мое. Не отвлекаю?

— Нет, как раз думала о тебе.

— А я о тебе. Только, сегодня у меня поздний посетитель и я не успею вовремя забрать тебя с работы. Давай я вызову тебе такси, и ты приедешь ко мне?

— Марк, я же не маленькая, — смеюсь я. — Моя машина так и стоит в гараже. С тобой я совсем разучусь водить сама. К тому же, мне нужно сегодня заехать домой.

Маркус поддерживает меня тёплым смехом и с заботой говорит:

— Может ты дождешься меня, и мы вместе поедem к тебе домой?

— Не надо, я спрошу папу. Возможно, он составит мне компанию, — успокаиваю я Маркуса, понимая, что отец сегодня занят. Мне будет легче одной, привычка все решать самой так быстро не искореняется.

— Хорошо, я позвоню сразу после сеанса, а ты должна брать трубку, независимо ни от чего, поняла? Иначе, я буду волноваться.

— Ладно, я тебя поняла. Брать трубку в любом случае, — шутливо повторяю я, улыбаясь и радуясь про себя такой заботе.

Раздаётся стук в кабинет, и я быстро прощаюсь:

— Ко мне пришли, я пойду дальше работать. Целую...

— И я тебя. И очень жду встречи.

— Войдите, — громко произношу я, сама себе удивляясь: и откуда у меня появились эти командные интонации в голосе?

В кабинет входит наш штатный дизайнер, который сейчас работает над новым проектом для крупного заказчика.

— Фрау Штайн, мне срочно нужна ваша оценка и финальное решение. Мы сделали два варианта, которые вы в прошлый раз похвалили. Они доработаны и полностью отвечают запросам заказчика, но вы так и не сказали, какой из вариантов мы отправляем, — молодой и перспективный Николас, он всегда немного перерабатывает, что абсолютно не вяжется с немецким отношением к работе. Это мне в нем всегда и нравилось. Не зря же я сделала его начальником отдела. Вот и сейчас, так хотел произвести впечатление, что успел завершить два макета, вместо одного. Наверное, опять гонял весь отдел и называл всех бездельниками. Удивительный человек.

— Да, конечно, Николас, проходите.

Смотрю на планшет передо мной, с 3Д моделями абсолютно нового, современного торгового комплекса, заказ на архитектурный проект которого мы получили еще перед моим отлетом на Шри-Ланку. Понимаю, что это только набросок, ведь ещё нужны инженерные доработки. Но это уже выглядит очень даже необычно, нестандартно, немного даже футуристично. Это явно будет выделяться на фоне одинаковых современных зданий.

— Николас, это прекрасно. Мне очень нравится.

— Какой именно? — спрашивает мужчина, поправляя пальцами очки.

— Да оба. Объединим их. Оставим один для первого этажа, а это, — показываю на

крутящуюся в виртуальном кабинете модель стен и разметки помещений в пространстве, — будет второй этаж.

— Правда, а я даже не подумал, — задумчиво всматривается в изображение.

— Видишь, твоё рвение, помогло нам внедрить новшество. Доработайте здесь и здесь, и можно отправлять на согласование с заказчиком, — улыбаюсь, и Николас согласно кивает.

— Два дня, фрау Штайн, и всё будет готово.

— Отлично.

Только Николас покидает мой кабинет, а я начинаю собираться, как в кабинет стучат и входит папа. Он широко улыбается и приветствует меня:

— Лика, дорогая.

— Привет, — папа целует меня в щёку, и мы садимся на диванчик.

— Я горжусь тобой, — тепло глядя на меня, говорит отец. Я немного смущаюсь, с улыбкой опустив глаза. Не часто мне приходилось слышать похвалу от отца. Раньше он чаще говорил это Альберту... — Правда, и не стоит смущаться. Никогда бы не подумал, что в тебе есть такая деловая хватка. За такой маленький срок ты наладила слаженную работу между отделами, установила дисциплину... — папа делает паузу, вздохнув, — отсутствие которой при Альберте меня немного настораживало.

— Ты замечал? Почему не подсказал ему?

— Я говорил, но он... — папа отводит глаза на мгновение, словно не хочет, чтобы я увидела его реакцию. — Он последнее время не слушал моих советов. Он словно стал другим, — я заинтересованно смотрю на папу. — Стал слишком самоуверенным, словно сам лучше во всё разбирается и даже... даже дал понять, что больше не нуждается в моих советах.

— Так и сказал?

— Да. Мне кажется, что эта Ханна... — папа замолкает, и я понимаю, что он знал об интрижке Альберта, о том, что они любовники.

Холод пробегает по спине. Неприятное ощущение, что меня предал самый родной человек поднимает во мне волну негодования. Мои руки вздрагивают, и я сжимаю их в замок, чтобы придать себе уверенности.

— Так ты знал... — тихо говорю я. — Знал, что они любовники. Как давно?

— Лика... Это уже не имеет значение, — виноватым голосом отвечает отец. — Ты ведь уже всё решила. Я просто не хотел лезть в ваши отношения, сами взрослые разберётесь.

— И поэтому ты предпочёл просто промолчать?! — возмущаюсь я. — Я же твоя дочь... — ярость и обида застилают глаза, мне так хочется разрыдаться, но это не к чему. Вот я и произнесла эту фразу, о которой думала так много. Я ведь его дочь... он должен быть за меня... Почему это не так? Почему он всегда поддерживал Альберта, спускал ему все с рук, когда ко мне, наоборот, всегда был строг и придирчив?

— Ты спокойно смотрел, как мой муж... обманывает меня... — я прислоняю пальцы ко лбу и вскакиваю с дивана. Хочется бежать. Укрыться в безопасном месте, где меня любят, в объятия Маркуса... — Интересно, я одна ничего не видела? — закусываю губу от обиды. — Может, все в компании знали? Догадывались? Только я была так слепа, — в бессилии ударяю ладонями по бёдрам. — И ты ещё уговаривал меня простить его... Папа, почему ты так не любишь меня?

— Лика, прекрати, ты несешь бред, — он отводит глаза, но я вижу его растерянность. Он встаёт и подходит ко мне. Сжимает рукой моё плечо.

— Ты до сих пор винишь меня в смерти мамы? Ты считаешь, что это я виновата?

— Лика, не говори глупости. У мамы было слабое сердце, ты же знаешь, тут никто не виноват.

— Но, если бы не я... Она бы не переживала так сильно... она бы жила... — на глаза наворачиваются слёзы, а голос дрожит. Слова застревают в горле, которое сжимает спазмом.

— Лика, в тот вечер, — я вижу, как ему тяжело говорить, он подбирает слова и тяжело вздыхает, вновь улетаая мыслями в те страшные дни, когда все случилось так быстро и необратимо. — Маме стало плохо, так ведь? И ты здесь совсем ни при чем.

— Папа, ты же помнишь, что позвонил мне и Альберт повез меня в город. Я так спешила, что не обратила внимание на его нетрезвое состояние. Та авария... кровь... скорая и... Папа, если бы ты не отвлекся на меня... был с ней... не давал ей нервничать...

— Лика, успокойся, — вспоминая те события, я словно снова оказалась зажатая в той машине, с испугом в глазах и болью в животе. Мой крик, разорвавший темноту ночи и беспомощность Альберта, что даже не осознавал до конца произошедшего. Папа прижимает меня к себе и гладит рукой по спине. — Я люблю тебя. Может я не умею показывать свою любовь... Но ты должна знать, что люблю и ты дорога мне, — он целует меня в волосы впервые за много лет. — Прошлого уже не изменить, — дрожащими руками обхватываю папины плечи, сжимаю пальцы на его пиджаке, а из глаз текут слёзы. — Тогда мы потеряли твою маму и моего внука, но... Мы остались друг у друга. И это важно. Ты моя дочь и я люблю тебя. Я был неправ, что возвысил Альберта и поощрял его, даже когда он не справлялся со своими обязанностями. Я думал, что ты любишь его и я должен помогать, принимать. Но потом, я узнал про Ханну... Я хотел сказать, правда. Только ты такая ранимая, я просто не знал, как тебе это сказать... Не хотел, чтобы тебе было больно. А потом ты все узнала... Прости меня. Я... Я старый дурак.

— Ты ни в чем не виноват. Я сама допустила это... Сама была слепа и позволила Альберту так поступить со мной... с нами... Но, я уже не та наивная девочка, что была раньше. Я справлюсь... теперь справлюсь.

— Конечно, дочка. Я не сомневаюсь в тебе, — отец крепко сжимает меня в объятиях.

Когда он уходит, я продолжаю в душе плакать. Плакать от того, что давно запертые воспоминания вновь вырвались на свободу. Я безумно скучаю по маме, до сих пор, спустя столько лет. Мне не хватает ее заботы, ее любви и ласки. Мама... В ту роковую ночь, меня доставили в больницу всю в крови и почти в бессознательном состоянии. Единственные мысли Альберта были о том, чтобы его не лишили прав из-за найденного в крови алкоголя, а уж совсем не я и мое самочувствие. Придя в себя, я согласилась сказать, что сама была за рулем и стала виновницей аварии. Когда же в палату вошел отец, на нем не было лица. Папа был бледен словно смерть, но причина оказалась не только во мне. Сорвавшись ко мне, он оставил маму... сердце не выдержало и... ее не спасли... Возможно, если бы Альберт не позвонил сразу отцу, не нажалуйся он на аварию, и не... да что теперь гадать. Я до сих пор задаюсь вопросом: что было бы, если бы не та авария.

Поведение отца простительно, он просто боялся сделать мне больно. И, наверное, сделал бы. Возможно, на его месте, я поступила бы также, но все равно, мне было обидно. Обидно и тяжело от осознания ситуации, от того, что все так нелепо получилось.

Вся в мыслях еду в свой дом. В эти дни, проведенные с Маркусом я совсем забыла об Альберте. Съехал ли он из дома? Да и вещи в том единственном чемодане, что был со мной, не совсем подходили для руководителя крупной компании. А те, что висели в офисе,

требовали пополнения.

Глава 14/2. АНГЕЛИКА

Подъезжая к дому, вижу машину Альберта и набираю в лёгкие воздух. Дом встречает меня светом во всех окнах. Странно, Альберт должен был давно съехать, таков был уговор. Предстоит неприятный разговор. Откидываю голову на подголовник и закрываю глаза. Всё же он не хочет мирно расстаться. В чём причина не могу понять. Чего он хочет добиться своей настойчивостью? Ведь очевидно, что между нами всё кончено. Дороги назад нет. Это просто невозможно. Ключ послушно поворачивается в замке, а я застываю на пороге, не успев сделать и шаг. Туфли... женские... не мои... Ханна! В подтверждение моих слов, в холле появляется пышногрудая блондинка. Она не удивляется и одаривает меня взглядом полным высокомерия.

— Я думала, ты уже не появишься, — цедит она сквозь зубы.

— С какой это стати? Это мой дом. А вот что ты здесь делаешь?

— Что значит твой? Это дом Альберта, а я его женщина. Значит и живу здесь по праву.

— А вот дом Альберту не принадлежит, — возмущительно! Мало того, что он не съехал, не подписал развод, так ещё и любовницу свою привёл в мой дом. — Разве он тебе не сказал?

— Ты врешь...

— Зачем мне это? Спроси у своего мужчины, ведь ты считаешь его уже своим?

— Да ты завидуешь, что он выбрал меня, а не тебя. Ты скучная, холодная и плохая жена.

— Это он тебе сказал или ты сама придумала? — мне становится грустно и обидно от ее слов.

— Оставь его. Отпусти, — снова шипит, прищурившись, и подходит ближе.

— Да я не держу. Только дом все равно принадлежит мне. Так что, вам придется найти другое место для проверки, кто лучшая жена.

— Ты, стерва, сама трахаешься напропалую со своим психологом, а Альберта не отпускаешь!

— Да не нужен он мне! — не выдерживаю я, повысив голос. — Даже подписала уже документы на развод. Не знала? — лицо блондинки вытягивается, а ярко накрашенные губы приоткрываются от удивления.

— Не в курсе? Твой мужчина не делится с тобой информацией или скрывает правду? — издаваюсь над ней.

— Он все мне рассказывает, — обиженно сверлит меня взглядом.

— Так ты должна знать, что никаких прав на дом у него нет.

— У нас будет ребенок, — выпаливает блондинка, а моё сердце сжимается от обиды. Альберт несколько лет уходил от темы детей после того, как я потеряла ребёнка, а тут... интрижка и сразу беременность

Видя произведенный на меня эффект, Ханна победно продолжает:

— Ты же и так не нуждаешься, живешь у своего психолога. Да и новый дом можешь себе позволить. Денежки у твоего папаши водятся, и сама теперь большой босс, — издевательским тоном, скривив губы, вываливает на меня слова пропитанные злобой и завистью.

Я слегка опешиваю от услышанного, но беру себя в руки.

— С чего ты взяла, что мне интересны ваши проблемы и я должна дарить вам память о

маме? Этот дом для меня важен.

— Ты бесчувственная стерва, это ведь ребенок...

— Ваш ребенок... — парирую я. — О нём должен позаботиться отец. Не так ли? И растрачивая деньги компании, он должен был подумать о последствиях.

— Какой ребёнок? — услышав голос за спиной, Ханна вздрагивает от неожиданности и оборачивается.

Я смотрю на искренне удивлённого Альберта, который явно растерян. Ханна кладёт руку ему на плечо и заглядывая в глаза мурлычит:

— Твоего ребенка. Ты не знал? — все превращается в полнейший фарс, и я уже начинаю улыбаться от понимания происходящего. Эти двое стоят друг друга — погрязли во лжи и интригах. Искреннее удивление и неподдельное выражение неприязни касаются лица Альберта. Он явно не рад такой новости. Теперь я понимаю, что причина была не во мне — он вообще не хочет детей. Он сбрасывает в раздражении её руки и отстраняется.

— Не может быть, мы всегда предохранялись.

— Но Альберт? Я...

— Не хочу ничего слышать, это не мой ребенок, — такие перемены в нём страшат даже меня. Таким циничным я его не знала. Кажется, истинный Альберт продолжает проявляться. Смотрю на него и не могу поверить, что когда-то любила этого мужчину.

— Альберт, перестань, я же просто хотела помочь... — она пытается понизить голос, но находясь так близко друг к другу, её попытки проваливаются. — Я же ей так сказала.

До Альберта доходят её слова, и он смотрит растерянno на меня, а я уже откровенно улыбаюсь от такой бредовой ситуации. Звонок в дверь снимает напряженность ситуации. А так как я стою прямо у входа, то сразу открываю дверь. Маркус, увидев меня, с улыбкой притягивает к себе и целует. Он не замечает сразу присутствие гостей, поэтому, ответив, я нежно прерываю его. Окинув удивлённым взглядом холл и увидев парочку, он спрашивает:

— Что тут происходит?

— Не твое дело. Ты вообще зачем пришел? — агрессивно выступает вперед Альберт. — Ты вообще, что тут забыл?

— Спокойно, Альберт, — я заступаю ему дорогу, но Маркус не дает мне это сделать, вставая передо мной.

— Я приехал за Ликой и намерен её дождаться, — твёрдо и уверенно заявляет Маркус. — Так что, если тебе это не нравится, то никто не держит.

— Уже почувствовал себя тут хозяином?! — пренебрежительно, срываясь на крик, выпаливает Альберт. — Она ещё моя жена! Убирайся!

— Альберт, — пытаюсь остановить его, но он не слышит, смело наступая на Маркуса.

— Пошёл вон из моего дома!

Пытаюсь встать между мужчинами и остудить накалившуюся ситуацию.

— Во-первых, развод не за горами и то, что ты мой муж — это временно. Во-вторых, дом не твой, а мой. И ты здесь совершенно чужой. Так что сам уходи и Ханну не забудь. Ничего не помогает, в воздухе витают разряды негатива. Меня словно игнорируют, слова разбиваются о стену, рассыпаются ненужными частичками в пустоту. Мне становится страшно, ведь я вижу наливающиеся гневом глаза Альберта. Его скулы напряжены, кулаки сжимаются, а поза говорит о том, что в любую секунду он готов броситься на Маркуса, словно бешеный пес.

— Лика, отвали.

— Не говори с ней так.

— Говорю как хочу и с кем хочу, — рычит Альберт.

— Только не с Ангеликой. Я не позволю.

— Да кто ты такой?! — срывается на крик бывший.

— Думаю, что её выбор очевиден, — спокойно отвечает Маркус. — Я её мужчина, и я не позволю с ней так обращаться.

— Какой ты мужчина? — кривится Альберт. — Ты жалкое подобие...

— Кто из нас, кто не вам решать. Я, по крайней мере, не делаю больно своей женщине, не унижаю её, не заставляю испытывать вину, не использую в своих меркантильных целях. Просто ценю и хочу быть рядом.

— Да что ты себе позволяешь?! — окончательно закипает Альберт, подавшись вперёд.

— Пожалуйста, прекратите! — моя последняя попытка и та неудачная.

Тестостерон брызжет в разные стороны, мужское эго неумолимо требует выплеска, и передо мной мелькает кулак, направленный в лицо Маркуса. Меня толкают в сторону, я теряю равновесие, комнату разрывает писклявый крик Ханны, в глазах темнеет и сознание притупляется. Только не это... Я сдавливаю голову руками, и картинка плывёт. Смутно различаю потасовку между мужчинами. Зрение возвращается, и я вижу, как Альберт падает на пол от сильного удара в челюсть.

Ханна, как кошка, прыгает на спину Маркуса и с истерическим визгом впивается в него своими длинными ногтями, стараясь причинить боль. Неимоверная сила просыпается во мне. Никогда в жизни не дралась, но я, словно тигрица, защищающая самое ценное, хватаю эту дикарку за волосы и рывком тяну назад. Она не ожидает от меня такого отпора и с выкриком валится на задницу.

— Хватит! — громко кричу я, сотрясая стены. — Ненормальные! Убирайтесь! Чтобы ноги вашей больше тут не было!

Смотрю на Альберта, который, поднимаясь на ноги, потирает разбитый нос и челюсть. Вокруг осколки разбитых предметов, случайно попавших под горячую руку, разбросанные вещи и сдвинутая мебель. Замечаю, что на пол падают капли алой крови, которая стекает с моей руки, и только сейчас ощущаю жжение в ладони. Видимо порезалась при падении.

Тишина поглощает помещение. Слышен лишь хруст разбитого стекла и шорох шагов. В полном молчании, Альберт и Ханна, приняв поражение, направляются к выходу. Ненавидящие взгляды и искривленные яростью лица... какой ужас... Меня трясёт от пережитого.

Маркус подходит ко мне, обнимает за плечи, смотрит в глаза с заботой и прижимает к себе. Я чувствую его тепло, силу, защиту, и постепенно успокаиваюсь.

— У тебя кровь, — шепчет он обеспокоенно. — Нужно срочно обработать

— Я и не заметила, — обессилив от выброса эмоций, говорю я. — В ванной аптечка.

Нежность рук Маркуса прогоняет нервозность, и я понимаю, что все закончилось. Они ушли, но оставили очень неприятный осадок и состояние обреченности. Понимание, что Альберт так просто не отступится, что он намерен бороться за дом поселяет в моей душе презрение и тревогу. Никогда даже представить не могла, что мои чувства к нему, любовь, преданность, нежность — вот так, за считанные недели, могут смениться такими чувствами. Неужели я была так слепа, что не замечала его истинной сущности, или он так изменился? Эта комедия с ребенком, вывела меня из себя. От падения еще кружилась голова, а Маркус... Боже, Маркус...

— С тобой все в порядке? — дотрагиваюсь до его подбородка, где виднеется свежая ссадина, а он берет мою руку. Целует пальцы, нежно глядя в глаза. Его бровь тоже рассечена и из нее по виску стекает струйка крови, а на скуле царапины от женских ногтей.

— Все хорошо, я не пострадал, но ты...

Не верю, ведь вижу, что потасовка с Альбертом оставила значительные следы. Первая нахожу все необходимое и дезинфицирую царапины на его лице. Он зажмуривается и убирает мою руку.

— Не надо, тебе важнее, — настойчиво забирает ватный диск и прижигает мой порез.

Маркус очень заботливо и аккуратно обрабатывает рану, уверенными и чёткими движениями, словно делал это всю жизнь, перебинтовывает мою руку. Я наблюдаю за его сосредоточенным лицом и ловлю его задумчивый взгляд.

— Прости, — шепчу я, — за это... я... я вообще не понимаю...

— Лика, перестань... Ты ни в чем не виновата. Я... мы во всем разберемся. Все будет хорошо.

И Маркус прижимается к моим губам, запустив пальцы в мои волосы и обхватив голову. Нам больше не нужны слова, просто тепло и нежность друг к другу, залечивает раны, дает нам силы. Всё меркнет в сладких объятиях мужчины, который теперь значит для меня гораздо больше, который перекрывает все плохие мысли, прошлое и обещает радужное настоящее. Есть только мы: он и я, а остальное только неважно. Вместе можно преодолеть всё. Главное — желание быть вместе вопреки всему.

Раннее утреннее солнце безжалостно светит, не давая шанса на продолжение сна. Я обнимаю своё сокровище, нежно свернувшееся, как котенок, в моих руках. Её запах сводит с ума, а нежная бархатистая кожа не дает возможности оторваться от неё. Провожу рукой по оголенному бедру, направляясь вверх по идеальным изгибам божественного тела. Лица сонная, почувствовав прикосновение, жмётся ко мне в ответ. Целую плечико и касаюсь округлой груди. Под моими пальцами пуговка соска моментально твердеет, и я слышу лёгкий вздох удовольствия. Чувствую, что моё желание просыпается так же, как и Лица. Она улыбается и поворачивается ко мне, а я утопаю в её сонном взгляде. Яркое солнце глубоко отражается в радужках весёлыми бликами, играет лучами в золотистых волосах, и она вся будто светится, превращаясь в истинное сокровище.

— Доброе утро, — произносит чуть слышно, пробуждая во мне сильное желание одним своим голосом, взглядом, вздохом...

Наша ночная страсть, преступающая все законы, по которым можно так сильно желать женщину и все известные нормы, когда она так страстно и неистового отвечает на ласки, оставила нам ощущение приятной утомлённости, но наполненности друг другом. Эта утомлённость тает с первыми лучами солнца и нашим пробуждением. Мне всегда будет мало моей Лицы. Она стала для меня смыслом... Даже во сне я скучаю по ней... «Она — моя... моя ценность, моя половинка, моё сокровище...» — шепчу с каждым поцелуем, оставляемым на её нежной коже, и она отвечает мне такими же поцелуями и чувственными ласками.

— Маркус... — ловлю её шёпот с губ, когда погружаюсь в неё полностью.

Лица выгибает шею, откидывая голову назад, и впивается ногтями в мои плечи. Её ножки сильнее сжимаются на моей пояснице, и я срываюсь, неторопливо, но напористо. Хочу её всю наполнить собой, остаться в ней навсегда... в её мыслях... в её сердце... моя...

Накал эмоций и ураган сладких ощущений накрывает нас с головой в очередной раз. Неужели, так будет всегда? Каждый раз всё ярче и интенсивней. Эйфория заставляет каждый раз замирать от восторга, а послевкусие становится все разнообразнее, с оттенками разных переживаний и чувств.

Прекрасное утро прекрасного дня, как и каждое рядом с моей необыкновенной Ангеликой. Мы уже привыкли быть вместе, я и не знаю, как смогу начать свой день по-другому. Только с ней и только так. Дневные заботы и работа, а вечер с любимой. Да, именно с любимой. В моей голове, уже сложилось понимание реальности и осознание чувств, испытываемых к моей женщине. Это не влюбленность, не симпатия, не просто желание. Это именно сильное и крепкое чувство, которое люди называют любовью. Для каждого она своя. Кто-то не может жить и спать без человека, кто-то не знает, чем себя занять, если партнёра нет рядом... А для меня... Я не могу дышать без Лицы, все мои мысли, только о ней, переживания и забота только для неё. Я весь только для неё... Она словно стала неотъемлемой частью меня самого.

Наши разговоры, уютные домашние вечера, страстные ночи и чувственные пробуждения наполняют мою жизнь смыслом, и я больше не вижу себя без всего этого. Мне хорошо с Лицей. Рядом с ней я просто счастлив. Такое редкое и ценное чувство, и я наслаждаюсь каждым моментом.

Ангелика любит свой дом, и мы живём в нём. Она с радостью и Рокки приняла. Парень быстро освоился на новом месте. Они ведь теперь не разлей вода... иногда даже ревную немного. Здесь огромный сад, много простора и свободы, намного лучше для такого активного парня, как Рокки. Он постоянно пропадает в саду, но вечера проводит с нами. Утомившись, ложится у ног Лики, как преданный слуга. Признал её хозяйкой, чему я безумно рад.

Сегодня я раньше освобождаюсь и решаю приготовить ужин, потому что Лика задерживается. Что ж, руководящая должность отягощается большей нагрузкой и плотным графиком работы. С этим мне приходится смириться. Но Ангелика довольна, с восхищением всегда делится своими успехами и достижениями, и я поддерживаю её. Ведь именно этого я и хотел с нашей первой встречи. Я сразу увидел в ней потенциал, зажатый тисками непростых отношений.

Процесс развода, как всегда, затягивается и постоянно возникают проблемы с Альбертом. Вот и сегодня, я увидел переживания на ее лице.

— Устала?

— Есть немного, — вздыхает Лика, садясь в кресло и снимая туфли. Кривится, шевеля пальцами, и с удовольствием вытягивает ноги. — Альберт подал апелляцию на имущество, теперь еще несколько недель пересчётов и на подготовку документов. Почему он не успокоится никак? Ведь это бесполезно. Подарок мамы — не включен в раздел имущества.

Я опускаюсь рядом с ней на пол и беру её ножку в руки. Массирую уставшую ступню, и она ошеломлённо останавливает на мне взгляд. Рокки тут же оказывается рядом, подставляя свою морду под приветствие. Ангелика смеётся и гладит парня.

— Твой адвокат профессионал, он то уж точно докажет безосновательность претензий Альберта на дом, — поддерживаю её.

— Наверное, ты прав. Только всё так затягивается, еще эти бессмысленные апелляции, неужели не ясно, что я не отдам ему дом. Только бешеные затраты на адвоката. К чему ему это, неужели, не может смириться?

— Некоторые люди, считают, что им все должны, поэтому и совершают много необдуманных поступков, — перехожу к другой ножке. — Всё наладится.

Лика задумчиво смотрит на меня, и я поднимаю глаза. Она нежно улыбается, когда наши взгляды встречаются.

— Ты меня балуешь.

— Я просто хочу снять твою усталость. Ведь у меня есть планы на ночь, а уставшая женщина в постели — сомнительное удовольствие, — подмигиваю ей с улыбкой.

— Хитрец, — смеётся. — А чем это так вкусно пахнет? — Лика втягивает в себя аромат запеченных ребрышек с овощами под винным соусом и облизывает губы, тем самым вызывая приятное чувство радости в груди. — С ума сойти, Маркус, ты окончательно меня избалуешь.

— Иди прими душ. Как раз будет всё готово к ужину, — протягиваю руку и помогаю ей встать.

Лика, улыбаясь, разворачивается к спальне, и я легонько шлёпаю её по аппетитной попке в узкой юбке.

— О-у... — вздрагивает она и оборачивается, одарив игривым взглядом.

— Это для разогрева, — шучу, и она, виляя попкой, уходит в спальню, а я не могу оторвать взгляд от желанной женщины. Только когда она скрывается в дверях, отмираю,

вспомнив про мясо.

Ужин проходит, как всегда, с улыбками и разговорами обо всем. Мы не утаиваем друг от друга ничего и с удовольствием делимся, как прошел день. Иногда мне кажется, что открытие и легче мне ещё не было ни с кем в общении, как с Ликой. Её смех заряжает меня, её улыбка позволяет забыть всю тяжесть и напряженность работы. Словно не я психотерапевт, а она моё лекарство от всего. Сладкая и нужная медицина, без которой уже никак.

Утренний будильник оповещает, что пора вставать и вновь окунаться в атмосферу рабочих будней. Моя сладкая и нежная Лика лежит на моей груди. Её размеренное дыхание щекочет. Роскошные локоны разбросаны по подушке, и мне с трудом удаётся не запутаться в них, выбираясь из постели к навязчиво трезвонящему аппарату. Лика нежно потягивается и поворачивается за мной.

Не хочу её будить, ведь сегодня мне значительно раньше необходимо в офис, чем ей. Пусть еще поспит. Аккуратно целую сонную красавицу в губы, которые слегка растягиваются в улыбке. Укрываю покрывалом и направляюсь в ванную комнату. Через десять минут я уже собран и готов, но не могу заставить себя уйти без ещё одного взгляда на мою любимую. Не верю своему счастью и, не удержавшись, веду пальцами по её щеке, задерживаюсь на подбородке и губах. Она улыбается во сне, а я отражением поступаю также. Просто невозможно от неё оторваться, но работа есть работа. Нехотя, выхожу из дома. Мой верный Рокки, потягивается, зевает и трусит за мной, провожая. Я треплю его за загривок и прошу присмотреть за хозяйкой. Настроение сегодня какое-то тревожное, но я списываю всё на недосып, раннее утро и то, что я не хочу оставлять Лику. Несмотря на ранний час, пробки на дорогах уже сформировались и водители, спешащие добраться вовремя до места, уже сигналият и нервничают.

После первого сеанса с пациентом звоню Лике. Пару часов без неё, а я уже скучаю. Очень хочу услышать её голос. Узнав, что у неё всё хорошо и она уже подъезжает к офису компании, на душе становится легче, и я возвращаюсь к работе.

Сегодня все валится из рук, я сам не свой. Несобранность и какое-то странное интуитивное предчувствие не даёт мне сконцентрироваться, а впереди ещё полно работы. Не могу унять тревогу и вновь звоню Лике. Её приятный голос на другом конце успокаивает меня немного.

— Привет, — беззаботно произносит она и кислород глубже попадает в лёгкие. Все это время, мне почему-то сложно было даже дышать, грудь сдавливала тревога, а её голос возвращает мне эту способность. — Маркус, как хорошо, что ты звонишь. Я сама только хотела тебя набрать.

— Что-то случилось?

— Нет, всё в порядке. Просто мне звонила соседка, фрау Мюллер. Она слышит лай Рокки, думает, что может какой-то зверёк забрался к нам, а наш парень гоняет его там. Она пожилая женщина и ей необходим отдых. Я съезжу домой, пока появилось свободное время.

— Давай я сам.

— Не нужно, у тебя сейчас приём, а у меня как раз закончились все важные встречи на сегодня.

— Хорошо. Только позвони как выяснишь, что там с Рокки.

— Конечно. Целую. Она сбрасывает звонок, а мои внутренние инстинкты просто продолжают вопить об опасности. Я хочу схватить пиджак и бросится к Лике, но в кабинет

заходит тучная женщина лет пятидесяти, преграждая мне дорогу.

— Гер Шольц, я не опоздала? Так спешила, кругом одни пробки. Развелось машин у нас в Германии. Совсем атмосферу не берегут. Вот и мой дорогой муж, Гер Отт, также думает...

— Добрый день, фрау Отт. Я рад вас видеть. Присаживайтесь.

Мой профессионализм побеждает мою тревогу и интуицию, и я окунаюсь в работу. Приходится глубоко загнать свои волнения, хотя они нисколько не утихают, а с каждой секундой становятся всё сильнее и сильнее.

Но по истечении сеанса разговорчивая дама никак не хочет покидать мой кабинет. Трачу на неё драгоценное время сверх нормы отведённого на сеанс. Я уже не нахожу себе места, ёрзая на стуле, в любой момент готовый сорваться и нестись к Ангелике, обгоняя всех на своем пути. Встаю с кресла, давая понять, что я уже готов проститься с ней, но она никак не унимается, рассказывая мне про своих ужасных соседей и внуков. Приходится, вежливо выслушивая её, практически подталкивать к выходу.

Наконец, мне удаётся закрыть за ней дверь, но дама решает ещё зацепиться языком с моей помощницей. Не обращая внимания на их трещание за дверью, иду к столу и впопыхах нахожу телефон. Набираю номер и, затаив дыхание, жду. Один гудок... второй... пять одинаково играющих на моих нервах длинных сигналов, и включается автоответчик. Тревога разгорается во мне с ещё большей силой. Уже почти дышать нечем. Снова набираю номер Лики. Жду, но ситуация повторяется. Да что происходит? Меня бросает в пот, и я срываю с себя удушающий галстук. Третья попытка... и вновь безуспешная. От внутреннего переполнения страхом за Лику, я тарабаню пальцами по рабочему столу и повторяю бессмысленную процедуру снова и снова.

Всё... нервы сдали... Быстрым шагом выхожу из кабинета.

— Эльза, будьте так любезны, отмените, пожалуйста, всех на сегодня.

— Так у вас больше нет никого, Гер Шольц, — лепечет испуганная помощница. Наплевав на всех и не попрощавшись, я стремительно вылетаю из своего офиса. Прыгаю в машину и, нарушая все правила скоростного режима, лечу домой. На мою удачу, смельчаков, пытающихся мне помешать, нет.

Глава 15/2. МАРКУС

Уже в начале улицы, замечаю сначала скопление народа у ворот дома, а потом и причину. Густой серый дым ядовитой струей устремляется в небо, перемешиваясь с языками разгорающегося пламени, из окна спальни на втором этаже.

Из моих лёгких моментально выбивают воздух, и мне становится трудно дышать. Адреналин бьёт по вискам, заставляя сердце отбивать ритм в несколько раз быстрее положенного.

Паркую машину прямо на дороге и выбегаю, забыв даже заглушить мотор. Пытаюсь пробраться к дому, расталкивая шумную и бесполезную толпу зевак.

Нет... Ангелика...

Сам не свой, перебирают связку с ключами, которую Лика вручила мне на днях, но пальцы словно окаменели. Непослушные, негибкие, они не слушают посылы моего головного мозга, что нужно действовать быстрее... что она там... что я нужен ей. Разобравшись с ключами и, найдя нужный, вхожу во двор. Теряюсь, откуда дым, куда мне бежать. Только теперь, очнувшись от шума в голове, не дающего здраво мыслить, слышу громкий лай. Вбегаю в дом.

Сквозь едкий дым, валяющийся из-под двери в спальню, до меня доносится скуление пса, и я зову:

— Лика! Рокки!

Парень отзывается громким лаем на мой голос, и я слышу скрежет когтей о деревянный пол и снова лай. Густой дым, не щадя легкие, проникает в них, становится очень трудно дышать, почти ничего не видно уже. Я закашливаюсь, получая дозу угарного газа, но упрямо устремляюсь на пронзительный собачий лай. Рокки скулит и раздражает деревянную дверь спальни, она не поддается и лай становится невыносимым. Понимаю, что время работает против нас и совсем скоро будет уже поздно. Дергаю ручку, в пустых попытках открыть дверь сам, но она не слушается. Замок заклинило... тогда всем весом врезаюсь в неё плечом снова и снова, пытаюсь выбить. Бок ужасно ноет, руки разбиты в кровь от попыток силой справиться с проблемой. Нет... неужели я не смогу...

— Лика! — выкрикиваю будто в бреду. Наваливаюсь на несчастный кусок дерева, закрывающий мне проход к любимой. — Лика!

От бессилия и удушающего дыма, слезы льют ручьями, закрывая обзор и препятствуя попыткам сконцентрироваться. Из последних сил, я наваливаюсь всем корпусом и начинаю бить ногами. Жаль, что это классические туфли, а не походные ботинки, но только и они дают эффект. Я толкаю дверь из последних сил, но она все равно не поддается. Падаю на пол в ужасном приступе кашля. Попытки убрать преграду между нами отняли много сил. Я тру глаза, стирая слезы. Собираюсь с силами и стремительно, еле различая слезящимися глазами дорогу и сбивая всё на своем пути, спускаюсь в подвал, за инструментом.

Главное не оступиться, главное... скатываюсь по ступеням и бегло, жмурясь, ищу подходящий предмет. Хватаю со стены монтировку. Что есть силы... вверх... Лика... моё сокровище... я уже... иду...

Подлетаю к двери. Замечаю, что Рокки уже ослаб и без сил лежит под дверью... парень... дым не оставляет и ему шанса... продержаться... ещё... немного...

Дверь поддается под натиском моих сил и монтировки, срываясь с петель. Толкаю

плечом, она нехотя распаивается и почти падает, повиснув на петлях.

Ужас наполняет меня... жар ударяет в лицо... кровать вся в огне... как и шторы... Чёрный дым валит и почти ничего не видно....

Лица... Я вижу её... она лежит на полу... без сознания

— Лица! — кидаюсь к ней. — Лица!.. — мой голос срывается.

Она не дышит...мне кажется, что это так. Я хватаю её хрупкое податливое тело и, стараясь не налететь на окружающие предметы, спешу к выходу. Трудно смотреть, а ещё сложнее дышать. Мои лёгкие уже полностью накачаны дымом, и сознание начинает медленно теряться в ужасе происходящего. Я вижу словно кадры из фильма: я у двери... вылетаю на улицу... в отдалении воет сирена... кто-то подбегает ко мне... Из последних сил, уже отключаясь, я падаю на колени перед крыльцом... кладу Лику на траву, а сам прощупываю её пульс... дыхание... жива... боже...

Дышу... дышу, как сумасшедший, чтобы не вырубиться. Туман отпускает, я не в норме, но в сознании. В отличие от моей любимой.

— Лица... Боже, родная.... Не бросай меня, прошу тебя... — хватаю её холодеющую руку, пытаюсь удержать в ней жизнь. Как сумасшедший целую каждый пальчик, и всё шепчу и шепчу, словно в бреду: — Живи... Пожалуйста, только живи... я люблю тебя... я не смогу без тебя...

Мне что-то кричат... кто-то оттесняет меня от моей Лики. Я вижу много людей, голубой свет заливают двор, переключаясь с громкой сиреной пожарной и скорой машин.

Врачи забирают её, надевая кислородную маску на лицо, кладут на носилки, а я словно прикованный к месту и ничего не соображая, стою.

— Пожалуйста, дайте нам делать нашу работу, отойдите.

Не могу ничего с собой поделать. На меня налетает Рокки. Парень, очевидно, выбежал за мной или ему помогли спасатели. Он ластится ко мне, но от дыма и гари, быстро теряет запал. Укладывается возле меня и кладет мне голову на колени. Тяжело дышит, высунув язык. Бедняга, досталось ему. Я поглаживаю его морду, а сам думаю о Лике. Не могу даже подняться. Голова забита, ноги ватные, тело совсем не слушается. Только сейчас понимаю, что мне тоже хорошо досталось от порции дыма. Но Рокки, совсем плохой.

Вижу, как Ангелику кладут на носилки, как везут к машине скорой помощи, вижу всё как в замедленной съемке. Собираясь с силами, встаю и направляюсь за Ликой. Голова кружится, и меня шатает. Ко мне подбегает человек в форме с красным крестом.

— Гер...

— Шольц, — отвечаю я.

— Гер Шольц, прошу присядьте, — парень показывает на каталку. — Вам тоже нужна помощь, — смотрит на мои разодранные в кровь кулаки.

— Пожалуйста, позаботитесь о собаке.

— Конечно, — фельдшер скорой помощи тут же знаком подзывает еще кого-то и я вижу, что Рокки уже вкалывают укол.

— Всё будет хорошо, парень, — поглаживаю я своего верного друга.

— Мы должны вас осмотреть, — фельдшер подносит к моему лицу кислородную маску.

— Со мной все в порядке, мне нужно к девушке, они увозят её. Я поеду с ней, — пытаюсь отстранить его руку.

— С ней всё будет в порядке, — успокаивает он меня. — Вы позже сможете её навестить.

— Я еду с ней. Если хотите, обследуйте по дороге, но я не отпущу её одну, — настойчиво и как можно твёрже говорю я. — Я нужен ей, — понимая, что спорить со мной бесполезно, молодой человек уступает мне и даже сам провожает до машины.

Его помощь как нельзя кстати, потому что я переоценил свои возможности. Дойдя до машины и оказавшись рядом с Ликой, позволяю надеть себе маску. Кислород наполняет мои лёгкие, тут же отрезвляя затуманенный дымом и газом мозг. Голова идёт кругом. Сквозь туман в глазах, я неотрывно смотрю на моё сокровище. Она бес сознания, такая... хрупкая... Сжимаю её тоненькие пальчики, которые тонут в моей большой ладони. Сердце сжимается. Становится легче от осознания, что с ней все в порядке. Если бы я только задержался еще хоть на минуту, могло быть уже поздно.

Минуты тянутся, словно кто-то специально замедляет время. Я просто сам не свой от того, что Лику увезли в реанимацию и я просто не представляю, что происходит. Мне сказали, что ничего страшного, но теперь, я понимаю, что меня обманули. Волнение и страх за Лику не дают мне трезво мыслить. Я не могу сидеть, от палаты я отказался, теперь стою под дверью в реанимационную и не знаю, как быть. Обхватываю голову, пытаюсь унять волны пугающих мыслей. И в этот момент дверь открывается. Из неё появляется врач.

В коридор влетает гер Штайн. На его лице испуг, обеспокоенность. Он мельком кивает мне и сразу кидается к мужчине с вопросом:

— Доктор, с ней все в порядке?

— Сейчас состояние стабильное, но придётся поддерживать на оксигенации. Не волнуйтесь, никаких поводов для этого нет.

Я выдыхаю с облегчением, от слов профессионала становится гораздо легче. Тревога уступает место усталости, и я сажусь, откинув спину на стену.

— Она отдыхает, скоро её переведут в палату. Я советую вам тоже отдохнуть.

— Когда я смогу её увидеть?

— Завтра переведём пациентку в палату, и сможете увидеть. А сейчас она даже без сознания, — пожилой мужчина с пониманием смотрит на отца Лики, потом на меня. — Гер Шольц, давайте я вас на ночь тоже в палату определю. Отдохнёте. Мы за вами понаблюдаем. Вы же тоже дыма наглотались, да и руки ваши требуют ухода, — врач кивает на мои содранные в кровь костяшки, на которых кожа топорщится лохмотьями, а подсыхающие ранки уже жгут при каждом движении.

— Думаю, вы правы, на этот раз я не буду отказываться.

— Вот это правильное решение, гер Шольц, пойдёмте.

Гер Штайн закрывает рукой лицо и отворачивается, но я, уходя за врачом, я вижу в его глазах слёзы и потрясённое выражение лица. Эмоции в его душе зашкаливают, и он не говорит ни слова. Потом... потом обязательно поговорим. Сейчас главное — это здоровье Лики.

Я знаю много слов, выражений и научных терминов на разные состояния пациентов, но ничего не подходит для определения моего. Рассвет только занялся, а мне уже не до сна. Все мои мысли заняты ей... Лика, моя дорогая Лика. Мое сокровище, моя радость, мой смысл, приобретенный недавно, но так основательно поселившийся во мне... в мыслях... в душе... в сердце...

Несмотря на адскую боль, я уже полностью готов отправиться к ней. Останавливает только тишина в коридорах больницы. Еле дожидаясь положенного часа, когда меня провожают в палату к любимой и дают немного времени побыть с ней наедине.

За моей спиной захлопывается дверь, а я не могу заставить себя подойти. Хочется кричать, умолять, чтобы на её месте оказался я, но... уже всё произошло.

Медленно и осторожно приближаюсь. На большой больничной койке она выглядит такой маленькой и хрупкой. Лица спит, а её лицо выражает умиротворенность, спокойствие...

Бледная кожа во сне кажется мраморной. Еле ощутимое дыхание, поддерживаемое пискom аппаратов. Замечаю датчики на её руках, и сердце сжимается в комок. Даже дыхание задерживаю, словно боясь её спугнуть.

Присаживаюсь рядом и беру маленькую ладошку в свои руки. Она тонет в них. Трепетные пальчики немного вздрагивают, словно крылья бабочки на ветру.

— Лица, — зову я тихо, чтобы не испугать и не нарушить полную тишину палаты. Ответом мне служит тишина. Спит... так и лучше. Целую пальчики, боясь пропустить хоть один.

Глубокий вдох Ангелики, и я на мгновение замираю, нет... не проснулась. Поглаживаю её ладошку. Я так много хочу ей сказать. Чувства рвутся наружу, ища выход, но слова... Они замирают где-то в горле, сдавленном спазмом от переизбытка эмоций, как только вспоминаю кадры вчерашнего ужаса. Даже представить не могу... не хочу... чтобы было если...

Что же случилось? Этот вопрос возникает в мыслях, моргающей красной лампочкой, но я отгоняю его. Потом... всё потом... Сейчас главное она... моя Лица... моё сокровище... моё сердце...

Да моё сердце, потому что сейчас я отчётливо ощущаю, что оно вместе с ней... с её сердцем так же медленно пульсирует под действием лекарств, дыхание также замедленно с её дыханием в унисон.

Не могу сдержаться. Склоняюсь к ней и касаюсь губами нежных губ. Закрываю глаза от накатившей волны непонятного чувства, которое ещё сильнее сдавливает грудь. Понимаю, что никогда ещё в жизни ничего подобного не ощущал. Такого... волнения за другого человека, такой всеобъемлющей, поглощающей меня всего целиком, нежности.

— Любовь моя, — губы сами шепчут заветные слова, и я понимаю, что пропал. Весь в ней. Нет уже меня одного, есть только мы вдвоем.

Рука в моей ладони слегка сжимается, и я чувствую еле различимый шепот Ангелики:

— А ты... моя... — она, не открывая глаз, слегка облизывает пересохшие губы, — любовь...

Моё сердце готово выпрыгнуть из груди от услышанного, и я крепче сжимаю её руку. Ресницы Ангелики вздрагивают, и она медленно открывает глаза. Уголки губ чуть растягиваются, а я от счастья прижимаю её руку к губам, к лицу.

— Радость моя, — шепчу словно в счастливом бреду. — Ты в порядке, я так рад. Я так испугался за тебя, что произошло? — провожу рукой по её волосам.

Она вновь прикрывает глаза, ей больно вспоминать, и сейчас не стоит давить. Лица только пришла в себя... успеется...

— Прости, родная, я не хотел. Отдыхай, позже обо всем поговорим, — а сам просто благодарю все силы, что сохранили жизнь моей любимой.

— Маркус, — так тихо говорит Лица и пытается приподняться.

— Лица, не стоит, — пытаюсь её остановить.

— Обними меня.

Больше меня просить не нужно, я и сам безумно этого хочу. Со всей аккуратностью, на которую только способен, я нежно обнимаю мою любимую. Одна рука зарывается в её волосах, притягивая к себе. Лица носиком утыкается в мою шею, и я ощущаю её тёплое дыхание. Её пальчики слегка сжимаются на моих плечах. Она медленно вздыхает и замирает в моих руках, словно наполняясь покоем. Я чувствую вибрацию её сердцебиения в груди и закрываю глаза.

Сколько же пришлось пережить моей любимой. Сколько горя перенести. Но мы все пройдем вместе, все наладится и забудется. Необходима просто поддержка и любовь. Это всё лечит. И конечно, еще время, чтобы стереть из памяти некоторые моменты, ведь всего не вычеркнуть. Воспоминания могут лишь размыться или притупиться, но не уйти навсегда, поэтому нам нужно заменить их новыми и прекрасными. А это, думаю, нам по силам, особенно теперь, когда мы поняли насколько дороги друг другу.

Я вскакиваю на постели вся мокрая от пережитого ужаса. Не могу восстановить дыхание, жадно хватаю воздух. Снова и снова переживаю всё. Я вся в огне, мне некуда бежать, всюду пылающие языки пламени, облизывающие уже мои ноги. Мне страшно, я зову на помощь, задыхаюсь от нехватки кислорода, но никто не слышит моих криков, никто не поможет мне. Слышу жалобный скулеж за дверью, но не могу пошевелиться. В глазах всё плывёт и все части тела меня не слушаются. Резкий и болезненный укол принес мне онемение конечностей и полнейшую неспособность к действиям. Теряя последние остатки сознания, прихожу к пониманию, что возможно это... конец... что я больше не увижу... любимые глаза... не почувствую его губы... не услышу его голос... мне становится ужасно страшно и ... не смотря на жар огня... холодно...

— Лика, — Маркус тоже садится на постели рядом. Он обнимает, и мне становится спокойнее. — Все в порядке? Снова этот сон?

Не могу ответить, мои губы пересохли, и из горла не выдавить ни звука. Лишь машу утвердительно головой, а он крепче сжимает меня в объятиях. Осматриваюсь и понимаю, что это и правда всего лишь сон. Никакого огня, никакой опасности... я дома у Маркуса. Рядом с кроватью спит Рокки, свернувшись калачиком. Услышав наши голоса, пёс поднимает морду, и я встречаюсь с его обеспокоенным взглядом. Рокки кивает мордой тихо скульнув.

— Не волнуйся, его накажут Лика.

— Я знаю, — с горечью произношу я. — Просто у меня в голове не укладывается, как он мог? Так поступить со мной...

— Лика, мы ведь уже выяснили, что он хотел получить страховку на дом... и, — Маркус осекается, боясь произнести вслух то, что мы знаем.

— Да, я помню. Все в порядке, Маркус, — грустно произношу я.

— Сегодня еще предстоит встреча со следователем. Можно я поеду с тобой?

— Думаю, мне необходима твоя поддержка, — прижимаюсь к Маркусу. Сейчас мне необходимо его тепло, забота и эти крепкие объятия, которые дарят защиту и уверенность. Маркус гладит по голове, а я глубоко вздыхаю, пытаюсь выбросить из мыслей сон, развеять неприятные воспоминания, которые пугают меня, заставляя содрогаться всем телом.

— Я рядом, Лика. Я с тобой. Всегда буду с тобой, любимая.

Его гипнотизирующий взгляд, нежные руки и горячие губы на щеках, собирающие остатки моих слез, успокаивают. Маркус не отрываясь перемещается к моей шее, влажные следы действуют на меня расслабляюще. Мое тело отзывается и волны горячих возбуждающих импульсов пробегают по всему телу, сосредоточившись внизу живота. Тугая и упругая спираль закручивается, начиная уносить меня в мир страсти и необузданности, что обещает мне Маркус. Я отвечаю ему такими же страстными и чувственными ласками. Мне всё время хочется его целовать, всего. Иногда мне до сих пор не верится, что это реальность, что мы вместе. С Маркусом я словно каждый день в раю, словно мы не возвращались с острова, где всё началось.

Маркус притягивает меня к себе теснее, и я перемещаюсь на его бедра. Близко... очень, словно соприкасаемся каждой клеточкой кожи... глаза в глаза... дыхание и стук сердец в унисон... Жаркие поцелуи не останавливаются... руки всё смелее сминают мою грудь, язык

и губы ласкают соски, заставляя меня всё громче стонать и погружаться в эйфорию удовольствия. Я призывно двигаю бёдрами в такт страсти, и чувствую, как Маркус хочет меня. Его твёрдый член требовательно упирается в меня, наполняя жаром и томительной истомой, ощутить его внутри. Я приподнимаюсь и, крепче обхватив Маркуса за плечи, впускаю внутрь. Жадно обхватываю всем своим существом, сжимая мышцы, не желая отпускать. Ритмично двигаюсь, поддерживаемая сильными руками моего мужчины. Не перестаём целоваться, тонем в глазах друг друга, в ощущениях. Я его чувствую так остро... ярко... неповторимо... Блаженство...

Как и каждое путешествие в мир оргазма и эйфории, мы ныряем в него с головой, преображая реальность, строя её заново, только вдвоем. Но в последнее время наш секс стал еще ярче, еще чувственней, а все потому, что между нами теперь нет недосказанности. Мы открыты, мы свободны от тайн и главное — мы любим... Когда люди любят, все становится полнее и прекраснее. Даже простые объятия и поцелуи приобретают иной смысл. Каждое прикосновение, каждый жест, все пропитано чувствами, эмоциями. Теперь я знаю, как должно быть, когда действительно любишь, а не заблуждаешься.

День только начался, а я уже выбилась из сил. После душа и крепкого кофе, сваренного наспех, мы отправляемся в полицейский участок. На повестке дня: разговор со следователем. И вроде, ничего особенного, все вполне обыденно, в таких ситуациях, но... Еще в пути меня начинает трясти, и внутри поселяется тревога. Непонятное состояние моего организма, стало сразу объяснимым, когда мы с Маркусом приезжаем в участок, входим в кабинет, и я вижу его... Альберт стоит спиной к нам, но я всё равно его узнаю. Широкая спина больше не прямая и высокий рост сейчас скорее мешает, чем возвышается над всеми, но это он. Мои мысли озвучивает Маркус, интуитивно задвигая меня себе за спину:

— А он что здесь делает?

— Добрый день, фрау Штайн, гер Шольц. Сегодня у нас очная ставка, нам важно все, что произошло в мельчайших деталях. Прошу присаживайтесь, — следователь указывает на противоположную сторону кабинета, где располагается стол и нас уже ждут два стула.

— Гер Минце? Вы уверены, что это хорошая идея? — Маркус все еще напряжен и не собирается расслабляться. В этот момент я смотрю в лицо Альберта. В нем нет и намёка на сожаление и сочувствие ко мне, к тому, что произошло.

— Вам придётся выйти, гер Шольц. — Да, конечно, — Маркус рассеяно отвечает и сжимает мою руку. Я взглядом его успокаиваю, в ответ сжав его пальцы, и он нехотя выходит из кабинета.

Хочу успокоить его, чтобы он не волновался, хотя сама напряжена и натянута как струна. Замечаю наручники на руках Альберта, и становится спокойнее. Тут же вижу игру бывшего мужа, когда перед следователем он меняется и строит из себя белого и пушистого, а когда смотрит на меня, его взгляд становится ненавидящим и жестким. Страх не покидает меня все это время, но я стараюсь собраться и сконцентрироваться на вопросах следователя. Ведь он же не посмеет, не здесь...

— Начнем с вас, фрау Штайн. Расскажите, пожалуйста, все с самого начала, еще раз.

— Мне позвонила соседка, она жаловалась на Рокки. Он, по ее словам, громко лаял, — начинаю опять все ворошить у себя в голове. — Я решила, что нужно съездить и проверить, успокоить его, — сжимаю руки под столом, — потому что обычно он спокоен, когда нас нет дома.

— Вас?

— Да, меня и Маркуса, — замечаю злорадную ухмылку Альберта.

— Твоего любовника так и говори, — он снова мерзко ухмыляется, а я сглатываю. — Никогда бы не подумал... тихоня на деле оказалась шлюхой...

Я снова сглатываю и закрываю на секунду глаза. Оскорбительные слова мужа ударяют словно хлыст. Чувствую, как щеки заливают румянец. Альберт добился чего хотел — унижил меня, заставил испытывать стыд. — Прошу вас без оскорблений, — твёрдым голосом останавливает его гер Минце. — У вас будет возможность высказаться, когда я спрошу. Продолжайте, фрау Штайн.

Стараюсь успокоиться и игнорировать Альберта. Не смотрю в его сторону, только на следователя полиции. Сжимаю руки на коленях и продолжаю:

— Когда я приехала, то не обнаружила пса ни в доме, ни во дворе. И это мне показалось странным. Ведь фрау Мюллер сказала, что он громко лаял. Я поискала его в саду, в доме, но нигде...

— И что же дальше?

— А дальше, я вернулась в дом. Зайдя в спальню, услышала, как захлопнулась дверь, а обернувшись, увидела... — перевожу дыхание и смотрю на Альберта. Тот напрягается, ожидая моего ответа. — Я увидела Ханну. Она закрыла дверь и смотрела на меня. Сначала, возникла пауза, потому что я была в растерянности и недоумении, что она там делает, но потом мне зажали рот крепкой рукой, не давая издать никакого звука, и шею обожгло иголкой. Когда же через несколько секунд меня опустили на пол и убрали хватку, я не смогла уже ни говорить, ни кричать. Даже больше, все мышцы моего тела, отказывались подчиняться мне. Я видела только, как Альберт, — от своего имени мужчина кривится, а я сглотнув подошедший ком к горлу, продолжаю свой рассказ: — Альберт и Ханна... Они... Ханна что-то вылила на кровать и шторы... не знаю какую-то жидкость, — от воспоминаний меня снова трясёт, ладошки покрываются испариной. Мне бы было гораздо легче рядом с Маркусом. Я тереблю край своей блузки, жалея, что Маркус сейчас не рядом. Это немного успокаивает, но не приносит должного эффекта.

— Может воды? — вежливо предлагает капитан Минце.

— Нет. Спасибо, — набираю в лёгкие воздуха и продолжаю: — А мой муж... он что-то сделал с проводами из розетки, и произошла вспышка. Я увидела искры, которые на покрывале кровати моментально стали разгораться в пламя. Но потом... потом силы меня стали покидать. Я стала терять сознание. Когда усилием воли, снова смогла разлепить глаза, то дым уже застилал комнату. Возле меня остановились мужские туфли. Альберт... он... он только поднял мою голову за волосы и... ухмыльнулся и так... так посмотрел... с ненавистью... и...и... — горло уже сдавливало от подступающих слёз, — и сказал: «Спокойной ночи, дорогая.» А потом... этот смех, — я нервно облизываю губы, — женский смех... такой злобный... издевательский...

Глаза уже застилают слёзы. Не могу сдержать их. Меня снова всю трясёт озноб ужаса. Я словно вновь оказалась там... в дыму... одна... страх и обречённость... а ещё ужасное разочарование и боль... боль, что я жила с этим страшным человеком, называла его мужем, любила... самое ужасное разочарование — понять, что ты совсем не знал человека, который был тебе самым близким.

— Ложь! — неожиданно выкрикивает Альберт. — Ты сама устроила пожар, чтобы избавиться от меня, обвинить и засадить в тюрьму.

— Ты ненормальный?! — ошеломленно говорю я.

— Потому что я не давал тебе развод! Шлюха! Притащила в дом любовника!

— Гер Майер, успокойтесь, — пытается его утихомирить капитан, усаживая на место, потому что Альберт вскочил со стула, выплёвывая мне все эти слова в лицо.

— Нет-нет. Капитан, вы должны меня выслушать! Она изменяла мне, гуляла со своим психологом, меня выгнала из дома, а я ... я хотел все вернуть, наладить нашу жизнь, поэтому не давал развод, думал поймет, одумается, и мы снова станем семьей, как раньше...

Его ложь звучала так наигранно, что мне казалось, вот-вот сама споткнется о себя же, но Альберт продолжает. Он все говорит и говорит, какая я ужасная, а он такой прекрасный и правильный, пытался вразумить нерадивую жену. Хочется дать ему чем-то по голове, лишь бы замолчал. Капитан Минце что-то записывает себе в блокнот и никак не комментирует происходящее.

— Это ложь... Я подала на развод после твоей измены, твоего предательства, которое стоило нашего брака и компании. Ты чуть не разорил её из-за своей жадности! Теперь я понимаю. Тебе всего было мало. Ты хотел всё. Страховка! Вот что тебе нужно было! — выкрикиваю я, наконец понимая в чём причина его ужасного поступка. — Скажи... признайся... это не только страховка на дом так ведь? Ты знал, что отец застраховал мою жизнь! К н и г о е д . н е т

Меня пробирает омерзительный холод от осознания, что я жила с таким человеком, который готов был убить меня ради денег. Альберт смотрит на меня с ненавистью, а я замечаю заинтересованный взгляд следователя полиции.

— Страховка жизни?

— Да, Гер Минце, на очень большую сумму. Не так ли, Альберт?

— О чем ты? Я не знаю ни о каких страховках. Ты все врешь, обвиняя меня в поджоге и каком-то там уколе. Спросите Ханну, я не виноват, меня вообще там не было...

— А вы не волнуйтесь, гер Майер, мы уже всё у всех спросили. И Ханна Лерке уже все нам рассказала. Даже больше, она обвинила вас в принуждении её ко всем преступным действиям.

— Что?.. — тон мужа мгновенно падает. Он сильно удивлён.

— Да, фрау Лерке уже дала свои показания, и они практически совпадают с показаниями вашей жены.

— Не может быть. Ханна? Чушь. Она не могла... мы... я...Его поникшее выражение лица и бегающие глаза, выдавали в нем страх и неуверенность. Мне даже стало его немного жаль. Значит, его любовница предала его.

Допрос длится долго, и я уже полностью выбиваюсь из сил. Воспоминания совсем не радуют меня, заставляя вновь чувствовать себя беспомощной и жалкой. Альберт сидит молча и после новости о Ханне не пытается возражать. Его энтузиазма поубавилось, как только следователь озвучил, что Ханна сдала его с потрохами. Нелепые вопросы, уточнение тяжелых для меня последствий и, наконец, разрешено сделать перерыв. Почти дойдя до двери, меня окликают Альберт и просят пару минут наедине. Следователь не решается и задает вопрос мне:

— Что вы думаете об этом, фрау Штайн? Я могу дать вам пару минут.

— Нет, я не готова оставаться с ним наедине, — еще бы, после всего, что он сделал, мне просто страшно. И говорю уже бывшему мужу: — Говори так, если есть что.

Скривившись и выражая свое недовольство, Альберт поджимает губы, задумывается и, придя к своим собственным выводам, соглашается.

— Лика, я хочу попросить прощение, за все что натворил, — очень странно слышать такое от Альберта. Сначала мне даже показалось, что он действительно раскаивается, но видя, как он переводит взгляд со следователя на меня, я понимаю, что игра никуда не делась, что все это напускное, и верить Альберту не стоит.

— Вспомни всё хорошее, что у нас было. Ведь я любил тебя. Я оступился с Ханной, потом... когда увидел тебя с этим... я просто пришёл в бешенство... я отчаялся, что потерял тебя, — его лицо принимает жалостливое, молящее выражение, в голосе отчаянье и мольба. — Мне было очень больно осознавать, что потерял тебя. Лика... любимая, прости меня...

Альберт неожиданно падает на колени передо мной. Он тянет ко мне руки в наручниках, хочет коснуться моих ног, и я в изумлении вздрагиваю. Даже, зная теперь какой он искусный притворщик, такого от него не ожидала. Становится невероятно противно, видеть его таким. Неужели он всегда действовал именно так, неприкрыто, мерзко, но только сейчас мои глаза открылись, и я вижу истинность его поведения? Да, пожалуй, так и есть. Я встаю со стула, и его руки соскальзывают с моих коленей.

— Если ты хочешь тем самым вынудить меня забрать заявление и простить твои поступки, то можешь забыть об этом, Альберт.

— Хочу вам сообщить, гер Майер, что можете на это не надеяться, — в разговор вступает капитан Минце. — Даже если ваша жена заберёт заявление, то дело о поджоге и покушении на убийство — это уголовное преступление, которое расследуется вне зависимости от заявления потерпевшего.

Альберт переводит тяжёлый взгляд на следователя, но молчит. Медленно поднимается с колен, садится на стул, положив руки в наручниках на колени. Смотрит на свои руки, словно обдумывая слова капитана.

— Единственное, что может немного облегчить вашу ситуацию — это чистосердечное признание и раскаяние в суде. С ними вы можете надеяться на смягчение приговора, — Альберт поднимает взгляд на мужчину и переводит его на меня. — С возможностью рассмотрения досрочного освобождения за хорошее поведение. Подумайте хорошо.

В небольшой комнате для допросов нависает молчаливая пауза, которая, кажется, тянется вечность. Моё сердце сжимается от всего происходящего. Никак не могу смириться с мыслью, что когда-то этот мужчина был самым близким для меня, средоточием всего мира... а оказался обманщиком и предателем... убийцей... вся наша совместная жизнь... годы... оказались фарсом. Пошлым, банальным, как в дешёвой бродвейской постановке... Меня начинает мутить. В животе нарастает волнение. Мерзко... гадко...

Глава 16/2. АНГЕЛИКА

— Думаю, фрау Штайн, вы можете быть свободны, — низкий голос следователя прерывает тишину. — Благодарю вас за помощь.

Дверь в комнату открывается, и мужчина в форме провожает меня в коридор. Опустив голову в раздумьях, я покидаю помещение допросной, наполненное тяжёлой атмосферой, где мне не хватало воздуха. Ноги словно не слушаются. Всё словно ужасный сон. Никогда и представить не могла, что со мной может произойти что-то подобное. Хочется, чтобы всё это скорее закончилось. Только бы хватило сил пережить это...

Коридор встречает меня тишиной. Маркус сидит на ближайшей скамейке, а рядом... папа. Он, как и в прошлый раз, сразу приехал ко мне в больницу, сидел у кровати, не уставая и не давая себя выгнать. В этот период, пока я была в отключке, а потом и на реабилитации, два моих самых родных человека, сошлись на заботе обо мне.

Соседняя дверь открывается и из нее выходит Ханна. Девушка кажется растерянной и подавленной. Поднимает глаза, замечая меня, и сразу выражение лица сменяется на змеиное. Проходя мимо, она останавливается и наклонившись, чтобы слышали лишь мы вдвоем, едко произносит:

— Радуйся, ты победила, стерва. Добилась своего и уничтожила нас...

— Думаешь, моя смерть сделала бы вас счастливыми? — спокойно отвечаю, хотя в душе всё переворачивается, сердце колотится от её отвратительных слов, наполненных ядом.

— Всем стало бы легче, если бы ты погибла в том пожаре, — её слова колют меня, словно та иголка, что оставила следы в моей душе и на теле.

Я хватаюсь за грудь, потому что становится трудно дышать, как будто из меня выкачали весь кислород, как будто словом можно убить... не знаю, чего добивается Ханна, но выбить меня из равновесия у неё прекрасно получается.

— Думаешь, вам бы всё сошло с рук? — мой голос дрожит от нахлынувших эмоций, но я чувствую на плечах заботливые руки, которые хотят меня защитить. Маркус... становится легче. — Вы бы стали первыми подозреваемыми.

— Лица, не слушай её, — слышу голос папы.

— Пойдём, — вторит ему Маркус.

— Идёмте, фрау Беккер.

Недовольное выражение лица и удаляющиеся громкие шаги Ханны и ее надзирателя, позволяют мне вновь вздохнуть полной грудью. Какие все же гнилые и двуличные бывают люди. Я в своем маленьком мирке, постоянно отгораживаясь от всех в творчестве и работе, не смотрела на людей столь пристально, а теперь мне открылись такие подробности самых низменных человеческих пороков, что я не могу даже в голове уложить эту информацию. Так живешь и думаешь о людях только хорошее, на самом же деле, они за кусок бетона или за пачку денег готовы просто взять и лишить тебя жизни. Страшно...

— Лица, дорогая, можешь уделить мне пару минут?

— Конечно, пап, — вижу его волнение, он будто бы готовится произнести целую речь. Маркус, понимающе отходит в сторону, но не уходит совсем.

— Дочка... я... уже просил прощения у тебя за мою невнимательность и то, что я не придавал значения действиям Альберта...

— Пап, не надо. Ты ни в чем не виноват.

— Виноват Лика. Люди виноваты в том, что сами закрывают на что-то глаза, упускают важные, значимые моменты, думая, что это не их дело и... я еще виноват перед тобой, я мало уделял тебе времени... Особенно после смерти Марты, твоей мамы. Она была для меня всем, ты ведь знаешь. Но я забыл об этом тогда, упустил, когда перестал её слушать и слышать. А потом... сердце, и... её не стало. Мне до сих пор её не хватает, дочка. Она была моей музой, моей ... Если ты встретила человека, который заботится о тебе, волнуется и всегда хочет быть рядом... Если ты понимаешь, что этот человек твой, то держись его, живи и будь счастлива. Жизнь коротка, чтобы разбрасываться хорошими людьми, чтобы тратить себя на ненужные дела, на ненужных людей.

На мои глаза наворачиваются слезы. Мы никогда об этом не говорили, но мне тоже ужасно не хватает мамы. Её теплоты, улыбки, и я прекрасно понимаю, о чём говорит папа. Невольно перевожу взгляд на Маркуса.

— Я успел с ним познакомиться, он очень хороший человек. Мне кажется, что он любит тебя и готов во всём поддерживать.

— Да, это так и есть.

— Тогда я могу лишь пожелать вам счастья, — отец трёт свои уставшие глаза, а я беру его за руку.

— Спасибо, папа. У меня есть для тебя кое-что.

На днях, я необдуманно рисовала, дожидаясь встречи на работе. Под рукой был лишь простой карандаш и мои воспоминания. Я была увлечена и когда закончила, на листе бумаге увидела маму. Она была такая, как я её помню: улыбающаяся, с добрым взглядом и большими красивыми глазами.

— Я знаю, что её не вернуть, но она всегда будет в нашем сердце. Я уверена, что она не держит на тебя зла и давно простила.

— Надеюсь, ты права, дорогая, — отец смахивает мужскую слезу и крепко обнимает меня. Я кладу голову на его широкое плечо и закрываю глаза.

Мы никогда с отцом особо не были близки. Когда я была маленькая, то впитывала редкие моменты, что он проводил со мной. Хранила их в памяти и часто скучала по ним, когда стала старше. Потом... мы отделились... упустили время... Но теперь я чувствую, что между нами словно рухнула стена, и мы наверстаем упущенное время.

Мы разнимаем объятия, и папа, глядя на меня, спрашивает:

— Что с твоим домом, Лика? Пока он будет ремонтироваться, ты не хочешь пожить у меня? Или...

— Я поживу у Маркуса, но спасибо, пап, — я улыбаюсь, тронутая заботой отца, а он понимающе кивает.

— Может, как-нибудь поужинаем вместе?

— Конечно, буду рада.

Папа прощается с нами. Вижу, как он бережно складывает мой подарок и кладет его ближе к сердцу. Мне приятно и даже становится легче от осознания, что все мои ранние мысли и догадки об отношениях родителей, оказались пустыми. Я возвращаюсь к Маркусу, и мы с удовольствием покидаем полицейский участок. Хватит с нас грязи и страданий, пришло время идти дальше и открыть новую страницу нашей истории. Оставить все старое в прошлом: все переживания, всех, кто старался насолить и испортить нам жизнь. Говорят: всё что не делается, всё к лучшему! И я верю, что все было не просто так, что судьба дает мне шанс стать счастливой, быть собой и любить замечательного, заботливого и

отзывчивого человека. Мы обрели друг друга совсем недавно, но у меня уже полное ощущение, что Маркус, как говорят, мой человек, мой мужчина, с которым я хочу провести жизнь, с которым не хочется расставаться ни на день. Нам вместе настолько хорошо даже молчать, что мне не верится, что такое возможно. Он словно часть моей души и сердца. Он чувствует меня как я сама, словно читая мои мысли, знает меня лучше, чем я сама. Предугадывает мои желания, поддерживает, любит, не требуя ничего взамен. Мы вместе получаем удовольствие друг от друга: говорим без утаек, как близкие друзья, окунаемся с головой в страсть, укутываем друг друга нежностью и заботой... Мы счастливы, и мы вместе!

Мои глаза перевязаны легким шарфом, ничего не видно, но в этом и смысл. Опираюсь на сильную руку любимого, стараюсь не оступиться, хотя это и очень сложно.

— Осторожно, ступеньки.

— Много?

— Ну, порядочно. Скажем, больше двух, — смеется он, а я пытаюсь понять, где мы.

— Три?

— Нет, дорогая. Пять.

— Пять? Вот это да, — рядом суетится Рокки, и я слышу его радостное дыхание.

Слышу, как Маркус, приостановившись, перебирает ключи и открывает дверь. В нос сразу прилетает запах апельсинов и корицы. Рождественские пряности — самые вкусные и любимые мной. Но пахнет не только выпечка. Я улавливаю нотки хвои и начинаю улыбаться. Ель! Обожаю зеленую рождественскую красавицу.

— Ну, думаю, что мы пришли.

Марк освобождает мои глаза от шарфа. Я шурю, пытаюсь сфокусировать взгляд и, когда мне это удается, моему восторгу нет предела.

— Вау....

Светлые стены ослепляют своей девственной чистотой, и двери в гостиную с большими витражными вставками, сквозь которые я вижу большую ель с жёлтыми огоньками гирлянды. Мои ноги сами невольно идут туда. Я распахиваю двери и вижу уютную гостиную с мягким гарнитуром и большим столом для семейных ужинов.

— Как красиво, Маркус.

— Я не стал наряжать ёлку, подумал, что мы сделаем это вместе, — Марк указывает на коробку, наполненную разноцветными елочными украшениями.

— Когда здесь успели закончить ремонт? С моим последним проектом я совсем потерялась. Спасибо тебе, ты все так здорово сделал.

— Все сделали вовремя, а я лишь следил за всем. Пойдем, я покажу тебе самое интересное, — он заговорщически берёт меня за руку, и мы почти бегом направляемся вглубь дома. Рокки счастливый и довольный прыгает рядом, иногда неуклюже врезаясь в нас своим сильным корпусом и практически сбивая с ног.

— Готова? — спрашивает Марк, держа меня в напряжении и не открывая большие двери.

— Ну не томи уже, — изнываю от нетерпения и любопытства и с улыбкой целую любимого в губы.

Тогда он распахивает двери, и я застываю на месте, не веря своим собственным глазам. Огромное помещение, на стенах которых висят мои картины, которые я писала в последнее время. А в центре, вставленная в красивую рамку, та самая акварель со Шри-Ланки, где возле океана в белой рубашке и закатанных до колен легких штанах изображен Маркус. Большой мольберт и рабочий стол с множеством баночек с кистями и карандашами, краски, холсты, бумага. Всё так уютно, как я видела в мечтах свою домашнюю мастерскую. Маркус словно прочёл мои мысли. В очередной раз удивляюсь, насколько он хорошо меня знает.

— Маркус... это... восхитительно...

— Тебе нравится?

— Очень, — восхищенно смотрю в глаза любимого и с нежностью обвиваю руками его шею. Прижимаюсь всем телом и целую в губы. Наш сладкий поцелуй углубляется. Его руки скользят по моей спине и останавливаются на талии. В сладкой истоме, нехотя, разрываю поцелуй.

— Спасибо, — шепчу ему в губы.

— У тебя столько уже работ, что пора организовать выставку, — улыбается Маркус.

— Амбициозно, — улыбаюсь я. — Я подумаю над этим. Мой взгляд цепляется за картонные коробки на столе.

— Что это? — подхожу ближе, не понимая, что за вещи внутри.

— Я нашел это в гараже, подумал, ты захочешь разобрать. Я заинтересованно, достаю свои давно позабытые вещи. Тюбики с краской, холсты и кисти всех размеров, от самых маленьких до огромных, свадебное фото в рамках, милые подарки от Альберта в виде Валентинок и разных сувениров. Я вспоминаю, что собрала их, когда в слезах и с болью в сердце, после измены мужа, хотела избавиться от всего, что мне напоминало о нём, о нашей фальшивой жизни.

Глубоко на дне обнаруживаю фото в рамке, разворачиваю его к себе и замираю от нахлынувших воспоминаний. Как я была глупа... я улыбалась и думала, что это и есть счастье... День свадьбы, я в большом, как пирожное Бизе, платье, выбранным не мной и абсолютно мне не подходившем. Теперь я замечаю наигранную улыбку Альберта и отстраненный взгляд. Я была так слепа, что верила ему безоговорочно, но...

Часто ослеплённые чувствами, влюблённостью, особенно в юном возрасте, мы не замечаем реальности, а она потом оказывается очень жестокой... Желая причинить мне вред, отобрать у меня жизнь, Альберт не думал, что его постигнет доля хуже, чем смерть.

Заседание суда и приговор был оглашён всего пару недель назад, и я ещё не до конца отошла от пережитого. Удар молотка судьи, с эхом прозвучавшего в огромном зале, словно поставил точку в моём прошлом. Теперь новая жизнь. С Маркусом она уже началась там на Шри-Ланке, но эти не перевернутые страницы не давали мне вздохнуть полной грудью, свободно, словно постоянно затягивая меня назад тяжёлыми мыслями, страхами, неуверенностью. Альберт приговорен к пяти годам в тюрьме. Не скажу, что мне стало легче от этого, но по крайней мере, мои кошмары прекратились. Я перестала бояться и оглядываться на каждый шорох. Теперь той, прошлой Лики уже нет. Маркус научил меня любить себя, жить, быть счастливой, дал мне уверенность и защиту. Я всегда чувствую его поддержку. С ним мне под силу всё.

Иногда бывает, что те, кому ты доверяешь, предают тебя одними из первых. Ханна дала показания против своего любовника и сбежала подальше от неприятностей и проблем, получив только условный срок. Альберт не ожидал такой удар в спину от подруги и взял всю вину на себя. Он сломался, я видела это в его взгляде, в его поникших плечах, и мне его искренне жаль. Но каждый заслуживает по своим действиям, будь то наказание или поощрение. Надеюсь, Ханна вынесет урок из всего и не станет совершать больше ошибок. А Альберт... у него будет много времени все обдумать...

— Хочешь, я оставлю тебя одну? — задумавшись, забываю, что Маркус стоит рядом. — Нет, не надо. Я слишком долго была одна. Теперь я хочу только вдвоем, — я кидаю фото обратно в коробку. — Это можно выбросить и забыть, как и прошлую жизнь, — поворачиваюсь к любимому и кладу руки на его широкие плечи.

Маркус целует меня и прислоняется лбом к моему. Я чувствую его надёжные крепкие

руки. В них мне всегда так спокойно...

— Это моё самое заветное желание, ты же знаешь, — выдыхает и почти шёпотом произносит: — Вместе, всегда. Эти слова вызывают во мне такой прилив нежности, что я таю, как мороженое на солнце. Чувства рвутся наружу, заставляя сердце трепетать. Мне хочется окутать этой нежностью своего мужчину с головы до пят, объять его сердце, которое он, доверившись мне полностью, вручил в мои маленькие хрупкие руки. Я очень ценю его искренность, его любовь, его заботу и хочу дать ему в ответ во сто крат больше.

— Думаю, нам пора проверить нашу новую мебель. Как ты считаешь? Начнем с большой кровати в спальне? Или первым делом познакомимся с кухней? — Маркус смеется, а я уже тяну его за руку по лестнице на второй этаж.

— Никогда не мог даже подумать, что ты такая ненасытная. Мне очень нравится это в тебе, — он опережает меня на верхних ступенях и подхватывает на руки. Я утопаю в его страстных поцелуях и благодарю Вселенную, что в тот день я сбежала на набережную и встретила свою судьбу.

Шутя и смеясь, мы преодолеваем коридор и Маркус распахивает дверь в нашу новую спальню. Она даже располагается в другом крыле, не говоря уже про полную перепланировку и замечательный дизайн в модном стиле. Очень светлая, просторная, много белого цвета. Успеваю только оценить прекрасное ложе, потому что мой мужчина кладёт меня на кровать и, не прерывая жарких поцелуев и ласк, начинает раздевать меня. Кровать, специально сделанная на заказ, поражает воображение.

— Ого, — вырывается у меня поневоле.

— Вот сейчас и проверим: ого или не ого...

И мы проверяем, падая в бездну удовольствия и страсти. Нам всегда мало друг друга и, надеюсь, что мы не пресытимся друг другом никогда. Нежные объятия, перерастают в страстные и смелые, лёгкие прикосновения превращаются в настойчивые и чувственные. Мы летим в пропасть соблазна и познания друг друга, желая с каждым разом получить все больше удовольствия.

Маркус проводит языком по моему животу, спускаясь все ниже, даря мне волнительные ощущения всего лишь от прикосновений. Он уже знает, что мое тело реагирует на него, как спичка на огонь, моментально распалаясь и горя в огне. Желание накрывает меня, и я тороплю Маркуса, но он не жалеет меня, продолжая мучить мое тело, истязать его поцелуями и нежными касаниями. Все тело трясет от перевозбуждения, и я уже практически на пике удовольствия. Сама не выдерживаю и опрокидываю Маркуса на спину, сажусь сверху, наконец, получая такую нужную мне наполненность. Его горячие руки на моей талии, бёдрах, я чувствую его так остро... Он ласкает грудь... притягивает к себе... целует жарко... чувственно... Наши языки сплетаются, дразнят друг друга... Глаза в глаза. В один такт...

Он во мне, и хватает всего несколько рывков для достижения верха блаженства, но это еще не все. Маркус перенимает инициативу, и я вновь на пике страсти и безудержного кайфа. Никогда не думала, что буду испытывать оргазм с этим мужчиной по несколько раз, раньше бредила хотя бы об одном. Сейчас же, сама не знаю, как этот мужчина может лишиться рассудка и отправить в рай, еще и так искусно. Маркус догоняет меня на вершине блаженства, низким стоном вторя моим вскрикам удовольствия.

Не успевая отойти от такого бурного всплеска страсти и забыв про ужин, проверяем нашу огромную кровать повторно, словно не распробовав ощущения. Прерываемся только

поздней ночью, почти нагишом поедая на просторной кухне закуски, которые находим в холодильнике.

Так начинается наш переезд в новый дом, накануне Рождества. Ёлка ждёт своей очереди, камин греет не только тело, но и душу, а мы не можем оторваться друг от друга. Еще многое предстоит, мы только учимся понимать и принимать себя такими, какие мы есть. Но главное, что мы безумно хотим быть счастливыми, все делать вместе, потому что так нам очень хорошо. А если есть желание, то всё возможно. Счастье возможно, когда оба любящих сердца этого хотят взаимно. Маркус научил меня любить, научил верить, ценить и получать удовольствие от каждого мгновения. Мы учим друг друга каждый день чему-то новому, будь то терпение или доверие, новые смешения чувств или понимание. Каждый день мы делаем всё, чтобы мы были счастливы, строим нашу новую жизнь. Вместе!

Больше книг на сайте - Knigoed.net